Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 8

2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Валентин ДЖУМАЗАДЕ. *Рассказы* 3
Али САФАРОВ. **Путешествие в Испанию** 38
АТАГАМ. *Рассказы* 67

ПОЭЗИЯ

Ирен ТАСАЛОВА. *Стихи* 32
Инвер ШЕУДЖЕН. *Стихи* 118
Таир ТАИСОГЛУ. *Стихи* 128

ПУБЛИЦИСТИКА

Гюлюш АГАМАМЕДОВА. **Осажденная крепость** 30
Светлана ХАЛЫГОВА. **Мультикультурализм** 110
Марк ВЕРХОВСКИЙ. **Интервью с сотрудником ООН Нарминой Гулиевой** 120
Азер ДАМИРОВ. **Harmony** 124

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**

Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**

Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**

Литсотрудники – **Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ**
https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474
https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg

Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,***
Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 18.07. 2022 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2022 г.

ВАЛЕНТИН ДЖУМАЗАДЕ

Р А С С К А З Ы

Воспринимай все, стоя на голове

– Ты слышал, что наш дом попадает под снос? С этими словами к Ильясу в прихожую не вошел, а буквально влетел его сосед по этажу Ризван. Обычно спокойный, задумчивый, несколько медлительный в движениях, на этот раз он совершенно не походил на самого себя. Возмущенно жестикулируя и задыхаясь от негодования, нервически подергиваясь, обращаясь к неведомому адресату, он гневно взывал к справедливости, законности, порядочности, горестно сетовал на засилье коррупции и полное отсутствие борьбы с ней.

По неординарному поведению друга Ильяс безошибочно определил, что произошедшая столь разительная перемена в его поведении, несомненно, вызвана какими-то форс-мажорными обстоятельствами. Было понятно, что теперь ему прежде всего необходимо выговориться, излить досаду, выплеснуть негативные эмоции и, само собой разумеющееся, услышать слова утешения, сочувствия, дружеской поддержки. Отказать в участии расстроенному приятелю, естественно, нельзя, несмотря на его внеурочный визит.

Поэтому, подавляя определенное внутреннее недовольство свершившимся фактом, хозяин квартиры гостеприимно пригласил гостя пройти в комнату, где минутой ранее сосредоточенно занимался так называемыми практиками, а попросту, йогой.

Будучи закоренелым холостяком, Ильяс бережно относился к своему здоровью, заботился о состоянии нервной системы и вел размеренный, несколько замкнутый образ жизни. Он тщательно следил за питанием, педантично соблюдал распорядок дня, а тем более выходного. Словом, во всем был предельно рационален, обстоятелен, не любил, когда по каким-либо причинам привычное течение его жизни претерпевало изменения.

Без лишних расспросов, усадив Ризвана на диван, Ильяс участливо посмотрел на него, давая понять выражением лица, что он весь внимание, после чего как ни в чем не бывало продолжил прерванное занятие, без видимых усилий встав на голову. До завершения тренировки оставалось не менее часа, и он полагал возможным, без ущерба для обоих, совместить занятие с беседой.

Вероятно, в каком-то другом случае, подобное отношение собеседника вызвало бы справедливое возмущение Ризвана, но не в данной ситуации. Он был слишком поглощен охватившими его переживаниями, связанными с событиями, начисто выбивавшими из колеи.

Усевшись на краешек дивана, едва отдышавшись, он принялся с прежней страстью рассказывать, что совершенно случайно, волею случая до него дошел слух о готовящемся сносе их дома. Поначалу, разумеется, не поверил в эту несусветную чушь, ибо ранее на запросы по этому поводу компетентные люди многократно убедительно заверяли, что их дому ничто не грозит и он вне пределов планируемых изменений. Но потом, на всякий случай, все же решил перепроверить информацию из других источников, и она, к сожалению, подтвердилась.

Оказалось, их дом каким-то необъяснимым образом вороватые чиновники вывели из реестра архитектурных зданий, уникальных строений, находящихся под охраной государства, и таки включили в число, подлежащих сносу.

Теперь над жильцами дома нависла серьезная угроза переселения, и исключительно от их настойчивости и воли будет зависеть решение поистине судьбоносного для них вопроса.

– Представь себе! Кто-то как-то вдруг решил за меня, где мне будет комфортнее и лучше жить. У тебя в голове это укладывается? – возмущенно вопрошал Ризван. – В этом доме со своими радостями и горестями жили с семьями мои дед, бабушка, отец с матерью, появился и я, затем мои дети. То же самое в полной мере относится и ко всем нашим соседям, ставшим за эти годы нам близкими, родными людьми. Теперь, по сути, нам говорят, извольте собирать вещи и ждите команду на выезд, а куда – вам скажут.

Нервно взмахнув руками, Ризван перевел дыхание и сокрушенно продолжал:

– Я категорически отказываюсь понимать этот абсурд. Согласен, время идет, диктуя соответствующие ему преобразования. Многое требует обновления, и город в том числе. Но, приступая к процессу утверждения нового, не следует забывать, что здесь на протяжении столетий жили люди, наши предки. Надо помнить об их делах, достижениях, трудностях, уважать историческое прошлое. Ясно ведь, когда стирается память о прошлом, то сложно представить, на чем будет основываться будущее.

Ильяс слушал, не перебивая, а степень возмущения его друга только повышалась.

– Неужели околовластным функционерам не понятно, – повторял он, – что город бережливый и надежный хранитель коллективной памяти и связей между многими поколениями его жителей, свидетель их незримого в нем присутствия, образа жизни и мироощущения. Это огромный, сложный, живой организм, который надо беречь, сохранять в нем дух времен и событий, им пережитых, его душу, традиции и устои, на которых должны произрастать и утверждаться ростки нового, современного, позитивного, но не утратившего связи с прошлым. Сейчас, как никогда, необходимо охранять и реконструировать культурные и исторические памятники старого Баку. А что получается на практике? Топча и безжалостно избавляясь от свидетельств прошедших времен, чиновники подвергают город экспансии безвкусных, безликих, холодных, серых высоток, нашествию громоздких, претендующих на архитектурные находки мрачных сооружений отталкивающего вида.

Чередуя нелицеприятные эпитеты в адрес коррумпированных чиновников разного ранга, Ризван еще долго говорил в том же духе, благо, его никто не прерывал.

Судя по выражению нахмуренного лица Ильяса, он внимательно слушал, при этом по временным рамкам не забывал размеренно менять вертикальное положение с головы на ноги и обратно. Суть проблемы ему была предельно очевидна, и он не переставал удивляться инфантильности Ризвана, уже немолодого, полного, страдающего сердечной недостаточностью человека, о котором можно было с полным правом сказать, что он не от мира сего.

Ризван трудился в химической лаборатории какого-то научного учреждения, а параллельно подрабатывал репетиторством, благодаря чему семье из пяти человек удавалось длительное время балансировать на грани выживания. Его жена, тихая, молчаливая, болезненная женщина, вела хозяйство, а он без отдыха занимался с учениками, что поглощало все его время и существенно подрывало здоровье. Ризван крутился, как белка в колесе, довольствуясь минимальными жизненными стандартами, и ему недосуг было задумываться над вопросом, почему он живет так, а не иначе. Не было бы хуже. Все шло своим чередом, и вот на тебе. Он оказался перед угрозой грядущих нежелательных, пугающих его перемен.

Глядя на Ризвана с искренним сочувствием, Ильяс размышлял о хрупкости благополучия маленького человека, к коим справедливо причислял и себя, несмотря на определенное материальное благополучие.

Тем временем праведный гнев Ризвана, наконец, иссяк, и он умолк. По его лицу

было прекрасно видно, что он выговорился, выразил свое презрение к тем, кого считал виновником планируемого сноса дома, и успокоился. По натуре мягкий, деликатный, истинно интеллигентный человек, он ощутил вдруг некоторую неловкость за свой неурочный визит, излишнюю эмоциональность и несдержанность.

Довольно долго оба многозначительно молчали. Один, сидя на широком кожаном, стареньком диване, а второй – стоя на голове. Наконец, Ильяс поднялся на ноги, вернувшись в естественное для человека положение, посмотрел на старинные стенные часы, подчеркнуто неторопливо и аккуратно скатал в рулон тренировочный коврик.

– Что же ты молчишь? – обратился к нему Ризван и после недолгой паузы, собравшись с мыслями, добавил. – То, о чем я говорил, касается и тебя. Это ведь наш дом, общий родной очаг. Мы оба в нем выросли, провели почти всю нашу жизнь. – Замявшись, он нерешительно продолжил. – Мне бы хотелось узнать твое мнение. Может, я излишне драматизирую ситуацию? – ожидая ответа, Ризван умолк, вопросительно глядя на своего друга.

Тот в задумчивости прошелся по комнате, чуть погодя остановился у окна, размышляя, и, когда Ризван уже начал терять надежду услышать ответ, заговорил.

– А какое может быть мнение у вменяемого человека? Тут и обсуждать нечего. На фоне, мягко говоря, странного, с моей точки зрения, повального строительного бума демонстрируется полное пренебрежение к людям, их чувствам. Беспардонно уничтожается память, разрываются скрепы с прошлым. Я целиком и полностью на твоей стороне. Ты безоговорочно прав, именно в части этого. Но, уволь, я не буду ходить по инстанциям, доказывать, что нельзя бездушно, в авральном порядке реализовать такие масштабные, не бесспорные, с градостроительной и архитектурной точки зрения, проекты. Они безвозвратно искажают исторический облик города, его сложившуюся специфическую инфраструктуру. К сожалению, это бессмысленно, поскольку нам отведена незавидная роль статистов.

– И ты говоришь об этом так отстраненно, спокойно? – нетерпеливо перебил его Ризван.

– Абсолютно спокойно. Поверь, меня трудно чем-либо удивить, насмотрелся, наслушался много речей от так называемых эффективных менеджеров и развязных говорунов. Происходящее вокруг с трудом поддается осмыслению, поэтому одних из нас это нервирует, разрушает, а других делает стрессоустойчивыми. Я отношусь к последним.

– Значит, ты не пойдешь с нами добиваться справедливости? Мы на тебя рассчитываем, у тебя большой круг общения, ты инженер-программист, доктор наук. Неужели ты не хочешь нас поддержать?

– Нет, конечно. Это занятие бесполезное, более того, вредное для здоровья. Глупо биться головой об стенку, обращаться с заявлениями, униженно бегать по инстанциям, взывая к совести и здравому смыслу тех, у кого они отсутствуют. Уверяю тебя, на твои письменные обращения, в лучшем случае, получишь издевательские отписки, и, прочитав их, вникнув в содержание, тебе останется единственный выход, размахивая ими над головой, броситься под грозно продвигающийся к нашему дому бульдозер. Таким образом, ты погибнешь, отстаивая свои, так называемые, права, не догадываясь о том, что их тебя давно лишили.

– Твои шутки неуместны! Я не за этим пришел, – обиделся Ризван. – В нашем доме восемь семей, и все, кроме тебя, готовы отстаивать родовое гнездо. Мы вместе пойдем по инстанциям и добьемся справедливости, предотвратим незаконное посягательство. – С этими словами он выпрямился во весь рост и, не прощаясь, направился к выходу.

– Ну, ну, – глядя ему вслед, невозмутимо, произнес Ильяс. – Тебе, как никому другому, будет полезно расширить свою социальную осведомленность, в том числе

осознание ключевой проблематики современной жизни и твоего в ней ничтожного участия и положения.

После ухода соседа Ильяс занялся приготовлением завтрака. По давно установившейся привычке он никогда не нарушал распорядок дня, а тем более график приема пищи.

Две недели спустя, в такое же воскресное утро, визит Ризвана повторился, в чем Ильяс не сомневался, хорошо зная его отходчивый характер. Сосед выглядел подавленным, его растерянное лицо было лучшей иллюстрацией пережитого им фиаско. Он принес с собою кипу документов, и Ильяс понял, второго разговора на ту же тему ему не избежать. Молча указав приятелю на диван, он неспешно расстелил коврик и со вздохом уселся напротив, скрестив ноги. О полноценной тренировке не стоило и мечтать, тем более смысл и польза ее заключались в особом состоянии покоя, расслабленности, медитации. Так или иначе Ильяс, не желая менять своих планов, принял решение провести облегченные практики, по возможности, совместив их с вынужденным посильным участием в беседе.

Таким образом, в течение последующих двух часов он с разной степенью включения внимания слушал печальное повествование о хождениях по мукам группы соседей со своей челобитной, по коридорам сложнейшей иерархии властных структур снизу доверху. Результат их усилий, как он и предрекал, оказался неутешительным, а впечатления от бесед с компетентными, ответственными персонами искатели истины и справедливости получили весьма и весьма негативные. Кичливая обстановка офисов, убранство кабинетов, дорогие костюмы и часы их обитателей, наглость лакеев у входа в здания и приемных комнатах красочно дополняли картину коррупционной атмосферы.

Чиновники вели себя примерно одинаково. Встречали неприветливо, говорили свысока, в лучшем случае, устало и снисходительно. Нехотя объясняли, что вопрос сноса дома уже решен где-то наверху, они ничем помочь не могут, и замолкали, озабоченно перекладывая на столе какие-то бумаги, недвусмысленно давая понять посетителям, что отведенный им лимит времени исчерпан. Однако, если податели жалобы, набравшись смелости, имели неосторожность проявить настойчивость в просьбе рассмотреть дополнительно поднимаемый ими вопрос, они неизбежно рисковали стать объектом хамских выходок и оскорблений. В конечном итоге они, помимо своей воли, оказывались на улице под угрозой физического воздействия охранников или полицейских.

Представив Ризвану прекрасную возможность высказаться, Ильяс слушал, не перебивая и не задавая вопросов, время от времени принимая свою излюбленную асану, вставая на голову. Возвращаясь в привычное положение, сокрушенно ею покачивал. Ничего нового для себя он так и не услышал.

– Как теперь быть, не знаю? – расстроенно рассуждал Ризван. – Мы с соседями обсуждали, какие трудности возникнут в связи с переездом в другой район такого огромного мегаполиса, как Баку. Нетрудно представить, какие нас ждут хлопоты, связанные с выпиской и пропиской, ломкой через колено привычного уклада жизни. С переводом детей в другие школы и детские сады, поиском работы ближе к дому, чтобы избежать лишних транспортных расходов. Потом предстоит адаптироваться к новым поликлиникам, торговым точкам и так далее. Кроме того, будет тяжелым ударом расставание с соседями, ставшими за эти годы родными для меня людьми.

Тяжело вздохнув, Ризван перевел дыхание.

– Согласись, что все это в комплексе равноценно переезду в совершенно другой город. Взять, к примеру, мебель. Моя, хоть и старая, но могла бы простоять еще много лет, но переезд она, разумеется, не выдержит. Вот опять дополнительные вынужденные материальные расходы. Для простого обывателя – сплошные трудности, и мне они представляются неподъемными. Кстати, именно о них говорили те, кого я

встречал в этих приемных. Чего я только там не наслушался? Сердце болит, когда вспоминаю, как люди делились горестями, рассказывали о своих бедах и лишениях.

Ризван сокрушенно покачал головой, в запальчивости ударив ладонью по спинке дивана, и продолжил.

– Мытарство по инстанциям во мне что-то определенно изменило. А сколько людей жаловались на коррупцию, в ней они справедливо видят корень проблем. Мне и раньше доводилось слышать про коррупцию, как о страшном социальном зле, но все-таки казалось, людям просто свойственно преувеличивать. Но выходит, она действительно вездесуща.

Ильяс саркастически улыбнулся.

– Получается, нет худа без добра. Ты вынырнул из своего замкнутого семейными заботами мира и начинаешь прозревать. Твоя обывательская психология выстраивалась по принципу: за чужой щекой зуб не болит, а теперь, когда тебя затронуло за живое, забегал, попытался сопротивляться, но когда ничего не получилось, невольно заговорил о коррупции. Она, дружище, действительно беспощадна и вездесуща. Для лучшего твоего восприятия проведу аналогию с радиацией, которая быстро распространяется, токсична, невидима, неслышна, неуловима для органов чувств и обоняния, но убивает. Коррупция тоже убивает, разрушает экономику, питает преступность, порождает нищету, бесправие и так далее. Она выхолащивает, разлагает общество морально, глумится над его духовными ценностями и нравственными категориями. Это тоже смерть, ибо бездуховность нивелирует в человеке человеческое.

– Все, о чем ты говоришь, настолько ужасно, что не хочется жить. У меня все происходящее вызывает отторжение и не укладывается в голове, – не сдержавшись, перебил Ризван.

В ответ на его эмоциональный возглас Ильяс со свойственной ему невозмутимостью и нескрываемым превосходством произнес:

– Воспринимай все, стоя на голове, и все уложится. В таком положении легко понять, где и что расположено вверх ногами. Чиновники разных уровней, именуемые себя элитой, самодовольно разглагольствуют о высоких материях. Но делают все с точностью до наоборот, поэтому и воспринимаются их дела соответствующим образом. Помнишь, во времена бывшего Союза ходила расхожая фраза: «Если хочешь что-то понять, учись читать между строк». Сейчас, дружище, все значительно проще, встань с ног на голову, и этого будет достаточно, в ней все уложится. Это, поверь мне, многократно проверенный, безотказный способ философски воспринимать происходящее.

…Весь день до позднего вечера Ильяс сидел в глубокой задумчивости на старом дедовском диване, пристально рассматривая до боли знакомую обстановку, складывавшуюся многими десятилетиями. Здесь вся атмосфера, самая мельчайшая деталь напоминали деда с бабушкой, родителей и их уклад жизни. Поэтому у него никогда не возникало мысли, не приходило в голову что-то тут изменить, покупать мебель, делать евроремонт, словом, осовременивать, хотя, конечно же, мог это запросто себе позволить. Более того, не составляло труда приобрести недвижимость, причем не только в Баку, но и за рубежом. Будучи отменным программистом, Ильяс достаточно зарабатывал, в том числе работая дистанционно. Он высоко котировался в своих профессиональных кругах, и ему неоднократно поступали довольно лестные предложения на высокооплачиваемую, престижную должность за рубежом. Он колебался, отказывался, хотя, в общем-то, в перспективе не исключал возможности переезда, смены места жительства, но только в крайнем случае, вызванном чрезвычайным обстоятельством.

Расставание с отчим домом внезапно стало для него реальностью. Но почему он – прагматик до мозга костей и реалист – оказался не готов к нему, разве не видел,

как стройбароны походя сравнивали с землей целые кварталы. Рано или поздно такой исход ему следовало ожидать.

Дорогой его сердцу добротный, двухэтажный, каменный домик с изящной архитектурой, портиком у фасада, атлантами под балконами, мог бы еще простоять долгие годы. Но, увы, ему не повезло, неожиданно кому-то показалось, что все это время он не там стоял, занимая чужое место. Оказывается, без него город будет выглядеть лучше, эффектнее, особенно, если на его месте появится газон или кафе. Посетившие Ильяса невеселые мысли не оставили никаких зацепок для здорового цинизма, вынужденно культивированного им в себе длительное время, как своеобразную защитную реакцию.

Отчий дом был крепкой, нерушимой основой личного пространства, надежной моральной поддержкой, но теперь, когда она зашаталась и стала буквально уходить из-под ног, он враз почувствовал себя таким же беспомощным, как и Ризван.

Какое-то время Ильяс как бы в нерешительности сидел неподвижно за старинным, еще дедовским письменным столом, о чем-то напряженно думая. Затем, придя к непростому решению, с видом человека, отбросившего сомнения, облегченно вздохнув, резким движением руки подвинул к себе компьютер. Через минуту был готов короткий ответ на письмо его заокеанского коллеги из известной нефтяной компании с сообщением о согласии принять его предложение и готовности выехать в течение ближайшего времени к новому месту работы.

На прощальный вечер, устроенный Ильясом, собрались все соседи. Прошел он в ностальгических тонах, задушевных воспоминаниях и беседах. Не обошлось, разумеется, и без обсуждения актуального для всех вопроса о предстоящем сносе дома. Настрой у подавляющего большинства был решительный – добиваться справедливости.

Оставив генеральную доверенность на квартиру своему дальнему родственнику, Ильяс спустя два дня улетел, взяв с собой только документы, семейные реликвии и фотографии.

Его соседи продолжали обивать пороги кабинетов больших начальников, не теряя надежды на благополучный исход дела. Неожиданным для них оказался решительный отказ Ризвана их в этом поддерживать. Не втягиваясь в общие дискуссии и никому ничего не объясняя, он усердно учился стоять на голове.

Странные люди

Результаты всестороннего медицинского обследования в одной из лучших и, естественно, дорогих медицинских клиник города были неутешительными. Гипертония, стенокардия, ишемия, сколиоз, истощение нервной системы и тому подобное вошли в нерадостный список его болезней. И это в неполных сорок лет. Словом, Кериму было о чем задуматься. Он действительно чувствовал себя скверно, особенно в последние месяцы. Мучили перманентные головные боли, бессонница, появились сильная одышка, невероятная раздражительность, острая боль в сердце. Все это не могло не отразиться на общем настроении, работоспособности, памяти. Он стал быстро утомляться, впадать в депрессивное настроение.

Керим не часто обращался к врачам, но на сей раз вынужден был это сделать, обоснованно опасаясь возможного кризиса. Несомненно, результаты анализов и некоторые диагнозы его расстроили. Он мысленно, самостоятельно пытался разобраться в вероятных причинах, поводах резкого ухудшения здоровья, и не находил ответа.

За пятнадцать лет работы в престижной инвестиционной компании он достаточно быстро и высоко продвинулся по службе, имел неплохие перспективы на последующий карьерный рост. Сумел за это время стать вполне состоятельным человеком, всесторонне обеспечить семью, дать возможность детям учиться в элитных учебных

заведениях. Судьба благоволила ему, миловала от серьезных потрясений, острых конфликтных ситуаций на работе с коллегами, от каких-либо бед, способных надломить любого самого сильного человека.

Так что же тогда с ним происходит, подрывает здоровье, задавался он вопросом, тяжело дыша и напряженно вдумываясь в ситуацию. За этими печальными размышлениями он не сразу заметил, как машина подъехала к дому. Водитель обернулся к нему в ожидании распоряжений.

– Спасибо, Замин, ты свободен. Сегодня в офис мы не поедем. Мне надо отдохнуть после клиники. Замучили дотошные медики. А завтра, как обычно, подъезжай к восьми часам.

Выйдя из машины, Керим направился к своему подъезду, обдумывая, как рассказать жене о своих невеселых новостях, чтобы не очень ее расстроить. Каждый шаг давался с трудом. Он физически ощутил накатившуюся страшную усталость. Внезапно охватило непреодолимое желание подойти к ближайшему дереву и, прислонившись к нему спиной, опуститься на землю и закрыть глаза.

Из этого состояния его вывел раздавшийся рядом знакомый голос:

– Керим, здравствуй, что с тобой? На тебе лица нет! Заболел?

Усилием воли Керим сосредоточился и остановился. Перед ним стоял старый приятель его отца, проживавший в соседнем подъезде, Борис Маркович, в прошлом известный практикующий врач-невропатолог, а ныне – пенсионер. Он сочувственно улыбался, участливо глядя на Керима.

– Все нормально, Борис Маркович, – едва слышно произнес Керим. – Устал немного, да и жарко сегодня.

Ему не хотелось делиться с пожилым соседом своими невеселыми мыслями. Он желал лишь побыстрее добраться до дома. Но словоохотливый Борис Маркович, покачивая головой, взял его за руку и наставительно произнес:

– Нельзя, друг мой, доводить себя до такого состояния. Я смотрю, тебя прямо шатает, надо находить время для отдыха.

– Знаю, Борис Маркович. Я как раз об этом думал.

– Рано тебя здоровье подводит, братец. На всякий случай, пройди медицинское обследование, обратись к хорошим докторам, посоветуйся.

– Да что они посоветуют, – рассеянно ответил Керим.

– Может ты и прав, – рассмеялся Борис Маркович. – Слушай, я расскажу тебе забавную историю про своих коллег, – оживился он, – Надеюсь, она придаст тебе определенную долю оптимизма, крайне необходимую в любой ситуации. Но главное, поможет понять, что набившее уже оскомину выражение «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих» в наше время актуально, как никогда. Имей в виду, в медучреждениях все пациенты условно делятся на три категории: люди очень обеспеченные, затем среднего достатка и малообеспеченные. К ним, соответственно, выработаны разные подходы.

Когда первая категория обращается с жалобами к врачу, тот после первичного обследования сразу рекомендует дорогие курорты, активный отдых на каких-нибудь Мальдивах или других островах, на их усмотрение. Советует также систематически наблюдаться в лучших клиниках Запада, соблюдать диету. Вторую категорию встречают не менее заботливо, выписывают какие-то лекарства, назначают определенные процедуры, в том числе массаж, ванны и так далее.

С третьей категорией больных дело обстоит значительно проще. Изучив все диагнозы, историю болезни, доктор сочувственно выносит заключение о необходимости больному больше бывать на воздухе.

Слушая Бориса Марковича, Керим сразу уловил жестокую иронию в услышанной им истории. Он понимающе улыбнулся, давая понять собеседнику, что принял её к сведению.

Оценив его реакцию, Борис Маркович невесело улыбнулся, и продолжил.

– Я понимаю, тебе доступны все три варианта, о которых я рассказал, но, с моей точки зрения, лучше попробовать с третьего. Он самый верный. Это я тебе говорю, как человек, давший клятву Гиппократа ровно полвека назад. Подняв указательный палец, он, чуть повысив голос, наставительно закончил. – Найди в себе силы, поддержи свой организм, отмобилизуй на это все внутренние резервы, но начни с простого. Поезжай ранним утром в ближайшую субботу на рыбалку. Куда-нибудь подальше от города, один, без водителя, друзей, интернета, телефона. Расположись на пустынном берегу, забрось удочки, побросай часок-другой спиннинг. Побудь в одиночестве, порыбачь, искупайся, а в воскресенье вернешься другим человеком.

– Спасибо, так и сделаю, – машинально ответил Керим и стал прощаться.

– Постой, не торопись, – задержал его руку Борис Маркович, – продолжая тревожно вглядываться ему в лицо. – Возьми с собой термос с чайком, побольше бутербродов, естественно, овощей и фруктов. На свежем воздухе аппетит разыграется.

Они распрощались. Дома Керим вкратце, не вдаваясь в подробности, рассказал о визите в клинику, затем, чтобы отвлечься от своих невеселых мыслей, включил телевизор. Но разговор с Борисом Марковичем никак не выходил из головы. В детстве он часто ездил с отцом на рыбалку, поэтому ему нетрудно было представить себе плещущее море, синее небо над головой, пустынный берег и сопутствующее этой благодати приподнятое настроение. Более того, он начал строить разные предположения относительно погоды, возможного улова на предстоящей рыбалке.

На следующий день на работе он то и дело возвращался к разговору со старым добрым доктором и поймал себя на том, что его предложение ему пришлось по душе. Керим исподволь стал представлять себе сборы на рыбалку, саму поездку, процесс рыбной ловли. Погруженный в эти мысли, он, как наяву, почувствовал, будто ныряет в чистую, прозрачную воду, плавает, а потом взбодренный, повеселевший выходит на берег и лежит на теплом песке. Решение устроить себе импровизированный отдых крепло день ото дня. Теперь, как формулировал подобное состояние Сухомлинский, он пребывал в нетерпеливом ожидании завтрашней радости.

В конечном итоге утром в пятницу, окончательно отбросив все колебания, Керим сказал себе: «Еду!» Дав деньги водителю, поручил купить палатку, фирменный спиннинг, три удочки, достать корм для рыбы, объявив, что в субботу в пять часов утра он один поедет на рыбалку.

Вечером исполнительный водитель уложил все это в багажник нового «Мерседеса» шефа, которым тот практически не пользовался. Едва рассвело, Керим попрощался с женой, пожелавшей ему хорошо отдохнуть, взял увесистую сумку с провизией и вышел из квартиры. Спустя некоторое время он отправился в путь, сожалея, что так редко ему приходится садиться за руль. Конкретное место заранее он не определил. Ехал наобум, помня, что ему нужен тихий, удаленный, желательно пустынный участок берега. Выехав из Баку, а затем миновав Сумгайыт, поехал по трассе, то и дело поглядывая в правую сторону, где виднелось море, подбирая место, где можно было бы свернуть к берегу. Наконец, такая возможность ему представилась, и, преодолев по бездорожью несколько сотен метров, он остановил машину.

Поругивая себя за утрату прежних навыков, он поставил палатку, разложил вещи, переоделся и с удовольствием приступил к рыбалке. Тут получил еще одну возможность убедиться, что даже хорошо усвоенные с детства на рыбалке с отцом простейшие действия с удочками и, тем паче, со спиннингом давались с трудом. Тем не менее, бодрый настрой от этого не изменился. Позанимавшись некоторое время со спиннингом, он прервал рыбалку, решив искупаться. Потом походил по берегу, с удовольствием вдыхая свежий морской воздух и глядя на набегающие волны, в которых отражались задорные солнечные лучики.

Неожиданно почувствовал острый голод, с удовлетворением отметив это, как положительный результат рыбалки. Керим вернулся к палатке, разложил на салфетке бутерброды, овощи, пирожки, налил чаю и с удовольствием позавтракал. Его охватило чувство умиротворенности и покоя. Он прилег на песок и заснул. Спал крепко, и, когда проснулся, солнце стояло уже в зените. Неожиданно почувствовал неприятное пощипывание на спине. Керим залез в палатку, но перебороть сон не смог и снова задремал. Проснувшись отдохнувшим, в прекрасном настроении, еще раз окунулся в воду, для проформы проверил удочки и решил поужинать. Он вновь разложил заботливо приготовленные женой припасы, заметно сократившиеся после завтрака, и принялся за еду. С берега повеяло прохладой, солнце клонилось к западу, спускались сумерки. Керим наслаждался вечерней тишиной, не переставая одобрять себя за правильное решение поехать на рыбалку одному, причем без телефона, который не дает возможности по-настоящему уединиться.

Сложив салфетку с остатками ужина в палатку, вспомнил про удочки и решил проверить, вдруг что-то поймал. Повернувшись, увидел, что на берегу около его снастей стояли двое мужчин и о чем-то беседовали. Керим насторожился, задумавшись. Откуда они появились, как можно было их не заметить. Ему стало не по себе. Охватило предчувствие чего-то нехорошего. Мужчины повернулись и, переговариваясь между собой, медленно пошли в его сторону. Оба были рослые, широкоплечие, бронзовые от загара. Один был в шортах, другой – в синих джинсах, с подвернутыми до колен штанинами. По мере их приближения можно было увидеть крепкие, мускулистые руки и уверенное выражение лиц.

Неожиданная встреча с незнакомцами не входила в планы Керима, но избежать ее было невозможно. И теперь он настороженно, с трудно скрываемым волнением смотрел на подходящих к палатке, незваных гостей.

– Привет, рыбак! – как старому знакомому, густым басом, по-хозяйски, произнес один из них. – Мы посмотрели. Снасти у тебя очень редкие и хорошие, как у заправского рыбака, а улова нет никакого.

Керим, сдержанно поздоровавшись, согласно кивнул головой.

– Вообще-то здесь место неудачное, особенно в такую погоду, как сегодня. Ты откуда приехал? Что-то раньше мы тебя здесь не видели.

– Из города, – лаконично ответил Керим.

Парень улыбнулся, понятно, что из города, а конкретнее.

– Я из Баку, – сказал Керим.

– Значит, занесло начинающего рыбака непонятно каким ветром. А мы вон там расположились, – указал парень рукой в сторону невысокой скальной гряды, видневшейся неподалеку. – Здесь чужих не бывает. Увидели тебя, решили познакомиться, посмотреть, кто это приехал?

Керим настороженно улыбался, с трудом сдерживая внутреннее напряжение. Он не без тревоги ожидал дальнейшего развития событий. От него не укрылись взгляды, брошенные на машину, палатку, не понравилось замечание о дорогих снастях. Парни без приглашения уселись рядом с палаткой, перебросились между собой парой ничего не значащих фраз о погоде, перспективах вечернего улова и, заметив, что их новый знакомый не настроен на беседу, собрались уходить. Они уже отошли на несколько метров, и Керим облегченно вздохнул, но неожиданно один из них обернулся и спросил:

– Извини, у тебя случайно сигарет не будет, не поделишься? У нас рюкзак с сигаретами в воду упал, мы сразу не заметили, вот и остались без курева.

Вот оно, началось! Со страхом подумал Керим. Так бы и начинали, а то голову морочили, выведывали, откуда приехал, высматривали, один или кто-то еще со мной мог находиться в палатке. Он молча достал не начатую пачку «Мальборо» и протянул одному из парней вместе с зажигалкой.

– Отличные сигареты, – одобрительно произнес тот. – Мы возьмем несколько штук? У нас еще товарищ, тоже заядлый курильщик.

– Берите всю пачку, у меня есть еще одна, начатая.

Парни закурили, с наслаждением затянулись и, поблагодарив Керима, медленно пошли в сторону скалистой гряды.

Глядя им вслед, Керим лихорадочно искал выход из сложившегося положения. Незваные визитеры оставили не радужное впечатление. Желания оставаться по соседству с ними не было. Возникшие неясные подозрения разрастались по мере того, как он обдумывал приходившие в голову варианты развития событий. В конечном итоге посчитал за лучшее не испытывать судьбу, одеться, собрать вещи и уехать. Он сразу направился к машине и тут только с тревогой заметил, что за целый день стояния на месте она основательно осела в песок. Он включил двигатель, поставил на первую скорость и дал газ. К сожалению, его опасения подтвердились. Колеса закрутились с противным визгом, но и только. Машина еще глубже погрузилась в песок. Было от чего окончательно расстроиться. Как поступить дальше? Он ругал себя за то, что не взял телефон. Достаточно было бы связаться с водителем, приятелями, начальником охраны компании, и вопрос был бы решен. А так никакого выхода. Бросить все и пешком идти в сторону трассы, ловить попутную машину? Но в темноте, на безлюдной дороге тоже не спокойно. Прокрутив все варианты, он счел за лучшее переждать до утра в стороне от палатки. Если уж они задумали напасть, то легче всего это сделать среди ночи, рассуждал Керим. В их же интересах мое отсутствие. Заберут вещи, палатку, машину и спокойно уедут. Ни убийства, ни грабежа, а обычная находка оставшегося без присмотра имущества. В худшем для них случае – кража. А он утром выберется на трассу, остановит какую-нибудь машину, попросит подбросить хотя бы до Сумгайыта, воспользуется телефоном водителя, свяжется с полицией. Найти преступников не составит труда. Поглощенный подобными рассуждениями, он выбрал себе место в достаточном удалении от палатки.

Тем временем ночь вступила в свои права. Усилился северный ветер. С моря повеяло промозглой сыростью. Согретый дневным солнцем прибрежный песок быстро остыл. Лежать было холодно, Керим то и дело поднимался, прохаживаясь в быстром темпе из стороны в сторону, приседал и, слегка согревшись, снова ложился. Через несколько томительных часов вынужденного бодрствования он почувствовал себя совершенно разбитым. И когда, наконец, ранние солнечные лучи принесли слабое тепло, он задремал. Его разбудил звук мотора. Поднявшись, увидел, как со стороны скалистой гряды в его сторону, по кромке берега, двигался мотоцикл с коляской. Керим смотрел на него, как завороженный. Мотоцикл быстро приближался и, подъехав к месту, где находились его снасти, остановился. Обоих пассажиров Керим сразу узнал, а за рулем мотоцикла сидел, видимо, тот самый третий товарищ, о котором они говорили. Они подошли к снастям, что-то долго возились около мотоцикла, оживленно переговариваясь. Кериму показалось, что они его увидели, и прятаться не имело смысла, поэтому он неторопливо пошел в сторону палатки, делая вид, что разминается и их не замечает. Пусть забирают снасти и уезжают. Потом подумаю, как поступить с машиной.

Но они уже также направились к палатке, один остановился около нее, ожидая Керима, а его товарищи сразу подошли к «Мерседесу». Керим с замиранием сердца ускорил ход, деваться было некуда.

– Здорово, рыбак, тренируешься? – услышал он. – Правильно сделал, что оделся. Вчера ты здорово обгорел, как жареный цыпленок. Давай сюда ключи!

Керим беспрекословно повиновался, отдавая себя на волю судьбы. Парень повернулся и пошел к машине. Все трое, негромко посовещавшись, принялись за дело. Один из них сел за руль, двое других стали толкать машину. После нескольких неудачных попыток сменили тактику.

Сначала все трое подняли «Мерседес» со стороны багажника и сдвинули автомобиль в правую сторону, потом повторили эту же процедуру спереди. Подложили под задние колеса камни. Один из них вновь сел за руль, двое с усилием подтолкнули машину, и она, проехав метров двадцать, остановилась на небольшой каменистой площадке берега. Двое парней, прощаясь, помахали Кериму и заспешили к мотоциклу. А их товарищ, выйдя из машины, крикнул стоявшему в оцепенении Кериму:

– Счастливо, рыбак, добраться домой, ключ в машине, спасибо за сигареты, приезжай еще.

И поспешил к ожидавшим его товарищам. Мотоцикл заурчал и понесся по берегу. Керим не верил своим глазам. Все его опасения в момент развеялись и остались в прошлом. Но успокоение не приходило. Он испытывал сильнейшее недовольство собой за то, что подвергся такому нервному стрессу.

Керим быстро собрался, уложил в багажник вещи, палатку и, вспомнив о спиннинге и удочках, решил на всякий случай проверить, что там от них осталось. Каково же было его удивление, когда оказалось, что спиннинг и удочки на месте, а в садке, заготовленном им на случай удачного улова, плескались две рыбины. Керим долго разглядывал их, думая о чем-то своем, потом, не колеблясь, выпустил обратно в море.

По дороге домой Керим детально прокручивал в голове эпизоды с тремя незнакомцами, свои, как оказалось, необоснованные переживания, страхи. И хотя все завершилось благополучно, настроение оставалось скверным. Он досадовал на себя, на свою подозрительность, страхи. Одновременно, как бы оправдывая себя, пытался объяснить, что страхи могли оказаться не беспочвенными. По логике того, что происходит вокруг, можно было всякое предположить, более того, самое худшее. И не его вина, что эти незнакомцы оказались такими странными людьми. Просто альтруисты какие-то, лишенные меркантилизма. Даже не попросили денег за то, что вытащили машину. Если бы не их помощь, наверняка, можно было застрять надолго.

В течение дня, уже дома, он продолжал анализировать произошедшее с ним, и несколько раз неожиданно у него вырывались слова: «Странные люди».

На следующее утро он, не без труда, включился в привычную рутину рабочего дня: бумаги, почта, деловые переговоры, доклады подчиненных, подготовка документов. Вроде все, как в давно сложившемся ритме, но нет. Не удавалось отогнать мысли о прошедшей рыбалке.

Перед глазами вставало море: чистая, прозрачная вода, ласковое солнце, мягкий песок. Вспомнились лица трех незнакомцев. Теперь они представлялись ему дружелюбными, непосредственными и открытыми, воспринимались исключительно в позитивном жизненном плане. Кериму хотелось думать, что эти сильные, уверенные в себе люди занимаются чем-то очень важным, значимым, к примеру, работают на огромном предприятии или возводят грандиозные объекты, автомагистрали, безусловно, имеющие первостепенное значение. Залогом их успеха являются слаженные действия, дружба, ответственность, ощущение плеча друг друга.

К перерыву разыгралась головная боль. Сотрудники ушли на обед. Опустел огромный оперативный зал, до предела набитый оргтехникой. На улице плюс сорок, а здесь плюс пятнадцать, включены кондиционеры. Воздух холодный, но не свежий. В любых условиях персонал офиса, в соответствии с жесточайшим диктатом так называемой корпоративной этики, обязан быть в костюмах и белых сорочках с галстуком. Определенные требования касаются причесок и так далее.

Надо сказать, еще та среда обитания! Сотрудники напряжены до предела, никаких внешних эмоций, общение в полголоса. Улыбки натянутые, дежурные, хорошо скрываемая недоброжелательность. Гнетущая тишина, наполненная эгоцентризмом, офисными конфликтами, карьеризмом, недомолвками, сплетнями, соперничеством, надеждами на удачное восхождение по социальной лестнице.

Странный, созданный людьми, виртуальный, электронный мир цифровых технологий с надуманными условностями встраивает человека в свою бездушную сетевую систему функций и ролевых задач. Он способен разбалансировать психику индивидуума, его личностные качества, изменить мироощущение, навязать клиповое мышление, выхолостить естественное восприятие реальной действительности, научить жить в парадигме ее подмены.

Керим тяжело вздохнул. Он все это хорошо знал, ибо это были целых пятнадцать лет его жизни. Он грустно покачал головой и отчетливо произнес: «Странные люди», имея в виду и себя.

Твердое алиби

Неурочные телефонные звонки обычно вызывали у него неясное чувство тревоги, ощущение необъяснимого беспокойства. Они зачастую были предвестниками неприятных известий, нарушали обычный жизненный ритм. Заставляли, бросив все повседневные дела, мчаться туда, где произошла какая-то беда, чрезвычайное происшествие.

Когда Эльхан Рзаев служил в уголовном розыске, а продолжалось это более трех десятков лет при ненормированном рабочем дне, подобные телефонные звонки воспринимались им, как должное, обязательный атрибут, даже некая данность профессии. Но сейчас, когда он уже несколько лет был на пенсии, такое вторжение в его размеренный уклад жизни вызывало вполне понятное раздражение.

По установленному распорядку, с семи до восьми утра Эльхан ежедневно гулял со своей собачкой – карликовым пинчером Микой. Оба они дорожили этими прогулками и наслаждались взаимным общением. Он считал её идеальным собеседником, поскольку всегда мог в сердцах высказать ей всё наболевшее, поделиться своим негодованием и невеселыми думами о несовершенстве современного общества, погрязшего, по его глубокому убеждению, в самых немыслимых пороках.

Являясь человеком, осознанно посвятившим большую часть своей жизни борьбе с преступностью, утверждению справедливости, Эльхан считал, что имеет законное право на собственную оценку происходящего вокруг. К сожалению, по его оценочному суждению, это занятие в итоге оказалось совершенно бессмысленным и заведомо безнадежным.

Как правило, он не брал с собой мобильник, но на этот раз его нарушил. И, естественно, сказав «А», следовало сказать «Б», поэтому после некоторых недолгих колебаний решил ответить на звонок.

Взволнованный мужской голос, поздоровавшись, стал сбивчиво рассказывать ему, что у него произошло и по чьей рекомендации он решился позвонить. Отставному полковнику с его богатейшим опытом розыскной деятельности не составляло труда в целом уяснить суть услышанного. Проблема состояла в том, что сына звонившего вчера вечером задержали по подозрению в умышленном убийстве.

Вот так, с ходу вникать в детали, задавать уточняющие вопросы представлялось бессмысленным. Едва сдерживая досаду за сорванную утреннюю прогулку, Эльхан довольно бесцеремонно прервал собеседника, дав понять, что по телефону такие вопросы не решаются. Предложил встретиться после девяти часов в своем офисе. Именно к этому времени, как правило, начинался его рабочий день.

Так называемый офис представлял собой небольшую комнату, принадлежавшую старому приятелю, обанкротившемуся бизнесмену. Не потеряв окончательной надежды восстановить деятельность своей фирмы, тот не хотел, чтобы помещение пустовало, и уговорил Эльхана пользоваться им какое-то время по своему усмотрению, оплачивая лишь коммунальные услуги. От прежнего хозяина здесь остались большой письменный стол, различная офисная мебель, канцелярские шкафы и кресло.

Ничего своего Рзаев сюда не принес, кроме транзисторного приемника, с которым не расставался уже несколько десятилетий, неизменного блокнота в кожаном переплете и бокала с эмблемой Интерпола, сувенир в память о нескольких годах службы в этой уважаемой организации.

Раньше он спокойно обходился без служебного помещения, да оно ему особенно и не было нужно. С обращавшимися к нему за советом, юридической помощью и практическим содействием встречался около своего дома либо в другом обговоренном месте в центре города. В процессе беседы принимал решение согласиться или отказаться браться за предлагаемое ему дело.

Приехав в офис, Рзаев неспешно устроился на своем рабочем месте, разложил документы и включил транзисторный приемник. Вскоре появились посетители. Их было двое. Высокий, крепкий мужчина с открытым, добродушным лицом и его спутница – стройная женщина средних лет, одетая во все темное, с черным платком на голове, из-под которого выбивались пряди ранних седых волос. Рзаев предупредительно предложил им сесть и внимательно взглянул на мужчину, как бы приглашая к разговору.

Тот представился, назвавшись Тельманом Тагиевым, и, помолчав, с трудом сдерживая волнение, стал рассказывать о своем деле примерно в той же последовательности, как и по телефону. Практически ничего нового так и не сообщив, повторил, что его сына полиция задержала по подозрению в убийстве, которого тот не совершал. Мальчику восемнадцать лет, учится в институте, занимается спортом, только что вернулся с международных соревнований, где успешно выступил. По характеру он очень спокойный, ни в чем дурном замечен не был. Отец продолжал говорить довольно долго, постоянно повторяясь. Перебивать его не имело смысла, надо было дать выговориться. Старый оперативник знал, что человеку, пришедшему за помощью в экстремальной ситуации, надо обязательно позволить облегчить душу, высказать все, что накипело. Лучшее, что можно было сделать, внимательно его выслушать, успокоить. Это безотказно действовало, как своего рода психотерапия. Только после представленной возможности выплеснуть переполнявшие эмоции заявитель обычно успокаивается, становится способным рассуждать здраво, без излишних эмоций, осмысленно отвечать на вопросы. И с ним можно начинать работать по существу проблемы, кропотливо уточнять какие-то конкретные детали. Не известно, сколько бы еще времени продолжался эмоциональный, сбивчивый монолог посетителя, если бы его мягко не прервала пришедшая вместе с ним женщина.

– Скажи, наконец, Тельман, конкретно об алиби! О том, что Рагима задержали без каких-либо оснований. В момент убийства его вообще не было в городе.

Голос ее внезапно задрожал, речь резко оборвалась. Она умолкла, в напряженном ожидании, глядя на своего спутника.

– А какое у него алиби? – оживился Рзаев, глядя на женщину. – Кстати, кто вы? Вас не представили.

Он только теперь внимательно разглядел ее. Красивый овал лица, большие карие глаза оттенялись скорбным выражением лица с заметным налетом преждевременной старости. В разговор вновь вступил мужчина.

– Простите, это моя младшая сестра Ирада. Я так разволновался, что ее не представил.

– Ничего страшного, – успокоил его Эльхан. – Давайте, не торопясь, кое-что проясним, чтобы у меня сложилась картина произошедшего.

Он взял ручку и открыл блокнот. После целого ряда уточняющих вопросов ему удалось восстановить для себя хронологию событий с позиции, изложенной посетителями. Со слов обоих, убийство произошло в двух кварталах от их дома. Убитым оказался известный в микрорайоне наркодилер. Тело обнаружили примерно в половине десятого вечера.

Сын Тельмана, по его мнению, никак не мог быть причастным к этому преступлению. У него твердое алиби. Вчера он вместе с командой возвращался с борцовского турнира, проходившего в Стамбуле, а рейс самолета Стамбул – Баку приземлился в аэропорту только где-то около двадцати одного часа.

– С ваших слов, картина ясная, я имею в виду алиби. Но почему в таком случае при задержании вы все это не сказали полицейским? – спросил Рзаев.

– Они ничего не хотели слышать, – обескураженно развел руками Тельман и, посмотрев на сестру, добавил с виноватым выражением лица. – Честно говоря, я немного растерялся, не смог объяснить. Все произошло так неожиданно и быстро.

– Но скажите тогда, почему у полиции возникли претензии именно к вашему сыну? Наверняка, не на пустом месте? Допустим, он действительно отсутствовал в городе и непосредственно не принимал участия в данном преступлении, но ведь мог иметь к нему косвенное отношение, вы это исключаете?

Рзаев пристально посмотрел на мужчину в ожидании ответа. Но в разговор снова вступила женщина.

– Мне кажется, это связано с тем, что у Рагима ранее был конфликт с убитым, – произнесла она.

– Это интересно, – оживился Эльхан, откинувшись на спинку кресла и устремив взгляд на собеседницу.

– Интересного здесь мало, – отпарировала та. – Произошло это следующим образом и совершенно случайно. Племянник, возвращаясь с тренировки, неожиданно столкнулся с ним недалеко от своего дома и, зная его уголовную подноготную, предупредил, чтобы в нашем районе он больше не появлялся. Тот его оскорбил, и Рагим, не сдержавшись, его избил.

– Вот так просто, из-за словесного оскорбления? Значит, можно предположить, что ранее между ними сложились неприязненные отношения?

– Да, – вздохнула женщина. – К сожалению, это так.

– Можно узнать подробнее, что они не поделили, какая кошка между ними пробежала?

– Можно. Началось это почти год назад. Мой сын умер от передозировки наркотиков. Ребята с нашей улицы рассказали Рагиму, что к наркотикам его двоюродного брата приобщил этот самый Вусал, известный в округе наркодилер. Он посадил на наркотики многих подростков. По его вине за год случилось несколько смертей от передозировки. Об этом в микрорайоне всем известно. С матерью одного из них я довольно часто общаюсь. В смерти своего сына она винит именно Вусала. Племянник тоже узнал об этом, но не от меня. На эту тему у нас с ним разговора не было. Я даже мысли не допускаю, чтобы Рагим мог пойти на убийство. Надо знать его характер, отношение к людям. Он очень доброжелательный и спокойный, – заключила Ирада.

– Итак, история начинает раскручиваться, – задумчиво проговорил Рзаев, делая какие-то записи в своем блокноте. – Значит, нельзя исключать и, более того, следует иметь в виду, что чувство мести могли испытывать и другие люди? – повысив голос, обратился он к мужчине, нервно постукивавшему пальцами по столу.

– Я думаю, да, более того, уверен в этом, – ответил тот после непродолжительной паузы.

– Тогда будем определять круг этих людей, – произнес Рзаев в полголоса, как бы беседуя с самим собой. – Кроме того, предстоит продумать и другие версии. К примеру, убийство на почве конфликта с другим наркодилером из-за территории. Либо убийство наркоманом, задолжавшим деньги и получившим отказ на дозу в долг. Список версий можно было бы продолжить и дальше. Я этим займусь. Потребуется некоторое время для анализа и выработки плана действия. Ваш телефон у меня есть, и мне, разумеется, остается записать полные данные вашего сына, а также домашний адрес. В течение дня я с вами свяжусь, и будем думать, как продвигаться дальше.

Посетители переглянулись, понимая, что беседа завершена, и, сдержанно попрощавшись, покинули кабинет.

План предстоящей работы у него созрел еще в ходе беседы, и он, по своему обыкновению, приступил к его исполнению незамедлительно. Первым делом позвонил в управление полиции аэропорта, в дежурную часть, где работал один из его бывших подчиненных. Назвал рейс, уточнил время прибытия, нахождение на борту спортсменов, в том числе интересовавшего его парня. Более того, дополнительно выяснил, что самолет прибыл в Баку с сорокаминутным опозданием.

В таком случае получалось, что в момент совершения убийства борт, скорее всего, ещё находился в воздухе. Следовало также учесть, что после приземления требуется соответствующее время на прохождение известных пограничных и таможенных формальностей. Помимо этого, спортсменов встречали болельщики и тележурналисты, и это ещё одна дополнительная задержка. Пока, при таком временном раскладе, сомнений в алиби парня не возникало.

Поблагодарив коллегу за оказанную помощь, Эльхан связался с руководством спортивного общества, за которое выступал Рагим, и убедился, что, полученная им информация подтвердилась.

Теперь ему предстояло пообщаться с районным управлением полиции. Идти туда наобум, с учетом введения неоправданно усложненного пропускного режима, было бессмысленно. Следовало прежде заручиться чьей-то солидной рекомендацией. Узнать, остался ли там кто-либо из прежних знакомых. Здесь у него проблем не было.

Рзаев позвонил своему старому приятелю Сабиру, также полковнику в отставке, который в отличие от него, выйдя на пенсию, продолжал тесно общаться и поддерживать приятельские отношения с коллегами, с еще действующими и теми, кто уже находился на заслуженном отдыхе. Неизменно присутствуя на мероприятиях, посвященных Дню полиции, других торжествах, он посещал как свадьбы, так и похороны, обменивался с друзьями-ветеранами новостями, связанными с полицией и ее деятельностью.

Кто-кто, а Сабир обязательно кого-то знает и, назвав меня, сообщит, что я хочу встретиться с коллегами из уголовного розыска, размышлял Рзаев. Старый оперативник и здесь не ошибся. Товарищ перезвонил ему в течение десяти минут и заверил, что все будет нормально. Начальник отдела уголовного розыска Манафов готов с ним встретиться, помнит его по прежним временам и ждет звонка.

– Прекрасно, пока все идет без накладок, и, если не возникнет какой-нибудь подводный камень, парень уже сегодня может оказаться дома, – вслух произнес Эльхан Рзаев. Затем, прихватив свой блокнот, набросил куртку и, застегивая ее на ходу, направился к машине.

Через полчаса он добрался до места. Дюжий полицейский с автоматом в руках и неподдельным выражением собственной значимости на сытой, глуповатой физиономии ретиво остановил его у входа в управление. Отставной полковник назвал себя и сказал, к кому идет. Тот связался с дежурным, и после целого ряда дополнительных уточнений ему, наконец, позволили пройти внутрь здания.

Да, с сожалением подумал Рзаев, расскажи кому-нибудь, как раньше, в пресловутые, недемократические времена его молодости, двери в районные отделы милиции были круглосуточно открыты, и любой посетитель мог беспрепятственно попасть к дежурному по районному отделу внутренних дел, подать жалобу или заявление, попросить о содействии, проконсультироваться по возникшей проблеме.

Лицо начальника уголовного розыска Манафова показалось ему знакомым, но никак не мог припомнить, откуда. Поздоровавшись и предложив сесть у приставного стола, изобразив некоторое подобие приветливости, тот, обратившись, как к старому знакомому, сообщил, что раньше работал в городском управлении полиции и наслышан о Рзаеве, как об очень авторитетном оперативнике.

Эльхан также сказал несколько дежурных любезностей и, в присущем ему стиле, не откладывая дела в долгий ящик, сразу перевел разговор в нужное русло.

Реакция Манафова на его вопросы о причинах вчерашнего задержания Рагима Тагиева не удивила, была в принципе ожидаемой. Начальник уголовного розыска пояснил ему, что парень задержан по подозрению в убийстве лица, находившегося с ним в неприязненных отношениях. Как установлено по «горячим следам», между ними некоторое время назад возникла непримиримая вражда на бытовой почве, и в конце концов произошла драка. Задержанный подверг своего недруга жестокому избиению и, более того, при многочисленных очевидцах угрожал убить. Парень он крепкий, значительно превосходивший в физической силе убитого. К тому же, полиции стало известно, у подозреваемого якобы был мотив отомстить за смерть своего двоюродного брата, умершего от передозировки наркотиками.

– А что, убитый в самом деле причастен к торговле наркотой? – спросил Рзаев, внимательно вглядываясь в лицо собеседника.

– Этого мы не знаем, – помедлив, ответил тот.

– А что он за человек? Был ли судим? Как вообще характеризовался, чем занимался, склонен к противоправным действиям, попадал ли раньше в ваше поле зрения?

По раздосадованному лицу начальника угрозыска стало понятно, что вопросы ему не понравились. Он нервно развел руками и с недовольной гримасой произнес:

– Ну, вы же опытный сотрудник, лучше меня знаете, как тяжело контролировать в огромном, многолюдном жилом массиве криминогенную обстановку и в том числе каждое лицо, в той или иной степени склонное к противоправным проявлениям. Мы делаем все возможное для предупреждения преступлений, но это жизнь. Убитый – вроде обычный парень, проблем нам не создавал.

– Но он был судим? – продолжая настаивать, повторил свой вопрос Рзаев, – и по какой статье?

Манафов как-то нехотя покопался в документах, перекладывая бумаги из одной папки в другую, наконец, достал какой-то листок.

– Да, имеет две ходки, обе за торговлю наркотиками, – чуть слышно, с нескрываемой досадой ответил он и тут же с неудовольствием добавил. – Повторяю, никаких сигналов на него у нас не было. А причиной конфликта мог послужить любой инцидент. Вчера поздно вечером я поручил доставить подозреваемого в управление, чтобы опросить по существу, но вынужден был уехать в связи со служебной необходимостью. Как раз сейчас, с утра планирую с ним подробно побеседовать.

– А вчера, после доставления, его кто-то из ваших подчиненных допрашивал? – спросил Рзаев.

– Нет. Скорее всего, просто задали несколько общих возникших к нему вопросов. На признание он не пошел. Мне доложили, вел себя дерзко. Отказался отвечать на вопросы. Оперативники у меня молодые и не смогли его нормально допросить.

– Ясно, – громко и отчетливо проговорил Рзаев. – Я приехал к вам сообщить, что располагаю информацией о том, что у этого парня твердое алиби. Я лично это проверил и ручаюсь за достоверность фактов.

Начальник уголовного розыска скептически улыбнулся, насмешливо приподняв брови. Сохраняя хладнокровие, Эльхан Рзаев с невозмутимым видом подробно рассказал ему о своих проверочных действиях и попросил соответствующим образом официально провести уточнение наличия алиби у Тагиева.

– В случае, если все подтвердится, полагаю, к парню вопросов не останется, – убедительно заключил он, собравшись уходить. – Я абсолютно убежден, картина быстро прояснится, во всяком случае, в части его непосредственной причастности к убийству, и тогда мы с вами встретимся. А пока до свидания, спасибо за помощь, – произнес старый оперативник, прощаясь. Хозяин кабинета, не произнеся ни слова, согласно кивнул головой.

Спускаясь вниз по лестнице, Эльхан увидел, как двое сотрудников полиции вели навстречу высокого, широкоплечего парня с типично борцовской, атлетической фигурой, на лице которого заметил кровоподтеки. Мгновенно приняв решение, Рзаев, не пропуская переднего конвойного, остановил его, положив руку на перила, и спросил идущего следом за ним парня:

– Тебя зовут Рагим Тагиев?

В ответ тот молча кивнул. Отставной полковник смерил глазами конвоиров, покачал укоризненно головой и с видом, не обещающим ничего хорошего, решительными шагами вернулся в кабинет Манафова, без предварительного стука в дверь. Такое внезапное вторжение явно не понравилось начальнику угрозыска. Изобразив на лице недовольную гримасу, он хотел что-то сказать, но Рзаев опередил его коротким, как выстрел, вопросом.

– За что били парня?

Хозяин кабинета в замешательстве стал что-то озабоченно искать в столе, но ничего не нашел и, видимо, собравшись за это время с мыслями, переспросил:

– Какого парня?

Произнеся это, он тут же сообразил, что таким вопросом поставил себя в глупое положение, но ничего изменить уже не мог, поэтому несколько замялся.

С трудом сдерживая охватившее его негодование, отставной полковник повысил голос.

– Вы говорили, что Тагиева еще, якобы, не допрашивали, но побои, оказывается, уже успели нанести. В таком случае я хотел бы узнать, чем может закончиться предстоящий допрос? – и, не давая опомниться полицейскому, добавил: – Я вернусь сюда через два часа и позвоню тебе. Этого времени будет более, чем достаточно, чтобы убедиться в наличии алиби у подозреваемого, а также в том, что он не имеет отношения к убийству ни как организатор, ни как исполнитель, ни как пособник. Я заявляю об этом с полной ответственностью, убежден, против него не будет никаких, даже косвенных улик. Не создавай себе проблем!

С этими словами он вышел в коридор, спустился на первый этаж и вскоре оказался на улице, в сердцах сожалея, что сорвался. Но, с другой стороны, приходилось с трудом сдерживать охватившую его нервную дрожь. Как же можно докатиться до такого, запросто избить человека, намереваясь принудить его к признанию в убийстве?

Все это вызывало чувство непреодолимой брезгливости и отвращения к тем, кто, будучи призванным защищать закон, его безнаказанно нарушает.

Отставной полковник крайне расстроился от увиденного. Неоправданно усложненный пропускной режим с автоматчиками, ссадины на лице необоснованно доставленного и просидевшего целую ночь в камере невиновного парня явно свидетельствовали, что полиция пренебрегает человеческим фактором. Она так и не стала подотчетным институтом демократического общества, ориентированным на социальное обслуживание населения в сфере поддержания общественной безопасности и борьбы с преступностью, как голословно это многократно утверждалось с высоких полицейских трибун.

По многолетней привычке досконально изучать проблематику, специфику дела, которым он занимается, Рзаев сосредоточенно анализировал сложившуюся ситуацию вокруг Рагима Тагиева. И она диктовала ему настоятельную необходимость глубже вникнуть в произошедшее.

Много времени на обдумывание ему не потребовалось. Прежде всего он решил навестить своего старого приятеля, чья компетентная информация об убийстве в данном конкретном случае могла оказаться очень полезной, возможно, даже решающей, конечно, если он еще не на пенсии, а продолжает трудиться в своей прежней должности.

Не теряя времени, Эльхан направился к своей машине, и вскоре его «Жигули» не замедлили встроиться в сплошной поток автомобилей. Долго ехать не пришлось, адрес морга был хорошо знаком. Через десять минут, пройдя в старое, приземистое, серое здание, он спросил у пожилого охранника, работает ли доктор Мирзоев. Тот ответил утвердительно и стал объяснять, как к нему пройти.

– Спасибо, я знаю, где находится кабинет, – поблагодарил Рзаев, с удовлетворением отметив про себя, что приятель еще работает. Когда-то они часто, практически регулярно общались по делам службы, начинающий опер угрозыска и молодой, несколько экзальтированный, склонный к эпатажу, судебно-медицинский эксперт, патологоанатом, тонкий знаток своего дела.

В ходе совместной многолетней работы у обоих, при очевидной несхожести характеров, выработалось взаимное уважение. Ибо их объединяли добросовестное отношение к своим служебным обязанностям, одинаковое амбициозное стремление к профессиональному росту, глубокий интерес к научным исследованиям в области виктимологии. Именно эти качества не раз помогали им в поисках истины при раскрытии тяжких, резонансных преступлений.

Мирзоев был необычайно эрудирован, очень педантичен, принципиален, но вместе с тем крайне самолюбив и язвителен. Обладая незаурядным умом и редким трудолюбием, он мог бы сделать завидную карьеру на медицинском поприще. Без отрыва от практической деятельности защитил кандидатскую, затем докторскую диссертацию, но, по известным только ему самому причинам, напрочь отказывался от заманчивых предложений продвинуться в управленческой системе здравоохранения.

Трудно понять, почему этот интеллектуал, неординарный во всех отношениях человек, после окончания мединститута всю свою жизнь предпочел работать в таком невеселом учреждении. Однажды на этот прямой вопрос Эльхана, спонтанно возникший во время одной из обычных ночных бесед, после возвращения с осмотра места совершения особо опасного, тяжкого преступления, Мирзоев ответил в свойственной ему иронической манере.

С его слов, оказывается, в силу своей специфики сама обстановка в морге располагает к размышлениям о смысле бытия и его скоротечности. Здесь отчетливо приходит понимание того, что жизнь – всего лишь непредсказуемый, суетный, полный случайностей, потерь и обреченности, четко определенный для каждого отрезок времени между рождением и смертью. Но самое главное, по его мнению, контингент данного учреждения абсолютно безопасен как для него, так и друг для друга в силу отсутствия пороков, присущих живым людям с их амбициями, алчностью и так далее. Поэтому обстановка в морге располагает к философскому осмыслению бытия.

Они не виделись на протяжении последних нескольких лет, и можно было ожидать хотя бы обмен дружескими приветствиями. Но, когда Эльхан вошел в кабинет и громко, приветливо поздоровался, Мирзоев повел себя, с присущей ему неординарностью, сумев-таки вновь удивить неожиданным для такого случая приемом. Он надел очки, внимательно вглядываясь в лицо своего старого знакомого, и суховато ответил: «Добрый день». Затем, вместо ожидаемых в таких случаях, хотя бы чисто формальных приветствий и вопросов о жизни, о том, почему так долго не виделись, спросил: «Чем могу быть полезен?»

Даже хорошо знакомый с чудачествами Мирзоева, отставной полковник опешил от такого приема. Но, как говорится, ничего не поделаешь, правила общения устанавливает не посетитель. В общем-то его интересовали простые вещи, требовавшие уточнения. Приняв правила игры, предложенные Мирзоевым, он спросил о вчерашнем убийстве, которое его интересовало, назвав фамилию и имя убитого. Попросил, по возможности, рассказать об условиях и времени совершения преступления, оружии, характере нанесенной смертельной травмы и каких-либо дополнительных деталях, относящихся к личности убитого.

– Нет никаких проблем, – задумчиво произнес Мирзоев. – Но зачем это тебе? Насколько я знаю, ты на пенсии. Из праздного любопытства сюда не приходят. Я прав?

Значит, знает, что я уже на пенсии. Так бы и спросил при встрече, а не устраивал целое представление, с легкой досадой подумал Рзаев. Добрейшей души человек, но уж очень чудаковатый. Нет, чтобы поступить так, как принято, и сказать обычную, дежурную фразу: «Давно не виделись, старина, рад встрече! Как поживаешь?» Но не таков был Мирзоев ни раньше, ни теперь. С возрастом, по-видимому, его странности только усугубились.

– По мере возможности, я работаю, оказываю юридическую помощь, – уклончиво ответил Эльхан, не вдаваясь в детали.

– Ну, теперь понятно! Приходится работать. В общем, обычная ситуация, в которой оказывается добропорядочный полицейский, уходя в отставку, – заключил Мирзоев. – Тогда как другие, так называемые квази-коллеги, которые вовремя подсуетились и «честно» наворовали баснословные суммы денег, наслаждаются жизнью. Успели обзавестись сомнительным, с точки зрения совести и закона, капиталом. Живут в коттеджах, подсчитывают прибыль со своих, созданных непосильным коррупционным трудом различных торговых и иных объектов. Ну, да, ладно, что тебе рассказывать о невеселой реальности. К сожалению, хаос современной жизни проникает в душу. Честные люди не в состоянии понять, что происходит. Им трудно разобраться во всем этом, – окончил он свой спич довольно миролюбиво.

Старый опер, не перебивая, выслушал Мирзоева и после некоторой паузы прервал молчание.

– Ко мне обратился отец парня, – пояснил он, – которого подозревают в убийстве мужчины в вашем районе, произошедшем вчера. Я глубоко убежден в его невиновности, но мне нужны дополнительные убедительные доводы для усиления своей аргументации.

– Вот оно что? Ты, как издавна у тебя повелось, сам хочешь осмотреть труп и нанесенную рану или удовлетворишься моей скромной информацией по существу?

Мирзоев не упустил случая намекнуть на прежнюю всегдашнюю готовность оперативника дотошно разбираться в каждой мелочи лично.

Эльхан улыбнулся и ответил, что целиком полагается на мнение опытного специалиста.

Мирзоев удовлетворенно хмыкнул и двумя-тремя емкими фразами ответил на все поставленные вопросы.

Убийство совершено примерно в двадцать один час. Удар единственный, но очень сильный. Нанесен обоюдно острым лезвием ножа в левую часть грудной клетки, с проникновением непосредственно в сердце. Убитый, судя по татуировкам на пальцах, ранее дважды судим. На теле у него несколько различных, живописных, качественно выполненных татуировок, по которым можно судить о его статусе и положении в криминальном мире, отношению к уголовным традициям. Он наркоман со стажем. Интересной может показаться одна деталь. Удар ножом пришелся немного сбоку, слева направо, и можно сделать вывод, что преступник левша.

– Ты склонен думать, что бил левша? – заинтересовался Рзаев.

– Я могу это только предполагать, исходя из характера нанесенного ранения.

– А насколько точно можно говорить о времени убийства?

Мирзоев саркастически улыбнулся.

– Настолько, насколько мне позволяют мои скромные знания и некоторый опыт работы в данной области.

Полковник мгновенно уловил едкость замечания собеседника.

– Извини, я просто хотел уточнить, но никоим образом не ставлю под сомнение твои выводы.

– Именно так я и понял, – миролюбиво отреагировал Мирзоев и продолжил: – На место происшествия мы прибыли достаточно быстро. Осмотр показал, что смерть наступила сравнительно недавно, в пределах часа, около девяти часов вечера, с небольшим отклонением в ту или иную сторону. Такой ответ тебя удовлетворит?

– Более чем, – негромко произнес Рзаев, – и после небольшой паузы добавил: – Выходит, алиби задержанного парня полностью подтверждается. Кстати, его родственники в беседе со мной сказали, что убитый был наркодилером.

– А что это меняет? Ты убежден в невиновности своего клиента? Если «да», то доказывай это и добивайся его освобождения. В твоем нынешнем положении ты уже не отвечаешь за последующее раскрытие преступления. А этот, которого убили, если он был наркодилером, то по существу торговал смертью. С его непосредственной помощью преимущественно молодые люди становились наркобольными и затем уходили в мир иной. За такие злодеяния рано или поздно он непременно должен был ответить. Фемида, в лице ее служителей, хранила молчание. Возможно, он с ними договорился, так бывает, к сожалению. Но неожиданно появилась Немезида, и неотвратимое возмездие свершилось! Налицо классический пример виновности жертвы, как говорили юристы античности, victim blaming. Пусть теперь те, кому положено по службе, устанавливают, кому богиня возмездия вложила в руки оружие. Вот так, и не иначе! – Мирзоев, с нарочитым пафосом завершив свою речь, устремил острый взгляд на собеседника. Затем, сняв очки и протирая стекла, продолжил: – Если мне не изменяет память, ты в поисках справедливости, со своим несносно-принципиальным характером попытаешься докопаться до истины, найти и изобличить убийцу. Я не советую, более того, не вижу в этом никакого смысла, лучше тебе в твоем нынешнем статусе этого не делать. В этом плане ты вне игры, просто частное лицо.

После недолгого молчания Эльхан счел за лучшее не перечить своему приятелю, тем более в его словах была определенная доля истины.

– С тобой трудно не согласиться, – произнес он задумчиво. – Здесь есть над чем подумать. Спасибо тебе. Рад был встрече. Поеду в полицию. Я уже увиделся с начальником уголовного розыска, изложил ему свои предварительные доводы. Сейчас появились дополнительные весомые аргументы.

– Поторопись, а то может случиться, что к твоему приезду парень, испытав вдруг возникшие угрызения совести перед блюстителями правопорядка, успеет сознаться в убийстве, – саркастически пошутил и невесело усмехнулся врач.

Эльхан вздохнул и ничего не ответил. Ему крайне не хотелось вновь встречаться с начальником угрозыска. По-своему истолковав его молчание, Мирзоев продолжил:

– У них там настоящие кудесники сыска. Если нужно, заставят признаться в том, что парень, будучи в нетрезвом состоянии, разрушил Колизей и, не удовлетворившись этим злодеянием, попутно накренил Пизанскую башню.

Поддерживать этот разговор в том же духе Эльхану не хотелось, а Мирзоев, неожиданно разговорившись, посмотрев на него с хитрецой, спросил:

– Но ты, наверняка, о таких вещах никогда не слышал? И, конечно же, не знаешь об очень интересной профессии, которую успешно освоили «оборотни» в погонах?

– И что же это за профессия? – непроизвольно вырвалось у Рзаева.

– Кровельщик. Люди этой профессии занимаются крышами, а точнее, крышеванием. Видишь, как человеческие пороки бесстыдно извратили прекрасное слово кровля, с которым у честных, порядочных людей на протяжении многих веков было связано так много патриархального, доброго и хорошего.

Эльхан встал из-за стола, ответить ему было нечего. Да и не имело смысла отрицать очевидное, говорить какие-то общие, избитые, демагогические фразы, осуждающие все плохое и пафосно защищающие все хорошее. Надо было прощаться.

Несмотря ни на что, ни на язвительность старого друга, ни на проявленные странности, ему было приятно увидеть его на своем неизменном, рабочем месте. Он был прекрасным специалистом, за годы работы помог следствию раскрыть сотни, а может быть, и тысячи преступлений. Всегда относился к своему делу честно и добросовестно. А это – главное.

Как и в прежние времена, Мирзоев из вежливости предложил выпить по чашечке кофе, и Рзаев так же, как и раньше, столь же вежливо поблагодарив, отказался.

Они сдержанно попрощались, понимая, что им, скорее всего, уже никогда не доведется увидеться.

Мирзоев не стал его провожать. Деловито открыв лежавший на краю стола журнал, занялся вложенными в него документами, будто уже остался в кабинете один.

Глядя на его щуплую, сутуловатую фигуру, склонившуюся над письменным столом, Эльхан по-доброму улыбнулся, мысленно от всей души пожелал ему доброго здоровья, и вышел из кабинета. Мирзоев в очередной раз сумел его удивить и задуматься о делах минувших и будущих, о времени и нравах.

На улице, глубоко вздохнув несколько раз полной грудью, старый опер неторопливо уселся в машину, в очередной раз отметив про себя такую странную особенность, что прежде всегда, находясь в морге по служебным делам, почему-то старался по возможности сдерживать дыхание.

Так он поступил и сейчас.

Теперь ему предстояло созвониться с Манафовым, что он и сделал. Предварительно припарковав машину в метрах пятидесяти от здания управления полиции, набрал номер телефона. Сложилось все достаточно удачно.

Услышав его голос, начальник угро подчеркнуто сухим, официальным тоном нехотя ответил, что с парнем побеседовали, взяли объяснение, и в ближайшее время он будет свободен.

Так оно и случилось.

Через четверть часа Эльхан, увидев высокую, крепкую фигуру Рагима, вышедшего из здания полиции, подъехал прямо к нему и предложил сесть в машину.

Удивленно глянув на него, тот хотел что-то спросить, потом передумал и молча уселся рядом. Под весом его тела машина накренилась в правую сторону.

– Раз ты завершил здесь свои дела, поедем домой, и подскажи, как добраться побыстрее, чтобы не попасть в пробку, – обратился к нему Рзаев.

– А вы кто? – вопросительно посмотрел на него Рагим. – Я вас узнал, когда меня вели на допрос, вы подошли и спросили, как меня зовут.

– Да, это был я, – ответил Эльхан.

– А вы кто? – вновь повторил свой вопрос Рагим.

– Долго рассказывать, – ответил старый оперативник, внимательно вглядываясь в дорогу.

– А что вы делали в управлении полиции?

– Проходил мимо, решил тебя навестить, убедиться, что у тебя все в порядке. Потом захотелось тебя подождать и отвезти домой к родителям. Поэтому и стоял здесь.

Услышав такой ответ, парень улыбнулся и замолчал. Через некоторое время, решившись-таки прервать молчание, спросил:

– Я что-то не понял, получается, на меня хотели повесить убийство?

– Получается так. При первой встрече с ними ты не смог им популярно, в доступной форме, объяснить, что уезжал из города и участвовал в соревнованиях, проходивших в другой стране. В таких случаях говорят, между сторонами возникло недопонимание, – усмехнулся Рзаев.

– Я пытался объяснить, – развел руками Рагим, – но меня никто не слушал. Вечером к нам домой пришли двое, спросили: ты такой-то? Я ответил: да. Тут же надели наручники и говорят: поехали в полицию. Родителей напугали, а мне сказали, чтобы не сопротивлялся, будет хуже, применят оружие. Я особо не волновался. Был уверен, что на месте разберутся. Сразу предложил им позвонить тренеру, но без толку, они и слушать не хотели. А потом начали допрос.

– А кто тебя допрашивал? – спросил Рзаев.

– Эти же двое. Оба плюгавые, хилые, но наглые. Требовали признаться в убийстве и объясняли, что это смягчит мою вину на суде. Даже предлагали оформить явку с повинной. Я спрашиваю, в каком убийстве? Вы что, обалдели, снимайте с меня наручники, если хотите разговаривать. Один из них меня по лицу ударил и повторил: «Если признаешься, оформим явку с повинной, поможем срок скостить». Я разозлился и сказал, что с ними разговаривать не намерен и пусть не распускают руки, могу ответить.

– А что они?

– Покричали, пошумели, стали запугивать.

Рагим перевел дыхание и неожиданно рассмеялся:

– Дураки они. Я бы их в минуту уложил на пол, не хотел связываться.

– Значит, не совсем дураки. Выходит, правильно сделали, что не сняли наручники, а то побил бы, костюмы дорогие, фирменные испортил, – усмехнулся отставной полковник. И, вспомнив Мирзоева, едва сдерживая смех, неожиданно спросил: – Они тебя случайно не обвиняли в том, что ты разрушил Колизей и накренил Пизанскую башню?

На простодушном лице парня появилось выражение сильного удивления.

– Нет, об этом речи не было. Про башню не запомнил, как вы ее назвали, вовсе ничего о ней не слышал. Но Колизей находится в Риме, а я никогда не был в Италии. Так что у них и это бы не прошло, – повысив голос, решительно произнес Рагим.

Некоторое время оба молчали, а потом парень вдруг, как от толчка, резко повернулся к собеседнику и лукаво улыбнулся, в глазах засверкали веселые искорки.

– Я вспомнил, Колизей был разрушен тысячи лет назад! Сейчас он историческая достопримечательность. Оказывается, вы шутник, а я уши развесил, повелся, потом только сообразил. И он громко, раскатисто расхохотался, почесывая ссадину под глазом.

Немного погодя Рзаев обратился к Рагиму, окинув его испытывающим взглядом.

– Скажи, пожалуйста, из-за чего ты подрался с Вусалом?

Парень нахмурился и, повернув заметно помрачневшее лицо в сторону собеседника, негромко, но твердо произнес.

– Я с ним не дрался, с чего вы взяли?

Старому оперу ответ не понравился. Ведь об этом инциденте он слышал как от родственников Рагима, во время встречи с ними, так и в полиции. Более того, поводом для подозрения в убийстве явилась именно драка. Она, бесспорно, имела место. Отрицать ее абсолютно бессмысленно. Эльхан с неудовольствием подумал, что парень просто глуп, если не признает очевидное. И вновь с сомнением в голосе переспросил:

– Так получается, у тебя с ним не было конфликта?

– Конфликт был, – подтвердил Рагим, – драки не было.

– Как это понимать? Все обошлось без драки?

– Какая там драка, кто вам о ней сказал? Я его раньше предупреждал, чтобы в нашем дворе не появлялся. В этот раз сделал то же самое, а он – приблатненный, стал ругаться, пугать подельниками, напирать. Пришлось двинуть его один раз. Он свалился, как подкошенный, и не встает. Я посмотрел, подождал, а потом повернулся и ушел.

– Что значит ушел, если человек упал, лежит и не двигается, а вдруг, он умер?

– Да я не сильно, правой рукой в грудь ударил, как бы оттолкнул от себя, – пояснил Рагим. – Что с ним драться? Насквозь прокуренный и исколотый дохляк, не более шестидесяти килограммов веса. Соседские ребята рассказали, он какое-то время повалялся, попищал, постонал, потом поднялся и ушел.

– Ну, тогда ясно, – одобрительно произнес Рзаев. – Значит, пожалел ты его? А, если бы левой ударил, как я понял, она у тебя сильнее. Ты левша?

– Тогда бы ему хана, – рассмеялся Рагим. – Я в самом деле левша, и эта рука у меня сильнее, хотя качаю обе. Знаете, какое это создает преимущество на ковре? Подавляющее большинство людей, в том числе и борцов, – правши. Я, когда начинал в детской секции, в группе из тридцати человек, был единственным левшой. Вот и представьте! Обычно каждый из борцов привыкает бороться в одной, правосторонней стойке, так как всегда встречается с правшой. Поэтому в схватке с левшой у него моментально возникают трудности, а у меня получается наоборот. Вот так все просто.

– Ну, а когда тебе противостоит такой же левша? – заинтересовался Эльхан.

– Тогда мы оба попадаем в не привычные для нас условия.

– Да, это интересно. Значит, легковеса ты пожалел? Я себе представляю, как вы рядом хорошо смотрелись. У тебя внушительные габариты, – произнес Рзаев, глядя на могучие бицепсы, накаченную шею и широченные плечи парня. – Ты, наверное, слышишь, как жалобно кряхтит под тобой моя бедная машина? В тебе, наверняка, килограммов сто двадцать?

– Да вы что? Это знаете, какой огромный вес? Какие сто двадцать, куда мне до них? – возразил парень, изобразив на своей добродушной физиономии сильнейшее удивление.

– Ну, а сколько?

– Всего сто девятнадцать, – широко улыбнулся Рагим.

– Так ты, я вижу, тоже шутник, не скрывая симпатии к парню, – весело воскликнул Эльхан. – Будем считать один – один, боевая ничья.

Оба они, обменявшись веселыми взглядами и довольные друг другом, въехали во двор дома, где проживала семья Рагима.

Через несколько минут они, дружески переговариваясь, вошли в квартиру Тагиевых. Вся семья, отец, миловидная, улыбчивая мать и две младшие сестры школьного возраста, были дома. И трудно описать, радость, с которой они отреагировали на возвращение любимого сына и брата. Встреча была настолько трогательной, что даже отставной полковник невольно проникся общим настроением, атмосферой крепкой, дружной семьи.

Добродушный увалень Рагим располагал к себе. От него расходились какие-то флюиды душевности, обаяния, позитивной силы, жизнелюбия. Две его младшие сестры, как и мать, не чаявшие в нем души, обнимали, целовали его, наперебой говорили какие-то ласковые слова, а он, смущенно улыбаясь, стеснительно поглядывал на Рзаева. Его отец тоже не мог скрыть чувства радости, руки у него подрагивали от волнения.

Когда первые эмоции отступили, мать Рагима, полная, круглолицая женщина, засуетилась и, на ходу давая указания дочерям, скрылась на кухне, и они поспешили за ней.

Отец семейства Тельман Тагиев, едва сдерживая охватившие его эмоции, подошел к Рзаеву со словами благодарности. На глазах у него проступали слезы. Хорошо понимая его чувства и желая успокоить, Эльхан предложил выйти на балкон подышать свежим воздухом, что они и сделали.

Когда вернулись в комнату, на столе уже стояли заварной чайник, стаканы и вазочки с несколькими видами варенья. Все дружно уселись за стол.

Девочки наперебой расспрашивали брата о прошедших соревнованиях, а Рзаев, слушая их веселую болтовню, поглядывал на озабоченное лицо Тельмана.

Во время короткого разговора на балконе старый опер отказался обсуждать с ним вопрос оплаты за работу. Дескать, все разрешилось само собой, никаких сверхъестественных усилий им предпринято не было. Тем не менее, ссадины на лице Рагима красноречиво говорили сами за себя. Их уже с первой минуты встречи заметили все, без исключения, члены семьи. Недооценивать роль полковника в освобождении сына отец просто не мог, он поколебался, но не стал настаивать.

– Я позвонила Ираде, – сообщила мужу хозяйка квартиры, – успокоила ее, она очень обрадовалась и скоро придет. Бедняжке нельзя волноваться, последствия сильнейшего стресса еще не преодолены, – обратившись к гостю, добавила она озабоченно. – После смерти сына сама не своя, замкнулась, даже хотела наложить на себя руки. Стараемся, как можем, потихоньку вывести ее из этого угнетающего состояния.

– Правильно сделала, я как раз сам собирался звонить, – ответил муж и, повернувшись к Эльхану, пояснил, – это моя сестра, мы с ней к вам приходили. Нам повезло, близкая подруга Ирады, узнав о нашей беде, порекомендовала к вам обратиться. Вы в свое время помогли отстоять квартиру её матери, приглянувшуюся какому-то бизнесмену, проживавшему поблизости. Он нанял черных риэлторов, а те, как известно, за деньги готовы на любую подлость.

От продолжения этого разговора Рзаев деликатно уклонился, а за столом инициативу продолжали удерживать веселые и смешливые сестры Рагима.

– Пойдемте, я покажу вам спортивные награды сына, – поднявшись из-за стола, предложил Тельман. – Мы устроили в другой комнате небольшой уголок со спортивными трофеями: медалями, дипломами, грамотами.

Эльхан охотно последовал за ним. Оформлено все было красиво и со вкусом. Среди множества фотографий увидел старые, на которых, узнав Тельмана, спросил:

– Оказывается, вы тоже занимались борьбой?

– Да, и довольно успешно, – улыбнулся Тельман. – Но после окончания института оставил спорт, семья, работа, сами понимаете…

– Полагаю, у вашего сына большое спортивное будущее.

– Трудно сказать. От природы он очень сильный физически, но одновременно несколько медлительный, инертный, кроме того, предстоит много работать над техникой, бойцовскими качествами. Молодежный уровень серьезно отличается от взрослого. Будущие успехи зависят исключительно от его трудолюбия и настойчивости. Пока нет оснований, да и преждевременно строить воздушные замки. Главное сейчас – окончить институт, а как сложится на спортивном поприще, посмотрим, не будем загадывать.

На письменном столе лежал новый диплом за выступление на последнем турнире. Тельман, взяв его, обратился к гостю.

– Непорядок, мы обычно в первый же день вешаем его в рамку.

– Не стоит нарушать приятную традицию, – поддержал Рзаев. – А рамка для него есть?

– Есть, конечно. Сейчас, в вашем присутствии повесим.

Он принес с балкона чемоданчик с инструментами. Сноровистыми движениями подготовил дрель. Просверлил отверстие в стене, закрутил шуруп, аккуратно вставил диплом под стекло рамки и повесил его на стену.

– А вот, посмотрите, на этой фотографии Рагим и мой племянник на тренировке, – произнес Тельман, и продолжил. – К сожалению, его увлечение борьбой быстро прошло. В том, что с ним случилось, я чувствую свою вину. Сестра одна воспитывала сына, и, конечно же, я должен был уделять ему больше внимания, тем более, что Ирада живет недалеко отсюда, на нашей улице, рядом с бывшим киноте-

атром. Вы, наверное, знаете, где это, там сейчас какой-то торговый центр. А парнишка был несколько замкнутый, тихий, много читал, хорошо учился, увлекался компьютером. Ума не приложу, как он мог попасть под дурное влияние улицы и пристраститься к наркотикам. Никогда себе не прощу случившееся с ним.

Тельман собрал инструменты, после чего они вновь вернулись в гостиную. Отставной полковник, пристально наблюдавший за ним, с удивлением для себя отметил, что тот, похоже, амбидекстр, поскольку обеими руками работает одинаково уверенно. Это обстоятельство, несомненно, давало новую почву для размышления.

Тем временем появилась Ирада. Она поблагодарила Рзаева за участие и помощь, после чего умолкла и общий разговор не поддерживала. Её печальное, с темными кругами под глазами лицо, только изредка оживлялось, когда к ней подходили племянницы.

Рзаеву пора было уходить, но старого оперативника ни на минуту не отпускала мысль о раскрытии преступления. Он не привык делать скоропалительных выводов, и счел за лучшее еще раз тщательно обдумать все позже, в иной обстановке. Собравшись уже прощаться с хозяевами дома, Эльхан поднялся, когда в квартире прозвенел входной звонок. Жена Тельмана вышла в прихожую, и вскоре оттуда донесся чей-то мужской голос. Немного погодя, она, заглянув в комнату, взволнованным голосом сказала мужу.

– Тебя участковый спрашивает, подойди, пожалуйста.

Тот вздрогнул, побледнел, с трудом поднялся из-за стола и медленно двинулся на негнущихся ногах. Когда некоторое время спустя супруги вернулись в гостиную, вид у них был потерянный.

– Что-то случилось? – спросил Эльхан.

– Завтра меня вызывают в полицию. Участковый сказал, по делу об убийстве, – ответил Тельман. С этим крупным, сильным мужчиной, еще недавно шутившим с домочадцами, произошла разительная перемена. Руки и губы у него подрагивали, на лбу выступил пот. Несмотря на все усилия, ему никак не удавалось скрыть охватившее сильнейшее волнение, передавшееся членам семьи.

– Что ты так переживаешь? – обратилась к брату Ирада. – Неужели ты полагаешь, полиция тебя в чем-то подозревает? Просто хотят что-то уточнить. Возможно, спросят, где ты был вчера вечером. Мы все знаем, что ты сидел дома и слыхом ничего не слышал! У тебя железное алиби.

Она посмотрела на Рзаева, как бы ища его поддержки. Но в разговор вступила супруга Тельмана.

– В самом деле, не пойму, почему мы так встревожились? Ирада права. Ты весь день сидел дома. Полицейских можно понять. Участковый сообщил им о конфликте Рагима с Вусалом. А он еще тот фрукт, наш участковый, мог всякое наврать. Вот они и пытались выяснить, как все было на самом деле. Только сделали это топорно. Спешили, как на пожар, и наломали дров, вместо того, чтобы обстоятельно поговорить с нами на месте. А ты вообще здесь ни при чем. Мы этого Вусала не видели и знать не знали. Так им и скажешь. Как вы думаете? – обратилась она к Рзаеву.

Тот кивнул головой в знак согласия, но промолчал, не спуская глаз с хозяина квартиры. Отразившаяся на лице Тельмана тревожная гамма чувств не осталась незамеченной для искушенного физиономиста.

– Я пойду вместе с тобой, – вновь вступила в разговор Ирада. – Объяснишь им, чем ты занимался в интересующее полицию время.

– Правильно, ему с тобой будет спокойнее, – охотно поддержала её жена Тельмана. – Я помню, ты был на работе. Вернулся, как обычно, к семи часам и потом никуда не выходил, вся семья готовилась к приезду Рагима. Какие тут могут быть еще вопросы? О произошедшем вечером убийстве ты узнал от пришедших к нам полицейских, – заключила она.

– Все это надо будет спокойно объяснить в полиции, – как бы подытожила Ирада, успокаивая брата.

– Ой, я вспомнила,– всплеснула руками жена Тельмана. – Он все-таки выходил один раз, но быстро вернулся.

– Да, я действительно выходил, чтобы тебя встретить,– обратился Тельман к Ираде. – Ты обещала прийти к восьми часам, но неожиданно задержалась. На тебя это не похоже, ты человек пунктуальный. Стало темнеть, мы забеспокоились. Как-то не по себе было, и я решил тебя встретить.

Ирада побледнела, с тревогой взглянула на брата, но, ничего не ответив, перевела взгляд на полковника. Разговор принял для того неожиданный оборот, и интуиция подсказывала, что развязка интриги дела, которым он занялся сегодня утром, вероятно, близится к своему завершению.

Между тем в комнате воцарилось напряженное молчание, нарушаемое лишь ходом маятника стенных часов. Наконец, Тельман достал из кармана пачку сигарет и, не говоря ни слова, вышел на балкон курить.

Проводив его сочувственным взглядом, жена прошептала, ни к кому не обращаясь:

– Разнервничался сильно. С ним такое редко случается, не знаю, что и думать.

– Вы встретились с братом? – спросил Рзаев, в упор глядя на Ираду, мысленно прокручивая ранее возникшие сомнения и предположения о непосредственной либо косвенной причастности Тельмана к убийству. Женщина, помедлив какое-то время, отрицательно покачала головой, машинально поправляя платок.

– Нет, Ирада пришла одна, раньше него, – пояснила жена Тельмана и продолжила, – я вышла на балкон посмотреть, где он пропал, а он во дворе беседовал с соседом Вагифом у его гаража. Позвав, я помахала ему рукой, он подошел поближе, и я ему сказала, что Ирада уже дома. Сразу вернувшись, он больше никуда не уходил. Видно было, как обе женщины заметно разволновались. Хозяйка нервно теребила скатерть, а Ирада непроизвольно вертела в руке чайную ложечку.

В комнату вернулся Тельман, извинившись перед гостем за свой внезапный уход, сел рядом с ним за стол.

– Как получилось, что вы разминулись с сестрой, и кто такой Вагиф? – не замедлил обратиться к нему Рзаев, внимательно контролируя каждое его движение.

– Вагиф? – удивленно переспросил Тельман. – Почему вы им интересуетесь? Он обвел недоуменным взглядом жену и сестру, словно ища на их лицах какое-то объяснение и поддержку. Потом, переведя дыхание, продолжил: – Это наш сосед, живет в квартире напротив. Встретился с ним при выходе из квартиры, прямо на лестничной клетке. Оказалось, он как раз направлялся ко мне со всегдашней, дежурной просьбой посмотреть машину. Она у него совсем дряхлая, постоянно ломается. А он собрался порыбачить. Решив подстраховаться, попросил меня проверить зажигание, оно у него постоянно барахлит. Как откажешь пожилому человеку в такой просьбе? Пришлось повозиться, чтобы не сорвалась рыбалка. А почему вы это спросили?

– Просто так, – ответил Эльхан, одновременно подавая свой мобильный телефон Ираде. – Я забыл очки в машине. На всякий случай, наберите мне, пожалуйста, номер вашего телефона. Вдруг возникнут какие-то вопросы. Высказав эту просьбу, отставной полковник не сводил глаз с быстрых движений ее рук.

Молча выполнив просьбу, Ирада вернула телефон и, нервно поежившись, опустила глаза под долгим, пристальным взглядом Рзаева. Спустя минуту она неожиданно собралась уходить, несмотря на настойчивые уговоры родственников, особенно маленьких племянниц.

– Мне тоже пора, – поднялся Рзаев. – Заодно, Ирада, вас до дома подброшу.

Женщина, несколько поколебавшись, согласилась, и, попрощавшись с хозяевами, они вместе вышли в подъезд.

– Скажите, Ирада, – обратился к ней Эльхан, – почему ваш брат так разволновался из-за вызова в полицию? Он так же, как и мы с вами, абсолютно точно знает, что ни в чем не виноват, у него алиби.

– Конечно, не виноват, но опасается, что с ним могут поступить, как с Рагимом. Приятного мало, поэтому немного растерялся, у него очень мягкий характер, – помедлив, неохотно ответила она.

– А вы допускаете, что наряду с другими версиями может быть и та, что Вусала, предположим, в состоянии аффекта убил кто-то из родственников ребят, ставших по его вине наркоманами?

– Всякое может быть, – согласилась она и добавила, – ничего нельзя исключать.

Они сели в машину и, проехав некоторое время, опытный оперативник не преминул вновь вернуться к разговору.

– Как вы думаете, если убийство, к примеру, совершил на почве мести родственник, то, с вашей точки зрения, это самосуд?

– Нет, потому что не из мести, а от непереносимого горя, отчаяния, утраты смысла жизни, – резко ответила она, как о чем-то давно для себя решенном.

– Но психологически это состояние очень сложно пережить. Непросто решиться на такое. С этим, как с выпавшей тяжкой долей, потом придется жить и мучиться до конца своих дней, – задумчиво, как бы размышляя с самим собой, отчетливо выговаривая каждое слово, повысив голос, произнес Рзаев и, повернувшись к ней, встретил настороженный взгляд её больших печальных глаз. И тут же, без паузы, спросил: – Вы бы смогли пойти на это?

– Смогла! – не задумываясь, с вызовом коротко бросила Ирада, непроизвольно сильно сжав в кулак левую руку, что не укрылось от внимания собеседника.

Резко нажав на тормозную педаль, Рзаев направил машину к тротуару.

– Почему вы остановились? – встревоженно вскрикнула Ирада, её лицо побелело от волнения, губы дрожали. Внимательно посмотрев на неё, Эльхан помолчал, думая о чем-то своем, затем как можно равнодушнее ответил:

– Мы уже приехали, вот ваш дом.

Молодая женщина, будто оглушенная, некоторое время смотрела на него расширенными от охвативших тяжелейших переживаний глазами. Потом, словно очнувшись, огляделась и нерешительно, едва слышно, произнесла с вопросительной интонацией:

– Тогда, я пойду?

– Всего вам доброго! – ответил Рзаев. – Когда завтра пойдете вместе с братом в полицию, успокойте его, пусть не волнуется, у него твердое алиби. Вагиф без сомнения это подтвердит. Но не забудьте, Тельману не следует говорить, что он выходил из дома, чтобы встретить вас.

Они попрощались. Вскоре машина Рзаева скрылась в потоке автомашин. Он торопился, чтобы не сорвалась обязательная вечерняя прогулка с четвероногим другом. День выдался суетным, и он ощутил накатившуюся ужасную усталость.

Жизнь в очередной раз заставила его, уже довольно пожилого, много повидавшего на своем веку человека, задуматься о том, что никому никогда не дано знать, каким испытаниям его могут подвергнуть суровые перипетии судьбы.

А оставшаяся далеко позади, наедине со своими тягостными, мучительными мыслями, молодая женщина еще долго стояла в неподвижном одиночестве, напряженно глядя вслед давно уехавшей машины.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Осажденная крепость

После Второй мировой войны начался процесс глобализации – взаимозависимости между экономиками, территориями и обществами. В XXI веке глобализация охватила почти весь мир. Благодаря активным связям между государствами в разных частях света появилась возможность улучшить в некоторой степени уровень жизни людей в разных частях света. Безусловно, как у любого процесса, и у глобализации есть положительные и отрицательные стороны.

Сегодня антиглобалисты активно выступают против превращения всего мира в одну большую деревню, где экономики неразвитых стран страдают от аппетитов крупных игроков, где этносы теряют свою специфическую культуру, попадая под влияние эрзац-культуры и т.д. Однако если взвесить все «за» и «против», то нельзя не заметить, что в целом возможность координировать действия государств – это положительная тенденция. Тем более, учитывая вызовы современного мира. Потепление климата, пандемии.

Одним из основных факторов глобализации является международное разделение труда. То есть, у каждого государства есть своя специализация. Кто-то производит машины, а кто-то подсолнечное, оливковое масло. Кто-то добывает углеводороды и продает всему миру. Факт остается фактом, глобализация – тренд сегодняшнего дня, и вряд ли государства, желающие прогресса своим странам и благоденствия своим гражданам, будут отгораживаться китайской стеной от соседей.

А в это время…. Идет война в центре Европы, в тех же местах, где проходила Вторая мировая война. Только на этот раз захватчиками являют российские войска, ведущие в Украине войну, которую российские власти стыдливо назвали «спецоперацией».

Каким образом в глобальном мире возможно обороняться от агрессора? Многие военные эксперты утверждают, что против силы работает только сила. Грубая сила на поле боя. Конечно, они правы. Но объединенные глобальными связями государства, решившие сообща противостоять российской агрессии, принимают экономические и политические санкции, пытаясь объяснить агрессору, что его действия, мягко говоря, неразумны. И не мешало бы прекратить кровавую войну и уйти с земель соседнего государства, перевернув позорную страницу своей истории. Реакция российских властей общеизвестна. Не только не уйдут и не оставят украинцев в покое, напротив, они будут сражаться до победного конца. Правда, в чем заключается победа для российских властей, так и не ясно. Преамбула о глобализации и санкциях в условиях войны позволяет увидеть, каким образом Россия, прежде вписанная в глобальную систему международного разделения труда, выбывает из круга глобальных игроков и попадает в пространство, громадное впрочем, но, тем не менее, все больше напоминающее осажденную крепость. Внутри крепости есть вода, пища, большие объемы углеводородов и даже технические гаджеты. И население, большая часть которого поддерживает идеи своего «кормчего». Самое главное, есть идеологи, готовые подвести теоретическую базу под любые экстравагантные, а зачастую преступные действия своих властей. Объяснить можно все. Любое действие. Самое ужасное преступление, при известной ловкости, объяснимо массой причин и благих намерений. «Адвокат дьявола» всегда найдет нужные аргументы, чтобы обелить преступника, либо, по крайней мере, вызвать жалость у окружающих. Так было всегда. И, вероятно, вряд ли что-то изменится.

Недавнее интервью от 16 июня российского министра иностранных дел Лаврова журналисту BBC Стиву Розенбергу (Steve Rosenberg) вызывает недоумение, если не сказать больше. Министр заявил: «Знаете, мы не вторгались в Украину, мы объявили специальную военную операцию, когда у нас уже не осталось никакого способа объяснить Западу, что он занимается преступной деятельностью, втягивая Украину в НАТО».

Sözün bittiği yer. Без комментариев.

Немного об осажденной крепости, такой, какой ее обычно представляют.

Осажденная крепость попадает в такую безнадежную ситуацию не по своей воле. Естественно, кто по своей воле будет устраивать себе осаду? Как правило, такая ситуация случается в военное время. Агрессор, желая, по разным причинам, захватить вожделенную добычу, но, сталкиваясь с сопротивлением жителей, готовых дать отпор врагу, прибегает к осаде. Множество фильмов, книг, поэм посвящено героическому сопротивлению коварному врагу. В XXI веке в ряд городов, подвергнутых новому способу осады, гораздо более жестокой, с постоянными бомбовыми атаками на город, с уничтожением всего живого, вошёл город Мариуполь. Символично, что город носит имя одной из главных святых христианской религии, девы Марии. Сотворили этот кошмар в XXI веке российские агрессоры.

Осаду устраивает враг, но в настоящей войне России против Украины наблюдается ещё один вариант осады. Той самой, которую сложно представить. Когда Россия, напавшая на Украину, осаждая украинские города, одновременно и себя превращает в осажденную крепость. Во многом благодаря собственным недюжинным усилиям. Не буду голословной.

9 июня этого года президент России на встрече с молодыми российскими предпринимателями заявил о том, что нынешняя Россия призвана продолжать политику Петра I, который в свое время значительно увеличил размеры российской империи. В частности, президент вспомнил о том, что Петербург построен на землях Швеции. Претензии на чужие земли четко обозначены. Реакция Запада предсказуема и оправдана. Очередной 7 пакет западных санкций против России стоит на повестке дня. Вероятнее всего его примут. То, что российскую крепость осаждают не только коварные враги извне, но и своя отечественная российская администрация, очевидно. Сказать, что такой подход российской администрации является «новаторским» нельзя. По той причине, что «железный» занавес СССР явился примером для других тоталитарных систем. Из сказанного можно сделать вывод, что современная Россия строит свою осажденную крепость по готовым лекалам Советского Союза. Домыслить, чем может обернуться завершение проекта «Осажденная российская крепость», как мне кажется, несложно. Любая осажденная крепость, в случае, если силы противника значительно превосходят силы защитников крепости, рано или поздно падет. Так случилось, к сожалению, с Мариуполем. Город пал и сейчас в руках российских интервентов. Разница с российской осажденной крепостью заключается в том, что жители Мариуполя сопротивлялись до последнего и не теряют надежды, что город, как и вся страна, будет освобожден от оккупации.

В случае с российской осажденной крепостью надежда на освобождение призрачна. Еще и по той причине, что россияне, пребывающие во внешней, а также, еще более тяжелой, внутренней осаде, не осознают всего трагизма ситуации и, в основном, поддерживают свою администрацию.

ИРЕН ТАСАЛОВА

Я СЛУШАЮ НОЧЬ...

* * *

Вечерний час медлителен и тих,
И тени сумерек проистекают в стих.
Взметнулась мысль, рассыпалась строкой
В моей тетради под моей рукой.
Здесь полусном объят недвижный лист,
Песок прибрежный влажен и зернист,
И кипарис, что зноем утомлён,
Ни лиц не помнит наших, ни имён.
Здесь лето, умерщвлённое на треть,
Луна сменила серебро на медь.
Здесь шёпот притаился на губе,
И слово — каждое мое — тебе!
Не ускользнет –
под руку и в тетрадь!
А мне б тебя всей нежностью объять...
Над крышей дома звездный ковш повис,
И облако целует кипарис.

* * *

Небо нахмурилось. Серое, низкое.
Слышу дыхание ровное, близкое.
Губы от холода смерзлись, замолкшие.
Небо заплакало. Щеки намокшие.
Веки усталые, сшиты ресницами.
Не разглядеть тебя, не ошибиться бы.
Руки протянуты ветками белыми,
Были они и живыми, и смелыми,
Только всё прежде, а ныне дрожащие.
Не отпустить бы тебя настоящего...
Карканье вороны стелют над крышами.
В спину мне оклики, да не услышу их.
Окна чужие, пустые, безмолвные,
Смотрят мне в душу глазищами желтыми.
Звякает память разбитыми блюдцами.
Не обернусь к ней, а мне обернуться бы.
Небо раскрашено сизыми красками,
Словно обижено и не обласкано.
Мысли над крышами черными птицами,
Мне бы уснуть,
а тебе бы – присниться бы.

* * *

Тише. Я слушаю ночь...
Я слушаю тайную исповедь мрака.
Во тьме сиротливо завоет собака,
По дому тоску не сумев превозмочь.
Звон стёкол. Разбитое ветром окно.
И эхо, как вор, средь пустующих комнат.
Мне стены расскажут, о ком они помнят,
О тех, кто забыт остальными давно.
Вот хлопнула дверь. А потом женский крик
И топот, и гомон на лестничной клетке,
И девушка в драном пальто и беретке-
В ночь! Ссадины прячет, подняв воротник.
Курю. Дым в окно. За стеной детский плач.
Дитя неспокойно в своей колыбели.
Соседка на кладбище с прошлой недели,
Супруг был ревнив, да и нравом горяч.
А вот из квартиры, что сверху, жилец
Вовсю веселит молодую зазнобу,
Пусть утром старушки вслед плюнут,«Стыдоба!»,
Им лишь улыбнётся лихой удалец,
В холодный туман исчезающий прочь,
Пропахший любовью и малость развратом.
Уж лучше счастливым, чем битым и клятым,
И вовсе забытым...
Я слушаю ночь.

* * *

Сказала «я люблю» и осеклась...
Добавила «тебя» –
и низложила
К ногам его над необъятным власть,
В пяти слогах неистовую силу.
Я голову склонила и с тех пор
Взялась за кропотливую работу –
Любить его. Но лишь один укор
В итоге получила отчего-то.
Я сердцем вознеслась и с тех высот
Запела вдруг.
Но если б только знала,
Что для него совсем наоборот,
Моей любви так невозможно мало.
Он отвечал мне, приподнявши бровь,
Чтоб я душой своей не возгордилась:
«Когда твоя великая любовь
Хотя б на что-то в жизни мне сгодилась?
Ее не обменять в голодный год
На сигареты и краюху хлеба!»
И, нервно искривив в усмешке рот,
Смотрел поверх меня в седое небо.

* * *

Этот день ничего не стоит.
Как голодный до воли зверь,
Я никак не найду покоя,
Все смотрю на входную дверь.
Ты не гладь меня понапрасну,
Не корми меня, не пои,
Не целуй меня в шею страстно,
Все отвратно, что без любви.
Ты не первый и не последний,
Лгать едва ли тебе могу.
Я живу у двери в передней
И однажды я убегу.
Сердце, знаешь, сильнее колет,
Словом полное до краёв.
Нелюбовь, она, как неволя,
А неволя, как нелюбовь.

* * *

А ты дарил мне мертвые цветы.
Я их любила. Я была жестока.
В них было столько мертвой красоты
И цвета жизни, прерванной до срока.
Садовника обласканы рукой,
Рукою той же после их срезали.
О, как теперь боюсь я, милый мой,
Отведать горечь их немой печали.
О, как теперь я не хочу глядеть
На тонкий стебель с загрубевшей раной.
Цветов умерших не дари мне впредь,
Пока тебя любить не перестану.

* * *

Отрекись... отречение высшее благо
Того, кто устал,
Того, кто восстал,
Но восстания смысл потерял,
И рука опускается вместе с поблекнувшим стягом
Над осенней землей,
Сердце ищет покой
Без вопросов, кто свой, кто чужой...
Бренна плоть – связки мышц, сухожилия, кости.
Невесома душа,
Как скрижаль,
Я читаю ее не спеша.
Отрекаюсь – от плоти, от крови, от злости
И от жженья в груди.
Не судим – не суди.
Я уже на обратном пути...

* * *

Небо – мутная река,
Ветер гонит облака,
Это май глядит в окошко,
обезумевший слегка.
Жизнь по капле внутрь вен,
Загоняет душу в плен,
Та притихла понарошку,
Кто поверил, тот блажен.
Мерим путь за пядью пядь,
Память прячем под кровать,
Дорогие побрякушки –
А попробуй-ка продать.
Сердце распускает нить,
Ни связать и ни скрутить...
Мы – хрустальные игрушки,
Разобьешь –
не починить.

* * *

Вечерний туман над миндалевой рощей,
Холодное влажное око Луны,
И каждое дерево ветви полощет
В недвижимых водах его желтизны.
Попряталась пышная звездная свита
За сизую дымку ночных облаков,
Свечением лунного ока омыты
Миндалевый сад с кавалькадой сверчков.
Покрыты испариной темные листья,
Блестят, отражаясь в небесной реке.
Я прячусь в тени, и тревожные мысли
Я прячу в опалово-черном зрачке.
Луна, не гляди на меня с поднебесья,
Я тайну свою ото всех берегу.
Ни словом простым,
ни торжественной песней,
Ни спеть, ни сказать никому не могу.
Я этим туманом, как шалью, укрыта,
Не дай же раскрыть мой изысканный блеф –
Пусть сердце мое ото всех будет скрыто
Во влажной ночи, под навесом дерев,
Среди перламутра жемчужных мозаик
Упавшей на листья вечерней росы,
Как тайну твою неусыпно скрывает,
Тревожима солнцем, небесная зыбь.
Луна, ведь и ты на рассвете не ропщешь,
И я не ропщу – я с годами мудрей...
Мы обе сегодня в миндалевой роще,
Тихонько поплачем над долей своей.

Воспоминание

Я смотрю в темноте на мерцанье огней
И узорчатость ламп на гирлянде.
Конь стеклянный как будто гарцует над ней,
Пляшет заяц в сиреневом банте.
Здесь король с королевой, принцессы, пажи,
Все посыпаны блестками щедро,
И сосульки висят –
до чего хороши!
Не страшатся ни солнца, ни ветра.
А шары разноцветные как на подбор!
Улыбаясь, глядят с каждой ветки.
Из бумаги снежинки слетают со штор,
И белеют из ваты горжетки
На зеленых иголках...
Красавица ель!
Хоть и пахнет немного пластмассой.
А под нею нуга, шоколад, карамель
И еще Дед Мороз седовласый.
На макушке у ели алеет звезда,
Точно снята с самой Спасской башни.
И во всем волшебство, и во всем красота,
Даже в этих снежинках бумажных.
Ровно полночь.
Мы смотрим с балкона салют,
Я у деда сижу на коленках...
А внизу все смеются, куда-то бегут,
Веселятся соседи за стенкой.
Только бабушка пальцем стучит нам в окно,
Приглашая к столу возвратиться.
И так много сегодня мне разрешено –
Даже вовремя спать не ложиться!

...Между мною и этой зимой тридцать лет,
Тридцать осеней,
тридцать грохочущих вёсен.
Ничего больше нет, никого больше нет,
Только воздух,
как прежде, морозен...

*** * ***

Падали каштановые пряди
Разом, точно цепи, мне на грудь.
И рука не смела убирать их,
И рука не смела их смахнуть.
Шёлк ложился тяжестью железной,
Ни вздохнуть, ни двинуться под ним.
Милый мой –
души моей наместник,
Бог и дьявол, бес и херувим –

Сколько было неподдельной власти,
У тебя над неподвижной мной!
Мёд пчелиный есть из львиной пасти
Может только истинный герой[1].
Но и на Самсона есть Далила –
Эта длань изменчивой судьбы.
Как теперь легко мне –
слышишь, милый!.. –
От шелков до рваной голытьбы!
Это счастье – тоже наказанье:
Не в меня, а сквозь меня пророс.
...Всё, что попрошу я на прощанье –
Прядь твоих остриженных волос.

*** * ***

А я не из ребра!..
Мой бледен лик – не розов.
Не жди, что я склонюсь,
в служеньи пред тобой.
Казалось бы, вчера
еще гремели грозы,
А нынче только сель
смывает все водой.
Не пощадит поток
ни дома, ни хибарки –
безжалостнее нет
обиженной воды.
Пускайся наутек,
зажав в зубах цигарку,
размоет вмиг твои
глубокие следы.
Природе вопреки
я быть хочу и смею:
гордыня, блуд и гнев –
я с радостью грешу!
Кормить меня с руки –
опасная затея,
Я загнанный зверек
и точно укушу.
Не злись, не умоляй,
не пробуй быть построже:
я – миленький с лица,
но гиблый человек.
А потому дерзай:
спасайся, если можешь,
и лавром увенчай
свой спринтерский забег.

[1]Отсылка к библейской истории, изложенной в Книге судеб – в пасти убитого Самсоном льва чудесным образом поселились пчелы и дали мед, который он рискнул попробовать, и мед этот оказался ароматным и вкусным.

АЛИ САФАРОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСПАНИЮ

Из цикла«Сафари Сафарова»

Трудно рассказывать об Испании, обойдя молчанием её историю.

Это неправильно и несправедливо хотя бы потому, что Испания и её меньшая сестра, Португалия, сыграли решающую роль в деле объединения людей в человечество. Без их свершений наш мир был бы ещё более разобщён и более враждебен.

Да, плодами этого процесса, названного глобализацией, воспользовались люди, говорящие на английском языке, но самую трудную, самую поэтичную и самую благородную часть этой работы выполнили жители Пиренейского полуострова.

Это они наладили регулярную связь с материком, расположенным в Западном полушарии, они принесли сюда дух и душу Европы, создавшие в трансформированном виде новый, самобытный мир. Недаром он зовётся Латинской Америкой. Здесь говорят на испанском и португальском языках, то есть на изменённой латыни, а наместником Бога на Земле считают человека, живущего в Риме. Как в «Затерянном мире» Конана Дойля, здесь живут канувшие в Лету существа: диктаторы, герои, мыслители, все – родом из Древнего Мира. Они переместились, во времени и пространстве, в самую отдалённую провинцию Вечного города – Рима, но их легко узнать. Юлий Цезарь, Муций Сцевола, Нерон, Калигула и другие римляне жили здесь ещё в XX веке. Некоторые продолжают жить и сейчас. Ни в каком другом уголке Земли это невозможно. А здесь есть. Язык Рима, превращённый в испанский, в Латинской Америке снова стал языком великой литературы. И всё это – величайшее дело испанцев, сумевших перенести за океан древнюю традицию, сформировавшую основу Европейского мира. В другом исполнении и в другое время партитура зазвучала иначе – ну и что? Так и должно быть. Теперь, если завтра по той или иной причине европейская цивилизация прекратит своё существование, эстафету Рима продолжит Латинская Америка.

Испанская экспедиция под руководством железного португальца Магеллана первой совершила кругосветное путешествие. Не будем забывать обо всём этом. Не позволим сверканию потребительского изобилия и относительной благоустроенности современного мира лишить нас исторической памяти. Вспомним о героях и тружениках предыдущего этапа глобализации. Историческая тема многоопасна для любого рассказчика. Самая очевидная из этих многих опасностей состоит в возможности сбиться на сухое изложение событий и связанных с ними имён. Другая ловушка – коварнее и губительнее. Есть соблазн перейти на популярный ныне, якобы свободный и лёгкий стиль изложения, предполагающий фамильярное обращение с памятью об ушедших в вечность – простых людях, мудрецах, героях.

Эта фальшивая лёгкость удручает больше тяжеловесности формального перечисления фактов. Выходит, будто ныне живущий борзописец знает что-то, что позволяет ему свысока посмеиваться над горестями и радостями тех, кто жил задолго от нас. Этот стиль особое распространение получил в интернете, и лично мне он глубоко не приятен. Такое снисходительно-ироничное отношение к жившим раньше нас – верный признак деградации культуры и нравственности. Будто вихлявый недоросль похлопывает по плечу состарившегося ветерана. Каждое подобное сочинение вызывает у меня горечь личного оскорбления и приступ мизантропии. Кто же мы такие, если допускаем подобное обращение со своими предшественниками?

И ещё множество опасностей поджидает отваживавшегося заглянуть в прошлое. Недостоверность источников, их противоречивость, соблазн простой трактовки сложных явлений. Поэтому надо стараться, по возможности, указывать источники информации, не утомляя читателя и вместе с тем предоставляя ему возможность самому делать выводы об их надёжности. Вообще описание жизни – задача трудная. Описание той жизни, что отдалена от рассказчика веками, трудна многократно. Без постоянной и решительной поддержки Свыше эта попытка обречена. И, конечно, надо любить и уважать старину.

Первые люди на Пиренейском полуострове появились в каменном веке. В те времена у них ещё была возможность выбирать самые лучшие места для заселения. Жили они в пещерах и только-только начали осознавать своё отличие от других животных, по инерции продолжая пытаться установить родство с «сильными мира того», мамонтами, быками и другими силачами. С этой целью расписывали стены своих жилищ изображениями хвостатых и рогатых «родственников». Начали расписывать примерно тридцать тысяч лет назад и продолжали на протяжении семнадцати тысяч лет. Потом перестали, но склонность к живописи навсегда стала отличительной чертой жителей полуострова. Пещерный музей изобразительных искусств находится на северо-западе нынешней Испании, в пещерах Альтамира, Ла Пасьега, Эль Кастилио и других.

Со временем пещеры стали тесны и неудобны, люди оставили их и начали заселять вольные просторы.

Но некоторые испанцы до сих пор живут в недрах скал. Я сам видел эти поселения по дороге из Аликанте в Гранаду. Правда, нынешние пещеры комфортабельны, туда проведено электричество, есть водопровод и канализация, входы закрыты дверями, перед которыми – аккуратные палисадники. И современные пещерные испанцы – отнюдь не бедные люди. Это изыск для богатых. Надо ли говорить, что в каждой пещере предусмотрен гараж.

Но это лишь любопытный казус. Города Испании – вот зрелище, которым нельзя пресытиться. Но о них потом.

Кажется, учёные достоверно не знают, как выглядели первые поселенцы в этом краю и на каком языке говорили. А когда учёные чего-то не знают, они придумывают для не известного им явления термин. Так поступали и их предшественники – жрецы, полагая, что знание имени даёт власть над его обладателем. Имя есть сущность, говорили в древности.

И вот людей, живших на Пиренейском полуострове до появления там греков и финикийцев, стали звать иберами. Ну, хорошо, иберы так иберы. Но потом пришли кельты, и иберы стали кельтиберами. И это бы ладно, но и после кельтов много кого привлекла эта земля. Люди приходили, воевали, нанизывали друг друга – на копья, мечи и другими способами, и шёл этногенез. Кстати отмечу, что русское слово «нанизывать» – очень удачный глагол для определения сущности процесса формирования наций. Дело не в скабрезном подтексте. Слово «низа» на тюркском обозначает «пика». Надевать на пику. Этимология этого слова, признанная официальной наукой, иная, но мне кажется, что просто на чужой корень нанизано слово, ставшее русским. Очень уж показательно, вот как это у нас происходило. Смешение корней и смыслов. Ну, и далее везде, видимо, было так же.

В начале эры после Рождества Христова на Пиренеи пришли визиготы или вестготы. То есть западные германцы. И установили свой «Новый порядок». Порядок у них в крови. Для завоёванных народов это было огромным бедствием, завоеватели так притесняли бедняг, что когда в 711 году из Африки на полуостров ворвались иноверцы – мусульмане, им потребовалось всего семь лет, чтобы захватить весь полуостров. Коренные жители переходили на сторону завоевателей – освободителей, и многие даже принимали ислам. Таким образом, маленький оплот христианства со-

хранился лишь на северо-западе. Вот оттуда-то и пошла реконкиста – обратное отвоевание захваченных арабами и берберами земель. И продолжалась она до 1492 года. Легко запомнить – год открытия Америки и год падения последнего эмирата на Пиренеях – Гранады. Таким образом, освободившись от африканского ига, Испания (а в тот момент это уже была Испания) тут же одела своё ярмо на шею народов вновь открытого континента. Реконкиста перешла в конкисту без промедления. Такая уж эта страна, ей суждено быть местом встречи Европы с другими цивилизациями. Вначале Африка, потом Америка. Есть ещё одно подобное место – Россия, стоящая на стыке Европы с Азией. Говорят, поскобли русского и обнаружится татарин. Испанца скоблить не надо, мавр и иудей и так за версту видны в нём. Ну, представьте, ревностные католики, приветствуют друг друга, а заодно и всех, кого встретят, возгласом «Ола».

Это редуцированное «О, Алла». Сколько в русских от татар, столько и в испанцах от мавров. В испанском языке несколько тысяч слов, заимствованных из арабского. Сколько в русском тюркизмов, наверное, не знает никто. Сходство доходит до деталей – осадив Гранаду, последний оплот ислама, испанцы построили для нужд осады город Санта-Фе. Святая вера.

Русские, осадив Казань, с той же целью построили Свияжск. Русская пехота в боях с татарской конницей обрела огромный воинский потенциал.

Испанская пехота, восемь веков противостоявшая арабской коннице, в Европе приобрела славу непобедимой, а впоследствии отрядами в несколько сот человек сокрушала армии в сотни тысяч воинов в Новом Свете. Только клинок, закалённый в благородной крови отважных мавров, мог сокрушить твердыни Теночтитлана и Куско. А если бы этого не произошло, если бы в Америке получил развитие «японский» вариант контакта цивилизаций, то есть торговля, поиск взаимной выгоды, ограничение взаимоотношений, мы бы сейчас имели страны, где государственной религией было бы поклонение дьяволу, а важнейшим элементом национальной кухни – человеческое мясо. Не верьте рассказам о какой-то особой жестокости конкистадоров, это выдумки. Конечно, они не были ангелами, да, они захватчики чужой земли, но вот перед нами итог – на территориях, завоёванных испанцами, в Новом Свете во множестве живут и здравствуют представители коренных народов. И это несмотря на эпидемии, которые, помимо своего желания, принесли испанцы. Ответ, кстати, был симметричным, как теперь говорят, – конкистадоры привезли в Европу не только золото, но и сифилис.

Да, убивали, но и любили, и родили детей. Любовь и ненависть – главные человеческие чувства. Но не холодное, бесчеловечное презрение к покорённым народам. Так действовали англичане и голландцы. А результатом их колонизации было тотальное истребление аборигенов. Таким образом, большинство народов, на земле которых англичане влачили тяжкое «бремя белого человека», навсегда исчезли. А посмотрите на бодрого президента Чавеса, на его коллегу Моралеса. Красавцы, но отнюдь не испанские красавцы. Нет, не было геноцида в Центральной и Южной Америке.

А был он в Америке Северной, где индейцев теперь не хватает даже для съёмок в кино, какие уж тут президенты. Этот факт наглядно опровергает выдумки о какой-то запредельной испанской жестокости. Конечно, завоевание испанцами Нового Света сопровождалось жестокостью. Но таких зверств и подлостей, которые чинили англичане и голландцы, не было и близко. При этом надо особо отметить роль католической церкви, верной заступницы завоёванных народов.

Не осознанно испанцы в чём-то повторяли колонизационное поведение захвативших их полуостров мусульман. На захваченных землях арабы и берберы стали строителями и садоводами.

Ну как тут не провести параллель с Россией!

Испанцы действовали жёстче, чем мавры, но ведь они немного вестготы. Правда о покорении Америки испанцами заключается в том, что это была попытка утверждения новой жизни, свободной от недостатков старой. Инициаторами этой попытки была чета католических монархов, Фердинанд и Изабелла Кастильская, импульс пошёл от них, а главным энтузиастом впоследствии стал Эрнан Кортес. Абсурдная идея о том, что, взяв в руки оружие, при поддержке горстки преданных героев, можно переделать мир, крепко засела в его красивой голове, украшенной лихо надетым беретом.

Интересно, эта безнадёжная попытка была повторена другим человеком, также говорившим на испанском, уже в XX веке.

Эрнесто Че Гевара тоже носил берет и не брил свою, редкую, как у Эрнана Кортеса, бороду. И мечтал построить новый мир.

Два болезненных мальчика, со слабыми лёгкими, рождённые в счастливых и благополучных семьях, два мужественных и прекрасных внешне воина, два несостоявшихся преобразователя этого лучшего из миров.

История повторилась, снова участие в завоевании Кубы, снова блестящий успех вначале, дружба с хозяином завоёванного острова, Веласкесом в XVI веке и Кастро в XX, конфликт с ним и военная кампания на материке. И развязка – более трагическая во втором варианте. Это к спорам о цикличности истории. Причина моей особой симпатии к Кортесу заключена не в его храбрости – мало ли было смелых мерзавцев, и даже не в его миссионерском старании. Хотя стоит, конечно, помнить, сколько человеческих душ спас этот идальго, избавив их от мерзости дьяволопоклонничества. Капитан Андреас де Тапия, рассказывая, как Кортес на глазах у изумлённых жрецов разнёс перепачканный человеческой кровью алтарь жестокого Тескатлипоки, который они с большой гордостью показывали испанцам, свидетельствует примерно такими словами: «Честью благородного человека клянусь, что маркиз обратился в сверхъестественное существо».

Ещё бы, не обратился, схватил дубину и разрушил алтарь со словами:

«За что, о Господи, разрешаешь этим несчастным служить мерзкому демону».

Но главное не в этом. Он не считал ацтеков врагами, видел в них лишь бедняг, нуждающихся в духовной помощи. Когда Кортес на старости лет впал в немилость и лишился власти, покорённые ацтеки по своей воле шли к нему за советом и справедливым судом. Это беспримерно, такого нигде не было, чтобы завоевателя чтили как своего старшего. И не кто-то, а люди гордые и отважные, прирождённые воины. Ну а он, как мог, защищал правых, осуждал виноватых, противился жестокой системе энкомьенды, построенной на угнетении индейцев. Этот человек привёз в Испанию малолетнюю дочь ацтекского царя Монтесумы и, окружив девочку заботой, сделал всё, чтобы она стала испанской аристократкой. Подобных примеров в истории, кажется, нет. Но точно так, как перед королём, Кортеса оболгали и перед историей. Оболгали не только его, оболгали и побеждённых им ацтеков, выставив их умственно отсталыми трусами. Принято считать, что ацтеки очень боялись лошадей и боевых собак. Лошадь – это олень без рогов, основной объект охоты в Мезоамерике, даже ребёнок, впервые увидевший это грациозное травоядное животное, не испугается. О страхе перед боевыми псами вообще смешно говорить. Они ягуаров приносили в жертву демонам, почитаемым вместо богов. Представьте, что значит скрутить и распластать на алтаре такую кошку.

Ацтекские воины не могли бояться ни лошадей, ни собак по той простой причине, что они не боялись вообще ничего на свете. А победили их испанцы благодаря Божьей помощи. Соотношение сил иногда было один к тысяче, ружья и пушки перезаряжались очень долго, а впоследствии вообще пришли в негодность и закончился порох. Но Бог, в которого верили испанцы, был сильнее демонов. Чтобы не признавать этого простого и очевидного факта, прибегают к лжи и клевете.

Вся история людей полна подобным.

После La noche triste, когда разбитые испанцы бежали из столицы ацтекского царства, Теночтитлана, их оставалось всего около двухсот человек. Практически все – раненые, измотанные, обессиленные. У них уже не было огнестрельного оружия, и у них оставалось восемь лошадей. Армия ацтеков, настигшая бегущих, состояла из нескольких сотен тысяч воинов, полных жажды мести, передовые её отряды были вооружены трофейным испанским оружием. То есть равное вооружение, тысячекратное численное и огромное психологическое превосходство догоняющих над преследуемыми – вот исходные условия сражения. И ни одной боевой собаки, заметьте. Испанцы наголову разбили ацтеков в том бою. Как? На их стороне сражался святой Яков, покровитель Испании. Рёв обречённых солдат, вставших кругом – «Сантьяго, закрой Испанию», перекрыл барабанный бой и завывание волынок. Святой услышал мольбу воинов. И вмешательство высшей силы подарило победу католикам. Если кому-то не нравится это объяснение, пусть приведёт другое. Только не надо передёргивать факты. Тысячекратное превосходство, равное вооружение, моральное превосходство ацтеков, заданное предыдущей победой. А победили испанцы.

Не надо врать, что бесстрашные воины боялись лошадей – на самом деле они смеялись над слабостью ног чужестранцев, вынужденных ездить на лошадях. И воспринимали конных испанцев, как калек. Католики победили не из-за страха ацтеков перед лошадьми, а потому, что распятый бог сильнее алчущих крови демонов. Такая, на первый взгляд, незначительная причина.

Между тем Испания, приняв, уж как получилось, традиции просвещённого ислама и иудейского любомудрия, продолжила свой действительно тяжкий имперский путь.

Эта страна стала поставщиком драгоценных металлов в Европу, что, хоть и содействовало инфляции, всё же оживило экономическую жизнь. В 1471 году испанский флот разбил турецкий, превосходство на Средиземном море перешло к христианам. Но, кажется, на этом основная часть исторической задачи страны была выполнена. Стоит запомнить ещё одну дату: 1588 год. Поход испанского флота под руководством бездарного и высокомерного герцога Медина-Сидонии на Англию. Эту трагедию принято называть походом Непобедимой армады. Опять ложь, богобоязненные испанцы никогда бы не назвали так свой флот. «Нет победителя, кроме Аллаха», – сказал печальный эмир после того, как помог католикам захватить мусульманскую Севилью. Он предал единоверцев потому, что в противном случае предал бы союзников. Высказанная эмиром истина, общая для всех религий, неоспорима для испанцев. Непобедим один только Создатель.

«Непобедимой армадой» испанский флот издевательски назвали английские памфлетисты, и с тех пор эта насмешливая кличка приклеилась навсегда. Во всяком случае, такой уважаемый и достоверный источник, как Робер Стенюи, бельгийский археолог, указывает на это в своей книге «Сокровища Непобедимой армады».

Поход был вынужденной мерой, английские пираты, используя преимущество в артиллерии, беспощадно грабили испанские суда, возвращавшиеся после трудного перехода из Нового Света.

Даже совершали набеги на портовые города. Хитрая Елизавета беспомощно разводила руками: «Ну что можно сделать с этим ужасным Дрейком?»

Между тем заокеанское золото и серебро оседали в королевских хранилищах. Англия богатела на морском грабеже, как никто ещё не богател до этого в мире.

Но испанский флот, направленный с целью пресечь разбой, погубил шторм. Шторм и беспомощность Медина-Сидонии. Поистине бездарность начальников – верный признак упадка любой империи. А вообще, в мистическом плане вся эта история здорово напоминает историю похода монголов на Японию, когда Камикадзе, божественный ветер, помешал вторжению на острова.

Но так или иначе, именно эту дату, 1588 год, мы можем считать началом глобализации по-английски.

Испания начала терять свою ведущую роль, постепенно превращаясь во второстепенное государство. Золото и серебро разошлись по всей Европе, но основной его частью завладела Англия. Правда, кое-что оставалось.

К XX веку политическое влияние в мире Испании было невелико, а её золотой запас всё же был четвёртым в мире по величине. После Англии, Америки и Франции. Богатство без силы невозможно, и вот какая фантастическая, по символичности, история произошла с этим золотом.

Прежде чем коротко её рассказать, напомню, что до того, как стать испанским, золото принадлежало людоедам. Мясо принесённых в жертву детей было дежурным блюдом на столе Монтесумы, предводителя ацтеков. Также они ели всех воинов, взятых в плен.

Каннибализм инков не доказан, если он и был, то, как теперь бы сказали, мягким. Людей ели не каждый день, а по праздникам. Благородный Инка Гарсиласо де Ля Вега в своих трудах вообще отрицает каннибализм у инков, но здесь он, возможно, из патриотических соображений, слегка искажает. Сын испанца и инкской принцессы, он действительно был очень достойным, но и наивным человеком. Уже в те времена это было частым сочетанием. Достоверно известно о человеческих жертвоприношениях у инков. Иногда верховный инка, чтобы поощрить родителей приносимых в жертву детей, доверял им самим совершить обряд. После этого награждал.

У других племён конкистадоры видели и освобождали пленных женщин, которых содержали в клетках с тем, чтобы они родили детей, предназначенных в пищу. Причём покрывали этих несчастных сами их хозяева. Фактически ели своих же детей.

Замечу, что освободителей от этого ужасного культа ославили как людей жестоких и алчных. Сделали это жрецы языческой Клио, выдающие себя за историков. Прости им, Господи!

Испанцы принесли народам Нового Света избавление от сатанинских вероучений, причём произошло это в невообразимо короткий срок, особенно воодушевлённо крестились дети, души, не испорченные ещё дьяволопоклонничеством, жадно тянулись к свету. И здесь надо указать на ещё одно чудо конкисты – ту быстроту, с которой испанские священнослужители освоили языки завоёванных народов. Преподобный фрай Диего де Ланда, оболганный лжеисториками-жрецами, просветитель и защитник народа майя, уже через несколько месяцев после прибытия на Юкатан вёл свои проповеди. А рассказывать о Благой вести, о любви Христа к людям, о Рае и Аде, это ведь не в ресторане обед заказать, тут требуется свободное и точное владение языком, одно неверно произнесённое слово может вызвать эффект отторжения. Но отважный босоногий францисканец в одиночестве ходил из одного города в другой, спасая души язычников вдохновенными проповедями. В истории его образ запечатлён в качестве примера жестокого мракобесия. Всем, кто желает сам разобраться, кем же на самом деле был этот великий человек, настоятельно рекомендую прочитать книгу Ершовой «Фрай Диего де Ланда».

Автор этой книги, Галина Гавриловна Ершова, – настоящий специалист-историк, ученица гениального Кнорозова, расшифровавшего письменность Майя. Интересен факт внешнего сходства испанского монаха и русского учёного. На него указывает Ершова в своей книге. Я посмотрел в интернете и поразился. Если сходство Кортеса и Че можно оспаривать, можно сказать, что я его преувеличил, желая найти общее в образах почитаемых мной людей, то здесь уже не поспоришь.

Правда, на сохранившемся портрете Диего де Ланда изображён с опущенными глазами, в то время как Кнорозов смотрит с фотографии прямо на вас своим тяжёлым, я бы сказал, устрашающим взглядом беспрерывно мыслящего человека. Но если францисканский монах поднимет глаза, то мы встретим точно тот же взгляд.

Однако неоспоримым историческим фактом является и то, что пришельцы из-за океана не только принесли спасительную веру, но и отняли и увезли золото. К XX веку все уже считали его безусловно испанским. Но сам металл как будто помнил о своей первоначальной принадлежности. И случилось так, что отнятое у людоедов Монтесумы и Атауальпы золото вновь вернулось к людоеду.

Нет, конечно, Сталин не ел человеческого мяса, упаси боже. Но по жестокости, даже не жестокости, а непониманию этических норм, с таким страданием выработанных всеми людьми за тысячи лет, он нисколько не уступал Монтесуме. Иные гастрономические пристрастия, а мораль та же.

И вот Сталин стал обладателем всех пятисот десяти тонн золота людоедов, считавшегося на тот момент испанским.

Когда в 1936 году возникла опасность захвата золотого запаса мятежниками-франкистами, глава республиканского правительства Кабальеро принял решение отправить его в СССР.

Как вообще можно совать нос в политику, будучи обременённым такой говорящей фамилией!

Он даже не мог оценить коварство отца народов.

Конечно же, после того, как золото оказалось в одесском порту, республиканцы были обречены. Как и те наши, что помогали защищать республику. Сталин не любил что-либо возвращать хозяевам, а уж тем более золото. Идеальный вариант невозвращения – когда возвращать некому.

А тех наших, кто воевал в Испании с фашистами, Сталин впоследствии расстрелял. На всякий случай. Ничего удивительного, ведь прежние обладатели этого золота даже своих детей ели. Не стоит удивляться подвигам нового хозяина.

Удивление вызывает тот факт, что все четыре судна с грузом золота благополучно миновали Средиземное море, в котором подводный флот фашистской Италии полностью контролировал ситуацию, а скрыть такую громоздкую операцию, как перевоз пятисот тонн золота, было, конечно же, невозможно. Может быть, Гитлер, понимая важность победы фашистов в Испании, просто приказал Муссолини пропустить золото. Ведь после этого невмешательство и даже скрытая помощь Сталина была ему обеспечена. Так золото людоедов вернулось по адресу. Есть ещё одно странное совпадение – новый хозяин испанского золота родом был из Грузии, в другом варианте это место называлось Иверией, ну, а мы помним, что иберами назван народ, в старые времена населявший Пиренейский полуостров. «Б» и «В» – схожие звуки, в испанском они вообще объединены в некий средний по звучанию. Так что вождь и учитель в известном смысле был ибером.

И Берия тоже. Несколько неуклюжая игра слов, но факт налицо. Иосиф Виссарионович и Лаврентий Павлович, оба из Иверии, превратили «орро», в «окро». На испанском золото – «el orro», а в грузинском оно звучит как «окро».

Над этими совпадениями можно было бы просто посмеяться, если бы не ещё одно, действительно ужасное обстоятельство.

Решив потеснить евреев в Биробиджан, Сталин инициировал дело о «Врачах-вредителях». Факт известный. Но мало кто знает о том, что, отыскивая формальные поводы для высылки евреев из Испании в 1492 году, Торквемада также организовал дело о «Врачах-вредителях», якобы приготовивших яд из сердца замученного ими христианского мальчика. Бдительная и доблестная инквизиция схватила «негодяев» врачей в тот момент, когда они уже готовы были уничтожить колдовским снадобьем испанских христиан. Кажется, всех сразу.

Такие вот исторические параллели.

Но вернёмся в недавнее прошлое. Победив, с помощью Гитлера и Муссолини республиканцев, мятежник Франко пришёл к власти, после его смерти была восстановлена монархия.

И бывшая Великая Испания стала заурядной, но счастливой и благополучной страной. О мимолётной с ней встрече я и хочу рассказать.

Вначале – просто перечень городов, которые мы посетили за семь дней пребывания в стране: Барселона, Валенсия, Аликанте, Гранада, Севилья, Кордова, Мадрид, Толедо, Сарагоса.

Теперь прочтите этот перечень ещё раз, как стихи, и вслух. Перечень, как поэтический жанр, впервые был использован, кажется, Гомером. В самом начале «Илиады» он перечисляет корабли, прибывшие к стенам Трои.

Для меня звучание имён этих городов, до посещения их, было обещанием. Теперь их звучание стало музыкой.

Утром тринадцатого ноября мы прилетели в Барселону. Быстро разместились в отеле, по устройству своему похожем на тюрьму-колодец, внутри его округлых стен в шесть ярусов-этажей – одинаковые номера, выходящие на соединяющую их и опоясывающую каждый этаж веранду. Такой вид имеет тюрьма в американском кино. Но номера довольно просторные для трёх звёзд, и в них уютно.

Наспех позавтракав, мы с женой поспешили в город. Встреча с ним была довольно странной. Как только мы вышли из отеля, к тротуару подкатила машина, и сидевший справа от водителя человек поздоровался и подозвал нас.

Был он араб, а из опыта пребывания в Иордании я знаю, арабы порой просто так осведомляются у приезжих, не нужно ли им помочь. Арабское гостеприимство – реально существующая вещь. Но существует она в Иордании.

Я подошёл к машине и сказал, что не говорю по-испански. Араб представился полицейским и перешёл на английский. На условно английский. Он потребовал наши документы и сказал, что у нас есть фальшивые деньги и наркотики. Возможно, он хотел об этом только спросить, интонация была вопрошающей, но он не знал, как правильно построить вопросительное предложение на английском. Или это такой приём, чтобы сбить с толку. Признаюсь, я так опешил, что стал уверять его в нашей добропорядочности. Даже показал ему свои евро, и вот по тому, как его рука потянулась к моим деньгам, я кое о чём догадался. И потребовал показать удостоверение. Он охотно выполнил моё требование и, в свою очередь, потребовал сумочку жены.

– У меня там ничего нет, – сказала мне жена и протянула ему сумку. И ошиблась.

Араб стал доставать всякую дребедень из её сумки и тщательно обнюхивать, повторяя:

– Контрол, контрол.

Тут нам окончательно стало ясно, с кем на самом деле мы имеем дело. Я взялся за сумку и потянул из рук араба. В этот момент из её недр на свет божий вдруг выплыл банкнот в двадцать евро. Масленые глазёнки загорелись, он схватил банкнот, а я схватил его за руку.

– Донт вори, – сказал араб и обнюхал банкнот.

Жена пришла мне на помощь, вдвоём мы вырвали и сумку, и деньги у «полицейского». Его напарник, сидевший за рулём, повторял, как мантру:

– Донт вори, хи из э официр.

Официр, поняв, что упустил добычу, потянул из окна машины руку к брючному карману моей жены.

– Вот из ит?

Конечно же, нужно было его ударить, но я не решился. Сказался комплекс «русо туристо». Попросту – струсил. Стукнуть-то я его стукнул, но не по наглой чёрной морде, а по руке. И, перейдя от гнева на русский, спросил:

– Ты что делаешь?

При этом очки упали с моего носа в машину, я потянулся за ними, а он шарахнулся трусливо в сторону, видно, думал, что буду его душить. Офицер.

От бешенства я вдруг забыл все слова, в том числе и на родном русском языке, а сметённое моё сознание, воспринимая язык моих предков как спасительный иностранный, услужливо предлагало самый отборный мат на азербайджанском, но я, к сожалению, не воспользовался этим пышным набором. А зря. В подобной ситуации очень помогает. Да и потом было бы что вспомнить.

– Я вернусь, – араб процитировал Шварценеггера с ещё более ужасным выговором, чем в оригинале, и его водитель нажал на газ. Последними моими словами, обращёнными к нему, были:

– Стой, ты куда? – на русском языке. Я посмотрел на номер машины, но от волнения не запомнил.

Да, забыл сказать, что буквально за секунду до встречи с мерзавцами я остановился и сказал жене:

– Посмотри, в какое чудесное место мы приехали!

Вышло, как в кинокомедии, вот только за моей восторженной фразой перестрелки не последовало.

Однако я не ошибся. Место, правда, чудесное. Представьте, по прошествии очень небольшого времени мы и думать забыли о неприятном инциденте, впечатления захлестнули нас. Дело не только в красоте этого города. Дело ещё и в туристическом восприятии жизни. Оно как в детстве, фотографическое, мгновенное. В нём нет удручающего ощущения цикла, оно статичное и яркое. Но здесь контраст. Мгновенность первого ощущения и мощная стабильность вечной красоты, искусно выраженной архитекторами и строителями. Не знаю, насколько удобно жить в этих домах с вознесёнными к небу куполами, украшенными скульптурами, с небольшими балкончиками, в железных кружевах искусной ковки, но любоваться на них – одно удовольствие. Удовольствие и подготовка. Подготовка к встрече с домом, построенным Гауди. Такое уже снилось в детских снах после прочитанной на ночь волшебной сказки. Давно это было, уже забылось, ну, а теперь вот предстало наяву. Хотя, может, и не снилось, просто хочется думать, что снилось. Дом из волшебного сна ребёнка. Ничего особенного. Правда, говорят, подобного нет больше нигде.

Барселона – столица Каталонии. И люди, живущие здесь, считают себя не испанцами, а каталонцами. У них свой, каталанский язык. Всё каталонское, а язык каталанский. Русская женщина, летевшая с нами из Москвы, звали её Ольга, рассказала, что каталонцы – страшные националисты, при приёме на работу знание каталанского обязательно, хоть грузчиком, и то не возьмут, если не знаешь. Правда, недавно, при генерале Франко, они все были испанцами, а теперь перестали быть. Считают испанцев диким, не европейским народом, говорят, Европа заканчивается за границей Каталонии. Внешне они неотличимы от испанцев. Невысокие, с крупными и неправильными, на наш взгляд, чертами лица. Та же сдержанная, полная достоинства манера поведения, правда, чередующаяся с проявлениями искренней, не скрываемой радости при встрече с близкими, даже на улице. Никакого отличия и в облике городов – ну, за исключением творений Гауди.

Но испанцев не любят, и многие мечтают отсоединиться, создать своё государство. Вам это ничего не напоминает? А мне напоминает, ведь ещё недавно существовала «Новая общность людей, советский народ». Сейчас и вспомнить смешно. Как-то так устроено, что, когда у власти генералиссимусы или хотя бы генералы, пламенные патриоты своих народов тихо чадят, но не пылают. Я вот не знаю, что хуже – генералы или самовоспламеняющиеся патриоты.

Много ещё чего интересного и полезного рассказала нам наша общительная попутчица, при этом, кажется, ожидая, что мы каким-то образом можем попросить её о некой помощи в незнакомом месте. В конце пути даже не выдержала и сама предложила:

– Если вдруг вам…

Я прервал её, прекрасно понимая, что не следует злоупотреблять благородными человеческими порывами. Слава Богу, что хочет помочь, но пользоваться этим не стоит. Когда прощались, Ольга нас расцеловала и пожелала удачи. Странные люди, эти испанцы.

Погуляв по Барселоне, мы вернулись в гостиницу, поужинали и отправились снова в город. Напомню, что начинались уже вторые сутки практически без сна, и ещё был четырёхчасовой перелёт. И вновь мы бродили по Барселоне, теперь уже по ночной, хмельные от усталости и обилия впечатлений. Я сказал жене, что любовь всегда можно распознать по предчувствию тоски расставания. Этот привкус горечи, как в изысканном напитке, отличающий его от дешевого сиропа. Нет разницы, к женщине или к земле, но если это чувствуешь заранее, вместе с радостью первой встречи, значит, полюбил. Это не зависит от тебя. Наоборот.

И предчувствие будущей тоски по Испании, сразу в первый день приезда в неё, было очень явным. Не удержусь, чтобы не сообщить: Предчувствие не обмануло.

Вечером, даже поздним, ближе к полуночи, людей на улице больше, чем днём. Поражает количество пожилых пар. Пожилых всерьёз, за семьдесят. Часто жена помогает мужу идти, мужчины стареют быстрее, да и женятся, как правило, на более молодых. Испанские старики отличаются от наших – на их морщинистых лицах нет выражения привычного страдания и растерянного удивления, которое мы, по застарелому заблуждению, уже считаем неизбежным атрибутом старости. И одеваются они совсем не так, как наши старики – они не донашивают купленные двадцать лет назад вещи. Сдержанная элегантность – вот как бы я назвал этот стиль.

Гуляя, мы удалились от главной улицы, и в одном из тихих переулков увидели кафе. Оно было расположено в полуподвальном помещении, точнее сказать, его окна не возвышались над тротуаром, а были как раз вровень с ним, а пол располагался на полметра ниже. Это придавало освещённому помещению сходство со стоящим в углублении аквариумом. Я подошёл и заглянул в окно.

Ярко освещенное пространство сверкало блеском линз очков, белоснежных зубов, бесстрашно выставленных напоказ в открытых улыбках, и лысин кабальерос. Суммарный возраст посетителей, в этот поздний час весело проводивших время за бокалом с вином, возвращал к временам знаменитых расписных пещер. Зрелище столь неожиданное, что мы немного постояли у этого окна. Старики говорили, кажется, все одновременно, воодушевленно и радостно. Может, они спорили о политике, может, о футболе, сопоставляя подробности только что прошедшего чемпионата мира с тем, что был в пятидесятом году прошлого века. А может, речь шла и о капризах моды, ведь дамы так же живо принимали участие в общем разговоре.

Немало подивившись такому зрелищу, мы хотели даже зайти внутрь, но не решились. И возраст ещё не тот, да не хотелось чувствовать себя чужаками.

А на утро следующего дня мы вместе со всей нашей группой сели в новенький комфортабельный автобус, и наше странствие по Испании началось.

Началось оно с просмотра тех улиц, что мы уже посетили накануне. Но теперь всё скомкано, из окна автобуса. В качестве повтора ещё куда ни шло, а вот если один раз увидеть так, конечно, ничего не разберёшь. Потом наш автобус поднялся в гору, с высоты которой открывался вид на город. На склоне этой горы раскинулся парк, гармонично принявший в свой ландшафт шедевры Гауди – архитектурный ансамбль с колоннадой и волшебные дома. При описании Испании меня затрудняет необходимость использования пышных прилагательных, стертых от частого употребления и утративших яркость и выразительность. Чтобы избежать напыщенности и не утомлять читателя употреблением штампов, я лучше составлю список семи самых необходимых при описании этой страны прилагательных. А читатель уже сам пусть использует их, там, где найдёт нужным. Итак, это:

1. Прекрасный.
2. Восхитительный.
3. Сказочный.
4. Поэтический.
5. Несравненный.
6. Незабвенный.
7. Превосходный.

Используйте их как угодно щедро, не ограничивая себя. И простите, если и я сам, по невниманию или от избытка чувств, тоже воспользуюсь словечком из уже отданного в подарок списка.

В завершение экскурсии по Барселоне мы посетили собор Святого Семейства, строящийся по проекту того же Гауди. Начали стройку в тридцатых годах прошлого столетия, и конца ей не видно. Здание современное, в смысле по времени его постройки, а на самом деле это будто и не здание вовсе, а огромный архитектурный символ волшебной сущности Средневековья. Говорить о нём более детально бесполезно, это только запутает.

Из Барселоны мы выехали в Валенсию. Теперь самое время расшифровать это «мы». Мы – это прежде всего наш гид, он из России и, возможно, русский, но хочет, чтобы звали его Алекс. И ещё шестьдесят два туриста. Большинство, процентов семьдесят, а то и восемьдесят, составляют женщины. Только одна из наших спутниц была, наверное, старше нас, остальные люди между сорока и пятьюдесятью годами, но были и молодые люди и даже дети.

Поскольку это была первая наша поездка в качестве организованных туристов, нам не с чем сравнивать, оценивая всё происходящее. Однако, судя по отзывам спутников, Алекс вёл поездку на высоком профессиональном уровне, что, впрочем, и не вызывало сомнений. Кроме необходимого минимума профессиональных качеств, он обладает и даром слова, то есть может, когда это надо, заставить слушать себя с вниманием, причём и тех, кто не очень-то заинтересован в близком знакомстве со страной. Кроме того, он умеет рассмешить аудиторию, туристы дружно смеются, когда он шутит. Должен сказать, это у него получается куда тоньше и искуснее, чем у артистов говорящей эстрады. В итоге главная коммерческая цель организаторов тура – заставить туристов ещё раз приехать в страну, которую им показывают, с проворностью шулера, мгновенно разворачивающего и сворачивающего колоду карт, была полностью достигнута. По обрывкам чужих разговоров в конце путешествия можно было судить, что многие уже строят планы своего следующего посещения Испании. Главным недостатком организации тура было, конечно, количество его участников. В норме, как нам сказали более опытные люди, должно быть двадцать пять человек. А тут превышение ровно в два с половиной раза. И то, что никаких существенных инцидентов в поездке не произошло, и всё было максимально информативно и эмоционально насыщенно, – добавочное свидетельство профессионализма Алекса. Ну, и удача, конечно, без неё профессионализм не поможет.

Кажется, все, за исключением нас, уже ездили неоднократно в подобные туры по Европе. Зато в Азии, насколько можно судить, наши спутники бывали мало, разве что в Турции. Несколько человек, в том числе и две супружеские пары, были из Америки, но родным их языком был русский. У меня эти люди вызвали лёгкое раздражение своим американским апломбом, навязчивой манерой походя, как бы невзначай, сообщать количество лошадиных сил своих автомобилей и квадратных метров своих бассейнов. Но обобщать нельзя никогда, и двое ещё относительно молодых супругов из Америки являли собой пример благого влияния американского духа и американской культуры на одесский субстрат. Весёлые, дружелюбные, они, конечно, тоже говорили о лошадиных силах, квадратных метрах и любимом пляже во Флориде, но в их случае это не вызывало у меня злой иронии. Ну, хотят люди рассказать всему миру

о своих достижениях, что в этом, в конце концов, плохого. Разве не то же желание заставляет меня печатать этот текст. Разница только в том, что я хочу рассказать об увиденном и понятом, а они – о купленном. Но ведь это уже мелочные различия. И вообще, богатые, то есть социально опасные люди, не ездят в автобусные туры, так что легко простить этим не богатым их желание прихвастнуть. А в остальном странствующее сообщество составляли люди приятные, деликатные и интеллигентные. За исключением нескольких немолодых москвичек, приходивших просто в какой-то сервильный восторг от общения с американскими гражданами. Зато их нетактичность и дурной тон уравновешивала группа туристок из Армении. Рождённые и воспитанные ещё в коммунистические времена, они старались, насколько это возможно, продемонстрировать все «лучшие качества советского человека». И это у них получалось. Будто из прошлого люди. Естественно, через пару дней образовались «группы по интересам», в нашу, кажется, самую малочисленную, кроме нас с женой, вошли три женщины из Ленинграда. Две из них – инженеры, а третья, по иронии судьбы, была музейным смотрителем. Стоило мне только недавно написать панегирик представителям этой профессии, и на тебе, судьба свела поближе познакомиться. Было ещё несколько человек, не вошедших во фракции, из них запомнились больше других немолодой, уже за пятьдесят, мужчина с красивой молодой спутницей. Они держались особняком.

В основе обмена впечатлениями, конечно, лежит обмен сравнениями.

«А вот в Италии», «Нет, в Брюгге, конечно, всё по другому». И это никакого отношения не имеет к хвастовству лошадиными силами и квадратными метрами. Люди действительно живут и работают для того, чтобы иметь возможность ездить и видеть мир. Такое новое кочевничество.

Давно, когда я работал рабочим в геологическом отряде, однажды меня поразило понимание собственной принадлежности к кочующей сообщности, живущей в переносных жилищах (палатка) и кормящихся за счёт собирательства (сбора образцов породы и воды).То, что мы не ели собранное, а получали за него зарплату, в сущности ничего не меняет.

Мы кочевали по землям, жители которых зачастую были враждебно настроены к нам, но при этом пытались покрывать наших женщин. Наиболее предприимчивые из нашей среды тоже искали сексуальных контактов с местными женщинами. Жадно наблюдал я тогда за всем происходящим внутри коллектива, будто подглядывал за жизнью далёких предков, причём в любой мелочи было открытие. Установление неформальной иерархии, создание микрокультов, всё это так интересно, хотя старо, как мир. Тогда эти наблюдения, по аналогии, помогли мне понять многоукладность советского общества и, как следствие, близкий его крах.

И вот теперь снова я среди кочующей группы людей, но на этот раз, мне кажется, представилась возможность заглянуть не в прошлое, а в будущее.

Возможно, скоро, когда наука и техника шагнут далеко вперёд, а людей на нашей планете останется мало, они будут именно так жить, переезжая с места на место, стремясь вместить во время одной жизни впечатления многих. Откуда уверенность, что людей будет немного?

Иначе не получится, число представителей нашего вида жёстко лимитируется необходимостью поддержания максимально возможного темпа научно-технического прогресса. Ещё двадцать лет назад была потребность в наиболее плотном заселении всей поверхности нашей планеты. Оленевод в тундре и бедуин в пустыне самим фактом своего существования способствовали прогрессу. Но теперь с развитием средств передачи информации, транспорта, вахтового метода разработки природных ископаемых и грядущей нано-технологической революции они оказались не у дел. Сказки про «Золотой миллиард» остались в далёких шестидесятых годах прошлого столетия. Миллиард – теперь это слишком большая цифра.

В «точке роста» нашей цивилизации находится уже не миллиард, а всего несколько миллионов людей. Требования к ним очень жёсткие, теперь надо быть не только профессионалом, но и легко обучаемым, на протяжении всей жизни, профессионалом. Темпы развития предполагают смену навыка каждые несколько лет. Прибавьте к числу избранных их обслугу, выйдет максимум сто миллионов. Остальные становятся не нужны.

Посмотрите, как стремительно растёт список устаревших профессий. И это только начало, изменение технологий подразумевает сокращение количества занятых в технологических процессах. Я не знаю, каким образом произойдёт этот процесс, что выберет эволюция в качестве инструмента – войны, эпидемии, наркоманию или какие-то новые разработки, но неизбежность сокращения количества людей на планете очевидна. Рано или поздно попытки создания рая на Земле завершатся успехом, но рай не может быть большим. Первоначально он предназначался для двоих. Ну, а расширенный вариант, сколько он может вместить? Тоже не очень много. Вечная жизнь вряд ли возможна по многим причинам, а поэтому всегда будет желание вместить в отпущенный срок максимально много. Ну, а лучший способ для этого – кочевой образ жизни. Вроде того, что мы вели в Испании. Конечно же, избранные монады будущего не будут тесниться по трёхзвёздным отелям, к их услугам будет жильё самого высокого качества, исчезнут и языковые барьеры, все будут свободно говорить на нескольких, оставшихся в обиходе языках. Уж эта-то тенденция очевидна. И снова, как тридцать лет назад, у меня захватывает дух от возможности выглянуть за пределы своего времени. Только теперь взгляд обращён не назад, а вперёд.

Таковы были мои мысли во время путешествия по Испании, и не избежать бы мне славы изобретателя велосипеда, если бы не было заведено мной обычая обсуждать свои заметки с моим учёным другом Аркадием Николаевичем. Он-то и предупредил меня, что идея о возникновения «нового кочевничества» принадлежит Жаку Аттали, человеку известному и влиятельному. Конечно, я тут же ознакомился с этим материалом в интернете. Должен сказать, тяжёлое у меня осталось после этого чувство. Почему? Прочтите, узнаете, если кто не читал. Сам же я с Аттали не согласен ни в чём, кроме идеи о новом кочевничестве.

Но не только, и даже не столько от принадлежности к истоку новой формации захватывает дух у туриста в Испании. Ведь мы едем в Валенсию, город, про который Родриго Диас из Бивара, прозванный Воителем, сказал, как только ворвался в крепостные ворота: «Какой красивый город, я буду им управлять!»

Но никаких достопримечательностей, связанных с памятью о Сиде Компеадоре, мы не увидели. Кстати, Сидом Родриго Диас стал зваться благодаря арабам, звавшим его сеидом, ну а христиане прозвали Сидом Компеадором. Лично у меня Родриго Диас Компеадор особых симпатий не вызывает. В истории он остался как один из идеальных рыцарей средневековья, хотя за ним числились дела весьма сомнительного свойства. Например, в залог своего займа на военные расходы он оставил три сундука с золотом. Еврейские финансисты, снабдившие его деньгами и всем необходимым, были настолько уверены в честности рыцаря, что даже не заглянули в эти сундуки. А напрасно, ведь сундуки были с песком. Герой-то он, конечно, герой, но ведь и мошенник изрядный.

Первое впечатление от Валенсии может вполне послужить подтверждением моих слов о том, что туризм дарит возможность заглянуть в будущее. Это Город Искусств и Наук, творение архитектора Сантьяго Калатравы. Лёгкие, геометрические строения из покрашенного в белый цвет металла, расположенные над бассейнами с тёмно-голубой водой, особенно ладно смотрятся на фоне тёмно-голубого неба, расчерченного стремительными узорами белых линий реверсивных следов самолётов. Небо – набросок архитектурного проекта. Прозрачные, невесомые перистые облака и парящие высоко над землёй чайки кажутся частью общего архитектурного замысла

великого архитектора.

«Что наверху, то и внизу», – так говорил Гермес Трисмигистр.

Калатрава – не первый строитель, вдохновлённый идеей отражения небесного мира на земле. Египтяне строили свои пирамиды, исходя из астрономических наблюдений. Ещё дальше пошли в этом направлении строители пирамид и городов на американском континенте. Но формальное следование вычислениям древних астрономов отнюдь не придавало «небесности» творениям их современников – строителей. Попытка воспроизведения горнего мира на земле заканчивалась противоположным результатом. Пирамиды, нацеленные в небо, тяжелы и приземисты. Впервые воспроизвести проекцию небесного на земном удалось, кажется, создателям Тадж-Махала. И вот ещё одна удача – творение Калатравы. Нет, конечно, стиль, материал, всё разное, в этих подробностях ничего общего, но и там, и тут кажется, что картинка прямо сейчас у тебя на глазах взмоет в небо, где, честно говоря, и есть ей самое подобающее место.

Взметнувшаяся над гладью голубой воды бассейна фантастическая белая парабола, с натянутыми канатами, как неведомый струнный инструмент. Их неслышимое, но мощное звучание довершает гармонию зрелища.

Все эти постройки расположены в высохшем русле реки, отведённой людьми за пределы города. В прошлом её разливы разрушали мосты и прибрежные дома.

Это лишь общее впечатление. Кратковременность встречи делает невозможным детальное описание увиденного.

Возможно, Калатрава и не является создателем принципиально новой архитектуры, но, бесспорно, он высвобождает фантазию для её создания.

И совсем уже фантасмагорическая деталь – в бассейне перед сферическим концертным залом, на маленьком каменистом островке – большая статуя диплодока, вытягивающего длинную свою шею с маленькой головкой над голубой водой.

Кажется, динозавры начинают преследовать меня. На всякий случай я сфотографировался на фоне этой статуи. Фотография получилась, диплодок не померещился мне.

Наспех и очень поверхностно осмотрев Город Искусств и Наук, мы отправились смотреть историческую часть города.

В Валенсии мы первый раз оказались в действующем католическом храме.

Последовавшая за этим череда величественных храмов несколько заслонила то, первое впечатление. Почему-то запомнилось, что свечи в храме электрические. Бросаешь монетку в прорезь, и загорается лампочка перед выбранной тобой иконой.

Возможно, мои предыдущие высказывания о роли католической церкви в завоевании Нового Света, о спасении ею заблудших душ могут заставить подозревать меня в особых симпатиях к католицизму.

Это не так. Сама идея о том, что в Ватикане сидит наместник Господа на земле, кажется мне языческой, даже противоестественной.

Суть дела, однако, в том, что католицизм учит человека ощущать себя созданием Творца, любящего своё произведение. Не один только католицизм утверждает это, но и католицизм в том числе. Последователи подобных вероучений выглядят куда привлекательней тех, кто поклоняется тёмным и деструктивным силам.

Но вот монетка, просунутая в прорезь автомата в церкви, кажется, благодаря какой-то коварной уловке, попадает совсем не в ту копилку, в которую её адресует жертвователь. Дьявол, как известно, в мелочах.

Мы выехали из Валенсии в Аликанте, где нас ожидал очень уютный номер с видом на море. Полностью оценить очарование этого места представилось лишь при расставании с ним, когда поднявшееся над Средиземным морем солнце осветило наш балкон. Только нежелание задерживать группу заставило нас покинуть удобные кресла, сидя в которых мы встретили этот рассвет. Впереди нас ждала Гранада.

Но оказалось, что не только Гранада, но и путь до неё – захватывающе интересен. Именно здесь мы увидели те комфортабельные пещеры для богатых, о которых я уже говорил, да и по всему пути глаз невозможно было оторвать от вида за окном автобуса. Надо сказать, что почти всё время в пути наш гид рассказывал об Испании и испанцах много интересного. В частности, историю с испанским золотом я впервые узнал от него, а уж потом с помощью интернета и своей библиотеки составил более полную картину.

Уже в час дня мы приехали в Гранаду. Предвкушение от встречи настолько переполняло меня, что перед тем, как идти в сады Хенералифе, я подготовил себя несколькими глотками доброго вина. Сознаюсь, я волновался.

Оказалось, что напрасно, ибо ожидания мои были превзойдены.

Я не стану описывать сады Хенералифе и Альхамбру по многим причинам.

Первая и главная, потому что не смогу этого сделать. Не такие пытались, и, свидетельствую, безрезультатно. Есть только одна строка, принадлежащая поэту, имя которого я не запомнил. В ней сказано, что участь слепца печальна везде, но печальнее всего она в Гранаде. Точнее и образнее уже не скажешь.

Кроме того, сейчас, слава богу, есть интернет, и при желании можно просмотреть все материалы о Гранаде, размещённые там. Это даст вам ровно одну сотую процента непосредственных впечатлений. Я же возьму на себя смелость лишь описать вид из окна открытой галереи в саду. Окно в форме арки. В арочный проём, как в раму картины, заключены земля и небо.

Земля – это:

На первом плане – фрагмент сада. Здесь тёмная, густая зелень сосен, кипарисов и елей, сочетается с лёгкой, светлой зеленью лиственных деревьев. Светло-зелёный цвет перемешан с золотом и багрянцем – на дворе ноябрь. На возвышенности – твердыня Альхамбры, и город у подножия цитадели, средневековый город, все его ослепительно белые дома так похожи друг на друга, будто построил их один человек. Эти дома-сувениры кажутся построенными только для забавы и любования неведомым затейником, не забывшим тут и там разместить среди них стройные тёмные кипарисы. Дальше, за городом, на солнце блестят снежные вершины Сьерра Невады.

Небо – это:

Прямо над горами оно белое, сверкающее отражённым от снега солнечным светом. Вверху арочной рамки, в узкой её части, оно уже синее. Весь спектр оттенков, от бело-голубого до синего, умещается в небесной части вида из окна.

Едва ли мне удалось хоть приблизительно описать пейзаж за окном галереи. Хорошо, что не замахнулся на большее.

Нашу группу здесь возглавил местный гид, женщина с очень подходящим к ней именем – Мария. Тип такой. Она вдохновенно рассказывает нам о тех чудесах, что мы видим вокруг. Меня не проведёшь, женщина действительно влюблена во всё это. И когда она рассказывает о мавританском периоде истории Гранады, мне кажется, что ещё более ей бы подошло имя Фатима.

Роль посредника между создателями того, что окружает нас здесь, и простыми людьми, приехавшими посмотреть, вдохновляет Марию, на какое-то время мавританский патриотизм овладевает ей. Впрочем, тому, кто видел Сады Хенералифе и Альхамбру, нетрудно понять её чувства.

А вечером мы пошли смотреть представление – танец фламенко.

Говорят, чтобы понять фламенко, надо родиться испанцем. Я много слышал измышлений на эту тему.

Чтобы понять какое-то явление культуры, надо принадлежать к народу, носителю этой культуры. Думаю, очередное измышление жрецов крови. Их много, утверждающих уникальность своей культуры, своего образа жизни, своего языка. Жрецам крови очень нравятся внешне похожие на них люди. И они учат их ненавидеть не-

похожих. Парадоксально, но они уже составили своего рода интернационал, интернационал жрецов крови.

Я думаю, что все их утверждения – бред людей алчных, ненавистных и жаждущих признания.

Что получается, если брать по их соображениям – чтобы понять джаз, надо быть африканцем, чтобы «правильно» станцевать лезгинку, надо быть лезгином, и т.д. Мне кажется, в случае с фламенко требования куда демократичнее и проще – понять этот танец может каждый, кто испытывал оргазм.

Ускоряющийся темп чечётки, звучащей всё чаще, но тише и глуше, потом грохот и темп нарастают уже вместе, кажется, предел, сильнее невозможно, но всё сильнее и сильнее, наконец, взрыв, но не взрыв, потому что длится и длится, продолжая нарастать. Взрывная волна подхватывает и швыряет вверх, под небеса, высоко и страшно, потом бережно опускает на землю.

Закончив танец, артист расслабленно садится на стул. Никакое другое искусство этого не передаст. Только танец. В литературе не получилось ни у кого, Пушкин жаловался на то, что живейшее из наслаждений заканчивается почти болезненным содроганием, но это описание последействия.

Хемингуэй: *«Вот оно, снова и снова»*, и как там ещё у него написано, не помню точно. Достоверно, но слабо и от этого беспомощно.

В живописи – лицо Данаи, некрасивое, полное напряжённого ожидания «этого» у Рембрандта и умиротворённоё – у Тициановской – после. Изобразить напрямую не брался никто. И в литературных произведениях, и в живописных остаётся необходимость додумывания.

Фламенко передаёт простую, первобытную основу возвышенного чувства, любви, и здесь она оживает в танце. Думать не надо, достаточно смотреть. Но для этого не обязательно быть испанцем.

Возможно, это требование – принадлежность к нации, справедливо к танцорам, точнее к танцовщицам, потому что иначе не понять, как удаётся этим некрасивым и неудачно сложённым женщинам заставлять любоваться собой. Надо сказать честно и по возможности вежливо: испанки не красивы. И всё, больше ничего по этому поводу.

Но артистки.

Всё действие происходило в узком, вытянутом помещении, стилизованном под пещеру. Стулья для зрителей расположены вдоль стен. А сцена – в середине коридора, там стулья стоят только вдоль одной стены. Всё крайне непритязательно, но так и надо. Хотя доход это представление даёт приличный, мы заплатили по 35 евро. А следом за нашей группой приехали японцы.

Один совет тем, кто заинтересовался: выпивку берите с собой, тот бокал вина, которым вас угостят, ни туда, ни сюда. Но это, если вы умеете пить для веселья. Если нет, то можно смотреть и так. Алекс сказал нам, что в Мадридском университете есть факультет фламенко.

Вы не поверите, после представления мы организованно, всей группой отправились на ночную экскурсию по городу. Ну, а в то, что после этой организованной экскурсии мы уже вдвоём пошли погулять по городу, сейчас не верю даже я сам. Хотя пересматриваю фото и вижу, да, ходили, фотографировали.

А на утро нас ждала дорога в Севилью. В старом романсе поётся, что на всём этом пространстве «раздаются серенады, раздаётся звон мечей». Возможно, так и было.

Как всё-таки хорошо, что испанки совершенно не похожи на славянок. В этом случае яростные кабальерос непременно бы поубивали друг друга, к чёртовой матери, и на свете не было бы такой замечательной страны – Испании. Если уж они из-за своих-то дам так бесчинствовали.

Но вот, обещал не ехидничать по адресу слабого пола и не удержался.

Наш автобус едет очень мягко, накануне ночью спали мы не больше шести часов, конечно же, клонит в сон. Но пейзаж за окном, но увлекательный рассказ Алекса – упускать это так не хочется. Нет, иногда, конечно, побороть сон не удаётся, и тогда, проснувшись вдруг в удобном кресле, первым делом думаешь: «Эх, что же я! Сколько упустил». Эти непроизвольные погружения в сон и обратные пробуждения в реальность, ту, что фантастичнее сна, подтолкнули меня к такой игре: я заставляю себя закрыть глаза и держать их закрытыми, сколько вытерплю. Как ныряльщик, погружаюсь во тьму, но мне хочется видеть, так, как ныряльщику хочется вдохнуть, и я не выдерживаю долго.

Пейзаж за окном живописен, но дело не в пейзаже. И красивее видели, и затейливее.

Дело в свете. Он здесь материален, как нигде больше. Этот свет, как лёгкий газ, заполняет собой всё пространство. И в то же время это не газ, потому что лёгкая материя света не может проникать всюду, как это делает газ, и там, где её нет, среди белого дня, вдруг густые сумерки, словно поздним вечером.

Степь, залитая прозрачным морем света, а посреди этого моря возвышается живописная гряда скалистых холмов. Над холмами – тёмные облака, и от них падает чёрно-фиолетовая тень. Кажется, будто силой колдовства среди радостного дневного пейзажа внедрился кусок ночи, так темны склоны холмов. Остров мрака посередине прозрачного моря света.

Такое невозможно, но оно есть. Ещё в Гранаде, в садах Хенералифе, я заметил этот контраст, подобного не видел нигде – аллея залита ярким полуденным солнцем, а рядом, в тени кипариса – поздний вечер.

Постепенно я начинаю понимать, что очевидная материальность субстанции света – это особенность испанского солнца. В его сиянии вещи видны в таких подробностях, которые не различишь в другом месте.

Но если вдруг набежит тень, то это будет не обычная тень, но очень тёмная, обманчивая и завораживающая тень. В её сумерках ветряные мельницы легко можно перепутать с великанами, а толстенькую коротконогую крестьяночку из Тобосо принять за прекрасную Дульсинею. И если тень породила великую литературу, то великую живопись породил беспощадный, выявляющий скрытое, свет. Дождь в Макондо – вот последнее доказательство связи литературы на испанском языке с тенью, с тучами. Впрочем, этих доказательств слишком много, сейчас не место приводить их всех.

А к теме света испанского солнца и живописи мы обратимся, когда доберёмся до Мадрида и его музеев.

А пока что попытаюсь защитить свои наблюдения от возможного скепсиса критически настроенного читателя.

– Что за чушь, – возразит он, – какое ещё испанское солнце. Солнце одно для всей нашей планеты, старательно вращающейся вокруг него, крохотной песчинки мироздания.

Я, конечно, знаком с этой распространённой гипотезой, но, скажу честно, она мне не нравится. И она не соответствует моим наблюдениям. Солнц, на самом деле много, они разные. Тусклое, маленькое, но такое знойное солнце Индии и огромное, сверкающее солнце Арабистана, ясное солнышко России, тёплое и ласковое, неужели всё это – лица одного и того же светила? Однажды, на острове в Каспии, к югу от Баку, я видел солнце такое огромное, что казалось, это какая-то другая звезда, в другом мире, опускается в море красного цвета. Странный пейзаж жерла грязевого вулкана, по которому я бродил, – мёртвое пространство, изредка тут и там оживляемое вялыми микроизвержениями серой жижи усиливал ощущение иной реальности. Глядя на тяжёлое солнце, занимавшее почти четверть видимого горизонта, я ощущал себя героем рассказа Рея Бредбери, заблудившегося в космических стран-

ствиях. Тогда я впервые осознал, что солнц много. Ну, а смысл небесного знамения мне стал ясен спустя годы. Тяжесть красной звезды, опустившейся за кровавым морем, и земля, извергающая грязь из своих недр, и горькое чувство моей собственной потерянности в чуждых просторах. Было всё это незадолго до крушения того мироздания, частью которого я являюсь. Там я видел ещё несколько подобных закатов.

И солнце в конце туманного тоннеля, его лучи пробиваются через тяжёлые, но стремительно летящие разноцветные тучи, холодное зимнее солнце штормового Абшерона, такого больше нигде не увидишь.

Солнце, конечно, не одно.

Готов дискутировать на эту тему с кем угодно. Только одно условие: пусть во время диспута на столе будет стоять кувшин с добрым испанским вином, и после каждого аргумента моего оппонента – жреца науки – вместо возражения с моей стороны мы будем выпивать по кружке вина. Это самая надёжная и честная аргументация, ведь свет испанского солнца, чуть сгустившись до состояния жидкости, превращается именно в вино. И чего, спрашивается, спорить, куда лучше попробовать. Доказательства научные не устоят перед вещественными.

Севилья – город, представление о котором у разных людей связано с разными прославленными людьми, вымышленными и реальными. Для кого-то это город Кармен, для кого-то Дона Хуана, художник вспомнит Мурильо, кто-то Моше Маймонида.

Для меня Севилья – это город, связывавший метрополию с её колониями. Сюда приезжали сыновья суровой Эстремадуры, провинции на границе с Португалией, для того, чтобы отправиться в поисках богатства и славы через океан. Эстремадура в Испании, как Сибирь в России, и люди там того же склада. Кортес и Писарро оба оттуда. По закону зеркальности отображения Эстремадура расположена на западе страны. У нас-то Сибирь на востоке. В путеводителях и разных туристических брошюрах пишут, что слово означает «Граница», но это не так. Первая часть этого слова в переводе не нуждается, а вторая, «duro» означает твёрдый, жёсткий. Говоря о человеке – выносливый, живучий, о пейзаже – суровый. Одним словом, Сибирь.

И вот жители этой провинции приезжали в Севилью, движимые жадностью и тщеславием, и отсюда отправлялись за океан. Сколько трогательных прощаний – с родителями, с любимыми, сколько страхов и надежд. И, отчалив от берега, неуклюжая каравелла начинала свой нескончаемо длинный путь вначале по реке до моря, а потом – потом уже по морю – океану.

Река зовётся Гвадалквивир.

Есть места на нашей планете, названия которых для меня обладают какой-то особой притягательной силой. Дело, может, в сочетании звуков, а может, в ассоциациях, связанных с первыми книжками. Анапурна, Брахмапутра, Лхаса, Найроби, Багдад – даже не верится, что это не из сказок, а реально существующие места. Гвадалквивир входит в их число.

Наше прогулочное судно проплывало под мостами, переброшенными через Гвадалквивир, мы сидели на верхней палубе, и я пытался представить, что испытывает человек, оставляющий Севилью на многие годы, а может, навсегда, отправляясь в дальнее плаванье.

Время для речной прогулки было выбрано очень удачно, закат солнца. Правда, в сумерках с реки потянуло прохладой, но благодаря ей на верхней палубе осталось так мало людей, что мы чувствовали себя наедине с освещённым лучами заката Гвадалквивиром. Я спросил у жены, достаточной ли компенсацией за все тяготы в нашей совместной жизни является маленькое речное путешествие по Гвадалквивиру, но она сделала вид, что не расслышала. Стала расспрашивать про мосты. Один из них построен по проекту Эйфеля, автор другого – Калатрава. Но и другие мосты мало в чём уступают творениям знаменитостей. Мост вообще, само по себе, красивое сооружение. Эта плавание по реке запомнилось нам в деталях.

В Севилье одной из достопримечательностей являются русские магазины. Вывеска и реклама на русском языке, обязательно с гербом Советского Союза на самом видном месте. Как правило, хозяева этих магазинов – армяне, и цены там аховые. Зато с продавцами можно говорить на русском.

И это почти всё, что я могу сказать о Севилье. Причина такой краткости не в том, что сказать нечего, а в том, сколько уже сказано. Из книг с описаниями достопримечательностей Севильи можно составить приличную библиотеку, в интернете полно материалов на эту тему и выставлено множество фотографий. Фотографии, правда, совсем никуда не годятся, такое впечатление, будто их делали скрытой камерой, тайком или с каких-то одних, разрешённых позиций, либо просто переснимали не с натуры, а с других фото. Описания, как правило, ещё хуже, чем фотографии. Думаю, достаточно сказать, что на знаменитую Херальду, соборную колокольню, переделанную, как водится, из минарета, я всё же поднялся. За что был немедленно награждён видом Севильи с высоты ста метров.

На мой взгляд, она также прекрасна, как звучание её имени: «Севилья».

Побывав здесь, хочу дать совет и предупреждение.

Совет: Не читайте, что пишут об этом городе, просто приезжайте сюда.

И **предупреждение**: В знаменитом севильском соборе вам покажут усыпальню Христофора Колумба. Саркофаг несут четыре короля, подобно тому, как гроб Гамлета несли четыре капитана.

Смысл моего предупреждения двоякий – в Испании известно, как минимум, ещё четыре захоронения Колумба. По другой версии, останки Христофора Колумба, согласно его завещанию, находятся в музейном комплексе Фаро Колон в столице Доминиканы.

Второй аспект предупреждения связан с личностью самого мореплавателя. Существует много версий, объясняющих уверенную направленность его поиска: какие-то секретные карты, тайные знания, интуитивное озарение.

На самом деле, всё давно известно, но замалчивается. По свидетельству уже упомянутого мной Инки Гарсиласо, дело обстояло так, цитирую по книге «История государства инков»:

«Примерно в году тысяча четыреста восемьдесят четвёртом, более или менее, один лоцман из местечка Уэльва, графство Ньебла, по имени Алонсо Санчес из Уэльвы, владел небольшим кораблём, на котором он перевозил из Испании на Канарские острова кой-какие товары, хорошо продававшиеся там; а на Канарских островах он грузил местные фрукты и вёз их на остров Мадеру, а оттуда возвращался в Испанию с грузом сахара и варенья. Плавая по этому своему треугольному торговому маршруту и направляясь с Канарских островов к острову Мадера, он был застигнут таким сильным грозовым штормом, что, не имея возможности оказать ему сопротивление, он отдался шторму и проплыл двадцать восемь или двадцать девять дней, не ведая, откуда и куда он плывёт, потому, что всё время он не мог определять высоту ни по солнцу, ни по звёздам…»

Далее идёт описание злоключений экипажа, заброшенного штормом к Карибским островам, и возвращение на родину. Здесь снова необходима цитата:

«Они остановились в доме знаменитого Христофора Колумба, генуэзца, потому что знали его как великого лоцмана и космографа, который составлял карты для мореплавания. Он принял их с большой любовью и одарил всем, чем мог, когда узнал то, что стряслось с ними во время столь долгого и необычного кораблекрушения , которое, как они говорили, им пришлось перетерпеть. И, так как прибыли они измученные перенесённым в прошлом трудом, сколько не одаривал их Христофор Колумб, они не пришли в себя и умерли все у него дома, оставив ему в наследство труды, которые принесли им смерть и которые взялся завершить великий Колумб…»

Спасшихся моряков, которых с «большой любовью» принял у себя Колумб,

было пятеро. И не один из них не захотел вернуться домой, увидеть семью, все пятеро предпочли воспользоваться гостеприимством незнакомого человека. Семейные устои у испанцев очень прочны и сейчас, а в те времена, надо думать, были ещё прочнее. Но все пятеро остаются в доме Колумба и – умирают, *«...так как прибыли они измученные»*. Это что за диагноз такой, что за причина смерти для пяти молодых мужчин, «измученность» ?

Всю эту историю Инка Гарсиласо слышал от своего отца, конкистадора. Родился Инка через пятьдесят лет после первого плавания Колумба, так что люди из поколения его отца были непосредственно знакомы с прямыми свидетелями тех событий..

Благородные идальго просто не смогли распознать истинный ход событий.

Несчастные моряки, силой или обманом захваченные Колумбом, как только рассказали ему всё, что тому было надо, были тут же убиты. После этого Колумб стал единовластным обладателем важнейшей информации. Восемь лет ему понадобилось, чтобы собрать деньги и получить разрешение на экспедицию.

О нраве и характере этого человека лучше всего говорит тот факт, что в числе подарков католическим королям он привез и закованных в кандалы рабов-туземцев. Можно представит себе реакцию Изабеллы и Фердинанда, когда они увидели столь ужасный и недостойный их высоких устремлений дар.

Но Колумб не мог даже помыслить о чём-то, что не входило в сферу практических интересов. В Новом Свете он проводил политику безжалостного геноцида и, поскольку золота найти не удавалось, продолжал слать католическим королям предложения об использовании несчастных аборигенов, названных им индейцами, в качестве рабов.

Так что нечего удивляться, что Колумб вскоре впал в немилость и сам оказался закованным в кандалы. Набирая команды на свои суда, адмирал строго следил, чтобы среди них не оказалось ни одного человека благородного происхождения. Он даже сумел добиться невероятного для тех времён – в составе экспедиции не было ни одного священника или монаха. Только портовая шпана. Но против желания адмирала несколько достойных кабальеро всё же попали в экспедицию, и их возмущение нашло своё выражение в жалобах монархам на неслыханную жестокость Колумба. Стоит задуматься, мог ли этот человек отравить ставших опасными ему носителей важнейшей информации?

Расхожее представление о нём, как об отважном мореплавателе и чуть ли не бескорыстном исследователе, не имеет ничего общего с действительностью. Славу первооткрывателя он украл у коварно умерщвлённого им Алонсо Санчеса из Уэльвы, если вообще правомерно говорить о каком-то первооткрытии материка, задолго до этих открытого и регулярно посещаемого викингами. И вот что мы видим: жители островов Гаити, Кубы и других, подвергшихся колонизации по «Колумбовскому варианту», были поголовно истреблены. Потомки завоёванных Кортесом ацтеков благополучно здравствуют. В историю Колумб вошёл как отважный и благородный человек, недооцененный и даже преданный королём и королевой. Кортес известен как алчный и жестокий разбойник.

Добрейший де Ланда, сохранивший от уничтожения рукописи майя, известен как их уничтожитель, хотя рукописи на самом деле были сохранены в обителях францисканских монахов, а уничтожили их борцы за народное дело во время их освободительных войн против матери – Испании.

Последователи Боливара разрушали монастыри и уничтожали без разбора всё, что в них хранилось веками. Ничто не действует столь разрушительно на национальную культуру, как национально-освободительная борьба. Малая часть сохранённых фраем Диего де Ландой «книг» всё же сохранилась, и впоследствии они были расшифрованы гениальным Кнорозовым.

Обидно за оклеветанных достойных людей, да и слава проходимцев раздражает.

Из Севильи наш путь лежит в Кордову.

В Кордове шёл дождь. Но это нисколько не испортило встречу с ней. Правда, шли четвёртые сутки нашего марафона по Испании, и мы немного уже устали от впечатлений. Конечно же, первым делом мы направились в знаменитый собор, встроенный в комплекс зданий, прежде входивших в мечеть. Мечеть была построена из материалов, взятых с развалин языческих храмов. Бросается в глаза, что колонны различаются между собой – первоначально они поддерживали потолки святилищ разных богов. Second hand, вторые руки. Наверное, я устал к тому моменту от изящного великолепия памятников испанской старины, но знаменитый на весь мир храм не произвёл особого впечатления. Возможно, что и Гранада, окажись я там не в начале, а в середине скоростного тура, не поразила бы так, вспышкой, не показалась бы окном в сказку. Хотя, как знать.

Каждый из городов Испании вызывает у меня какую-то главную ассоциацию. Барселона – это Гауди; Валенсия – Калатрава и Сид; Аликанте – солнце, вставшее из-за моря мечты, Средиземного; Гранада – Альхамбра, Хенералифе и фламенко; Севилья – порт конкистадоров.

Кордова для меня – прежде всего город, где жил Хасдай ибн Шапрут. Другие, более известные жители Кордовы, её памятники, былое величие центра исламского мира – для меня всё это на втором плане. На первом Хасдай. В этой личности отражены противоречия, которым предстоит в скором времени растерзать наш хрупкий мир, созданный с такими непомерными усилиями, ценой столь тяжких бед. Хасдай был визирем и врачом у халифа, фактически вторым человеком в государстве. Но, прослышав о существовании Хазарского каганата, где на троне сидит иудей Иосиф, написал ему прочувственное письмо. В письме Хасдай выразил готовность бросить всё, что имеет, а имел он немало, и пешком идти, чтобы только увидеть чудо – иудея на троне.

Вот как это глубоко сидит. И не только в иудеях. Просто христиане и мусульмане имели на тот момент сколько угодно возможностей любоваться на своих монархов. Зрелища, надо признаться, не самого завораживающего свойства. Зато ходить никуда не надо. А Хасдай хотел идти, чтоб полюбоваться на такую красоту, что просто восторг. Он считался мудрейшим из мудрых, этот соискатель иудейского царства.

Люди мало изменились с тех пор, и уж точно, что не превзошли Хасдая ибн Шапрута в уме. А все разговоры об общечеловеческих ценностях, об иудео-христианском мире – болтовня, не больше того. Пешком идти хотел, чтобы увидеть. Фанатик.

Я, конечно, понимаю, частые экскурсы в историю могут раздражать читателя путевых записок. Кому интересны дела давно прошедших дней?

В оправдание скажу, что прошлое присутствует в настоящем не в меньшей степени, чем будущее. Вернёмся на мгновение к истории с золотом. Отнятое Кортесом у Монтесумы, украденное Сталиным у Кабальеро, сейчас оно принадлежит потомкам изгнанников из Испании 1492 года, российским олигархам. Навсегда ли? Смешной вопрос. Но кто же может хотя бы помыслить дальнейший его путь? И разве это не захватывающий сюжет?

Обо всё этом я думал, шагая по мостовой в Худерии, еврейском квартале дивного города Кордова. И хрупкое очарование местечка, тесного поселения евреев среди чужого им города, через века ощущалось мной очень явно. Хотя, возможно, мне просто вспомнились узкие улочки в Баку, те, что выше кинотеатра «Вэтэн», весь район между бывшей улицей Корганова и бывшей улицей Гоголя. Там жили евреи. С этим очень специфичным миром я был знаком весьма поверхностно, и он вызывал у меня дружелюбную иронию. Местные анекдоты про участкового уполномоченного

Абушалумова, одного из самых влиятельных в мире людей. Точнее, в микромире местечка. Отгороженность и в то же время отчаянная устремлённость юношей и девушек во внешний мир. Но только тех, которым в наследство не досталось магазинчика. Эти предпочитали не двигаться. Местечко в Баку завершило своё существование весьма счастливо – евреи уехали в благополучные места, кто в Израиль, кто в Америку, а на месте старых домов выросли небоскрёбы. Конец Кордовского гетто был трагичным. Тьма опустилась на Худерию в 1390 году, когда озверевшие католики учинили здесь погром. Но дома сохранились до сих пор.

После Кордовы мы поехали в Мадрид, нынешнюю столицу. Приехали вечером, разместились в отеле, в центре города, название улицы в оригинале – De la Florida, а вот название отеля я забыл. Но место было удачным, самый центр. И ещё, рядом с отелем находится церковь, расписанная Гойей. Теперь это называется Ermita de san Antonio. Туда мы успели сходить до ужина. Раньше мне не приходилось видеть работ этого художника в таком количестве. И, возможно, те, что я видел в Москве и Севилье, были не самыми выдающимися вершинами его творчества. Кажется, там же, в демонстрационном зале церкви, выставлен автопортрет Гойи. Возможно, я что-то путаю, но, кажется, он был там. Во всяком случае, взгляд тёмных глаз, проникающий куда не дано заглянуть ни одному из нас, простых людей, у меня прочно ассоциируется с этой небольшой церковью в центре испанской столицы.

На обратном пути из церкви в отель я купил вина, и мы пошли на ужин. Столы в ресторане при гостинице были большие, и вместе с нашей, уже сложившейся компанией из пяти человек, оказались ещё двое туристов.

Та самая красивая девушка и её немолодой спутник. Моя интуитивная симпатия к этим людям была сходна с состраданием. Ему я сочувствовал за обречённость на провал его попытки вернуть, хоть на несколько дней, безвозвратно ушедшую молодость. Вот она рядом, безотказно услужливая, улыбчивая и красивая.

Но не вернуть.

И с ней всё понятно. Хочется увидеть мир, хорошо пожить, вроде всё у неё есть для этого, и красота, и по-английски бегло, и кое-как по-испански, но ездить приходится не со своим любимым, а с чужими мужьями. Горько, наверное, бедняжке. Два несчастья, взятые вместе, дают не сумму, а квадрат суммы. Это на мой взгляд, а они, возможно, так и не думают. Пока не думают.

В тот вечер я ни о чём этом тоже не думал, это пришло в голову в самом начале путешествия, когда я их увидел, а потом забылось.

Мы сидели за одним столиком, ужинали и пили вино. Настоящее, испанское, которое ни за какие деньги не купишь у нас в магазине. Взгляд Гойи, направленный на зрителя с автопортрета, вспомнился мне тогда. Видимо, это воспоминание заворожило настолько, что в действительность меня вернул громкий, вульгарный молодой смех. Девушка хохотала, глядя на меня, я же посмотрел на неё, наверное, с изумлением. Подавив смех, она спросила:

– Что с вами, у вас такое отчаяние на лице, такое – она не нашла сравнения – просто ужас.

Я был действительно растерян и сказал правду.

– Просто вспомнил взгляд Гойи на его автопортрете, и, видимо, это отразилось. Кажется, он видел то, что нам, к счастью, не доступно.

Я хотел пояснить дальше, но её спутник вдруг остановил меня каким-то нервным, даже раздражённым жестом.

– Всё, хватит. Точнее все равно не скажешь. Он действительно видел недоступное нам. И верно, что, к счастью, недоступное.

Мы заговорили о Гойе, об испанской живописи вообще. Наталья, та, что работает экскурсоводом, с радостью поддержала близкую ей тему. А он оказался знатоком и ценителем.

Кто бы подумал, эта нелепая розовая рубашка, цветной галстук, декоративная небритость. Надо же, недаром они вызвали у меня симпатию, эти двое, с первого взгляда.

Шёл пятый день путешествия, видимо, благоприятный для установления дружественных связей. Москвичи и американцы сдвинули столики, выпивали, веселились, обменивались адресами. Произносили тосты. Армянские женщины, объединившись с несколькими ровесницами из России, говорили правильные слова на подчёркнуто правильном русском. Наверное, о дружбе между народами, я не прислушивался. А мы пошли гулять по Мадриду. Генерал Чарнота из произведения Булгакова, говорил, что хоть в Мадриде никогда не был, но душой чувствует – дыра. Голос души обманул генерала. В Мадриде нет сказочности, но разве только сказка способна увлекать? Это современный город, и это столица. Величественный королевский дворец, роскошный парк рядом с ним, величественное здание оперы, величественный ампир, не сталинский, конечно, но поражает, насколько построенные при Франко дома похожи на сталинские высотки в Москве. Красивых старых домов и здесь много, но, тем не менее, это современный город. Есть какое-то неуловимое отличие мадридцев от остальных испанцев, отличие жителей столицы.

В молодости у меня был приятель лаосец, я учился у него их национальному виду единоборства. Как-то мы поехали с ним на несколько дней в деревню, жили там, тренировались усиленно, потом вернулись в Баку. Выйдя из автобуса, Висай, так звали моего инструктора, сказал, оглядев толпу:

– Совсем другой люди.

В Мадриде тоже «совсем другой люди». Или вот ещё пример, доказывающий наличие некоего видового сходства всех столичных жителей. Представьте себе, что в Москве к двум пожилым интеллигентным москвичкам подходит супружеская пара, их ровесники, и мужчина, на ломаном русском языке, извинившись, спрашивает, как пройти, скажем, к Большому театру. Попытаюсь воспроизвести возможный разговор. Одна из них начинает подробно и толково объяснять, как это сделать. Другая говорит, перебивая. «Ты, что, господин плохо говорит по-русски, объясняй яснее и короче». Первая возражает – надо так объяснить человеку, чтобы он понял, а не руками размахивать. И они отвлекаются на свой спор, как надо правильно общаться с теми, кто плохо знает язык. Тут сообразительный турист, устав прислушиваться к мало понятной ему скороговорке, прерывает женщин и говорит, указывая рукой – надо идти прямо, потом?

Этот метод объяснения подхватывается сразу обеими дамами.

– Потом – направо, потом прямо, и там есть большой магазин, а потом налево, и там лучше ещё раз спросить.

Вежливо поблагодарив, иностранцы уходят, а столичные жительницы продолжают оживлённый спор о том, что важнее при случайном уличном разговоре – точность выражений, слова или благожелательность и готовность помочь. Сейчас в Москве такое едва ли возможно, но каких-то сорок лет назад этот тип столичных жителей был распространён ещё достаточно широко.

В Мадриде, насколько я могу судить, настоящие столичные жители не перевелись до сих пор. Во всяком случае, когда мы отправились с женой гулять и заблудились, мы стали участниками подобной сцены.

– Ты что, не понимаешь, что кабальеро плохо говорит по-испански? – перебила одна женщина другую. – Ему надо объяснять коротко, ясно.

Когда мы уже отошли, дамы продолжали довольно оживлённо, и, что удивительно, заинтересованно спорить, как лучше говорить с иностранцами.

Из всего увиденного в ту ночь в Мадриде запомнились королевский дворец, сияющий подсветкой, очень серьёзное официальное здание, площадь перед ним и в отдалении, слева, если встать спиной к фасаду дворца, та самая высотка, порожде-

ние культа личности Франко. Вот этой одной архитектурной подробности достаточно, чтобы говорить о сходстве Испании с Россией. Хотя, различий, конечно, больше. Различие во всём, страны находятся на разных полюсах Европы – Западном и Восточном, и вдруг неожиданное, невозможное, казалось бы, сходство в некоторых важных моментах. Так природа Антарктики схожа с природой Арктики.

Рано утром мы выехали в Толедо. Вид этого города просто просится на обложку книги волшебных сказок. Если Гранада при взгляде с высот Хенералифе – это средневековый город, то, глядя на Толедо, не возникает представления о его принадлежности к какому-то историческому периоду или к государству. Это выдумка.

Вон по той улице шествовал, в чём мать родила, глупый король, и музыканты из Бремена, конечно же, тоже давали здесь концерт. Автобус привез нас в такое место, откуда виден весь город. Мы сфотографировались на фоне Толедо, и теперь у нас есть фото с видом на сказку.

Толедо расположен на холме, который огибает река Тахо, самая большая на Пиренеях, неожиданно спокойная для гористой местности. Из-за этого контраста рельефа и течения, кажется, будто видишь не реку, а просто защитный ров, вырытый вокруг крепости и наполненный водой. Старинные или сделанные под старину мосты переброшены через поток. Лишь в одном месте пороги с бурунами выдают течение.

Этот маленький городок, сейчас в нём живут около 70 тысяч человек, когда-то был столицей огромной империи. Память о тех временах, конечно, сохранилась, дворец Алькасар возвышается над городом.

Мы прошли по каменному мосту и оказались в городе. Это достаточно символично, что в сказочный мир Толедо можно попасть только по мосту.

В пути я не веду систематических записей, уповая на то, что память сама по себе сохранит наиболее интересные моменты и поможет избежать описания скучных подробностей. В этом есть однако существенный недостаток – первые впечатления, пусть хронологически более давние, запечатлеваются подробнее и ярче, нежели последующие. Посещение Толедо запечатлелось в моей памяти фрагментарно, воспоминание о скромной церкви святого Фомы, в котором выставлена картина Эль Греко «Погребение графа Оргаса», смешалось с памятью о громадном кафедральном соборе, то ли самом большом в Испании, то ли самом богатом, я сейчас не помню. Фотографировать ни в церкви Фомы, ни в соборе не разрешено, поэтому у меня нет зрительного образа, ухватившись за который, можно было бы размотать клубок воспоминаний. Возможно, это и не очень важно. Смешавшись, воспоминания приобретают более причудливые и фантастические черты, что вполне соответствует духу Толедо.

Город на склонах холма, увенчанного замком. Город, в который попадаешь, пройдя пешком по массивному каменному мосту через сонную реку с зарослями ивы по крутым берегам, не обязательно должен чётко и ясно запечатлеться в сознании путешественника. В изумлённом и восхищённом сознании. Так что заранее приношу извинения по поводу возможных неточностей в моих описаниях. Их причина не в моём небрежении, а в тех чувствах и переживаниях, что вызвало у меня посещение небольшого городка, бывшей столицы государства, объединявшего, среди прочего, современные Нидерланды, часть Италии, Мексику, Перу и Аргентину. Скажу лишь о том, что запомнил.

Выходца с Кипра Эль Греко иногда называют самым испанским художником. Я думаю, что всё-таки самыми испанскими являются те, кто передал на своих полотнах сияние испанского солнца. Для меня это Гойя и Мурильо. Я не сказал, что они лучшие, я лишь указал, что свет солнца на их картинах светит так, как он светит только в Испании. Но точно я узнал об этом на другой день, а в день посещения Толедо я ещё не знал об этом. Картина Эль Греко «Погребение графа Оргаса» запоминается в

подробностях. Странный мир, наивный и непостижимый, мир гения, и вот, пожалуйста, можно подойти и заглянуть. Говорят, Сальвадор Дали упал в обморок, когда увидел эту картину. Но я склонен относить это не за счёт величия Эль Греко, а за счёт хитрости Дали. Разыграл обморок, и цены на его работы поднялись. *«Гениальный Дали, увидев работу не менее гениального Эль Греко, упал в гениальный обморок»*. Я не верю.

Но продолжу тему о солнце. Оно в Толедо такое же ослепительно-радостное, как в Гранаде, Севилье и Кордове. А там, куда не попадают его лучи, царит сумрак. Разглядывая сделанные в Толедо фотографии, я вновь и вновь убеждаюсь в необычности этого света.

Кафедральный собор в Толедо подавляет своим богатством и великолепием. Возможно, чрезмерным. Восторг, да. Восторг и роскошь, но что общего он имеет с взысканием царства небесного. В орнаментах по камню и дереву присутствует здесь тема дракона. И не только сражаемого победоносным Георгием.

А тут ещё наш Алекс сказал, что есть в этих орнаментах сцены фривольные и даже порнографические. Меня это очень заинтересовало, обычно я равнодушно отношусь к этому жанру, но вот в католическом соборе, согласитесь, интересно. Хотя бы, как это вообще было возможно появление подобных изображений. Алекс пообещал показать, но так и не удосужился. А было бы интересно сравнить со сценами, что запечатлены в орнаментах храмов в Каджурахо.

Помимо церквей, мы побывали ещё и в знаменитых кузнях Толедо и прогулялись по еврейскому кварталу. При кузне есть магазин, в котором продаются всякие сувениры из металла, начиная от перочинных ножей, шкатулок и заканчивая разнообразными мечами. Мечи вывозить из страны запрещено, да и если было бы разрешено, гарантировано бы его отняли на нашей таможне. А то можно было бы привезти в подарок внучке японскую катану, она интересуется всем, что связано с Японией. Мечи, повторяю, здесь настоящие, не муляжные. Сам я не большой любитель оружия и уж совсем не понимаю его коллекционеров. Путь меча и идея коллекционирования, в конечном счёте накопительство, конечно же, несовместимы. Дело не в количестве клинков, а в умении фехтовать. Хотя, возможно, в молодости всего этого я бы и не понял. Мы не купили в этом магазине ничего по той причине, что всё, что мы хотели бы купить, стоило более пятисот евро. К тому же, в простых магазинах, куда туристов не водят толпами, подобные сувениры продают дешевле.

В еврейском квартале запомнился оригинальный памятник дона Шмуль бен Меира, казначея Педро жестокого. Необычность его в том, что изваяна одна только голова, не привычный бюст, а скульптура головы из какого-то чёрного материала.

Быстрые, цепкие мысли, вихрем несущиеся в чёрной голове, навек запечатлелись в выразительном лице финансиста. Лысина, окладистая борода и мохнатые брови – вот что отличает дона Шмуль бен Меира от российского олигарха Олега Дерипаски. А больше ничего. То же лицо.

В этом городке всё рядом, и от еврейского квартала до музея инквизиции рукой подать.

В музее я как более возможно небрежно сказал смотрителю, протягивая деньги: *Para dos persons*. Приветливый смотритель похвалил мой испанский и сообщил, что лично он ничего не имеет против ортодоксов (то есть православных), мусульман и иудеев. Но жена предупредила меня – это чисто инквизиторское коварство, заманивает. И мне почему-то показалось, что родословная нынешнего хозяина пыточных приспособлений восходит к их прежним пользователям. Иначе, с чего бы это он похвалил мой испанский и выразил полную толерантность к другим религиям? Поистине, инквизиторское коварство скрывалось за этим.

Музей не вызвал в наших душах особого отзвука, жестокость безлика и универсальна.

После музея у нас ещё оставалось время до назначенного часа сбора, и мы зашли в ресторанчик. Выбрали поскромнее, из соображений экономии. Но обстановка понравилась нам. Простые деревянные столы, над ними развешаны графические картины, – сцены терзаний хищниками своей добычи: волки, соколы, львы нарисованы очень точно и живо. Салфетки чёрного и белого цвета уложены попарно, упоительное, живое вино. Обстановка спокойствия и довольствования немногим, достаточным для избранных. Посетители – небогатые туристы. Шумная компания поляков. Всё очень непретенциозно, просто. Но когда я пошёл в туалет, и мне пришлось спуститься в подвальное помещение, там я понял, что ресторанчик этот совсем иного класса.

Внизу зал освещался хрустальными люстрами, столы были устланы красивыми белоснежными холщёвыми скатертями с разложенными на них сверкающими столовыми приборами и хрупкая пустота дорогих бокалов, а стулья были скорее креслами из дворца, с высокими и удобными спинками. Вот как нельзя доверяться первому впечатлению.

Выпив вина, мы вновь прошли по мосту туда, где автобус уже ждал нас.

Как только расселись по местам, я вдруг увидел себя, сидящего на скамейке неподалеку от автобуса и невозмутимо курящего сигарету.

Рефлекс туриста сработал сразу, с фотоаппаратом в руке я бросился к выходу. Автобус уже отъезжал, Алекс крикнул: «Куда?» Я сфотографировал своего двойника, который как ни в чём не бывало продолжал сидеть и курить, и сказал Алексу, указав на сидевшего на скамейке испанца – ведь это же я. Честно говоря, не знаю, что вызвало изумление на лице нашего гида: моё чудачество или наше сходство.

Кстати, о сходстве. Этой темы я касался в своём описании испанского путешествия часто. Возможно, не всегда оправдано.

Кто-то не согласится, что Че похож на Кортеса. Меньше будет отрицающих сходство Кнорозова и Де Ланды. Почти все признают, что Шмуль бен Меир и Дерипаска похожи, как родные братья.

Но дело, наверняка, сложнее, чем кажется.

Умение чтения лиц – не простое искусство, не всегда за внешним сходством скрывается душевное подобие, хотя часто. Здесь что-то есть, ускользающее, но неоспоримое.

Обратно из Толедо мы ехали в Мадрид, я думал о том, что известная фраза «Жили были король с королевой» в качестве иллюстрации предполагает портреты четы католических монархов Фердинанда и Изабеллы. А к фразе «В некотором царстве, некотором государстве» в качестве иллюстрации надо прилагать вид города Толедо. Скалистый холм, в беспорядке застроенный старинными домами, замок на вершине, водный поток вокруг города и массивные мосты через него. Прощай, Толедо.

Последний вечер в Мадриде мы, конечно, гуляли по городу, открывая для себя новые и новые его красоты.

Здесь мы увидели человека-невидимку. Сидит себе, как ни в чём не бывало, на складном стульчике, в шляпе, в строгом костюме, но на ногах почему-то кроссовки. Руками в белых перчатках держит перед собой газету, вроде читает. Но ни головы, ни лица нет. Из наглухо застёгнутого и перетянутого галстуком воротника рубашки, как продолжение позвоночника, торчит деревянная планка, к которой крепятся очки и шляпа. Выглядит, если не вдаваться в детали, будто шляпа и очки надеты на пустоту. Я подумал, что это трудная работа, вот так сидеть, сжавшись и не иметь возможности встать или хотя бы изменить позу. Поэтому бросил в миску у ног невидимки несколько монет. Жена меня, конечно, пожурила за расточительство, но я продолжаю думать, бедняга заслужил подношение. Интересно, как его сажают на рабочее место, и сколько длится его трудовой день?

Ещё, гуляя по Мадриду, мы зашли в два книжных магазина. Книги в Испании дорогие, в среднем роман в мягком переплёте стоит около тридцати евро. Зато здесь почти нет мусорной литературы, которая у нас обычно выкладывается на самое видное место в сопровождении всяких громких рекламных надписей. Эти передние полки здесь заняты сочинениями Марио Вальдес Льоса. Неудивительно, ведь дон Марио в этом году стал лауреатом Нобелевской премии. Это вам не Веллер с Тополем. Это литература.

Много переводных книг, известных авторов. В том числе и русских классиков. Предпочтение почему-то Пушкину и Толстому. К сожалению, оценить качество перевода я не могу. Но раз переводят, значит читают.

А вот книг Рикардо Гуиральдеса, классика аргентинской литературы, автора полюбившейся ещё в детстве книги «Дон Сегундо Сомбра», найти не удалось. Предусмотрительно записанные мной на испанском имя и фамилия латиноамериканского «деревенщика» в компьютере не обнаружились. Ничего, эта книга, изданная в 1960 году на русском языке, у меня есть. Чем-то она напоминает мне повесть Виктора Астафьева «Перевал». Судьба подростка, бежавшего из дома во взрослый мир. Но наша, пожалуй, покрепче будет. Может, из-за перевода. Впрочем, надо перечитать. Ведь когда всё это читано! В доисторические времена. Но главные впечатления в Мадриде – конечно, это люди и дома.

Наша Наталья, та, что инженер, опытный путешественник, объездившая Европу, сказала:

– А ведь можно было не попасть сюда и всего этого не увидеть.

Я напомнил её фразу Чарноты о Мадриде. Наталья рассмеялась и сказала:

– Он же генерал, ну что вы хотите от генерала.

Утром просыпаться было трудно – накопившуюся усталость усиливало то, что в последнюю ночь мы поспали всего пять часов. И только мысль о предстоящей встрече с музеем Прадо придавала нам силы.

Прадо – большой музей, в нём одновременно выставляется около шести тысяч картин. Так нам сказал Алекс. В Яндексе пишут – две тысячи. Если прав Алекс, то для беглого их просмотра требуется несколько месяцев. В нашем распоряжении было три часа. Хоть не начинай, чтобы не расстраиваться. Но пошли.

Здание музея расположено в некотором углублении, к нему спускаются ступеньки, с трёх сторон оно окружено парком. У музея четыре входа, перед каждым из них – памятник художнику. Мы видели только два входа – те, что отмечены фигурами Веласкеса и Гойи. На пьедестале памятника Гойе барельефно изображена обнажённая Маха. Веласкеса я видел мельком, запомнились только одухотворённое его лицо и вздыбленная шевелюра. Испанцы – замечательные скульпторы.

В первом же зале, в который мы вошли, выставлены полотна Босха. Только недавно, будучи в Абхазии, я сравнивал подземный мир пещеры с его видениями загробного мира. Но тогда моё представление о картинах этого художника ограничивалось лишь возможностями просмотра репродукций. И вот передо мной подлинники.

Никогда не думал, что такое возможно. Однако случилось. Больше всего удивляет то, что различие впечатлений не столь разительно, как ожидалось. Возможно, сказывается моё недостаточное понимание живописи. Возможно, дело в том, что в работах нидерландца меньше света, чем в картинах испанцев. В этом же зале выставлены работы Патенира, полные удивительного синего света, совершенно не передаваемого репродукциями. Это солнце его родины, Нидерландов. А солнце Босха совсем иное, метафизическое, скорее это солнце его гения, чем небесное светило.

Испанская живопись отлична от любой другой. Рожденная в тёмных пещерах, ещё в палеолите, она достигла совершенства, когда люди выбрались из пещер, и свет испанского солнца наполнил творения художников.

Свет, исходящий от полотен Гойи и Мурильо, настолько явственен, что его видишь, даже стоя сбоку от картины. Это потрясает, стоишь возле стены, широкий багет заслоняет полотно, но вот свет от него льётся в зал, будто из переполненного сосуда.

Люба сказала, что я это придумываю. Интересно было бы побывать здесь ночью, когда нет освещения.

Но дело не только в свете. Картина Эль Греко «Погребение графа Оргаса» довольно мрачная, свет отнюдь не брызжет с этого полотна но репродукция несопоставима с подлинником, это просто о разном. Говорят, у Эль Греко был какой-то дефект восприятия, и вытянутые фигуры и лица на его полотнах – следствие этого дефекта.

Мне кажется, причина другая. Он, как и некоторые иные великие испанские и итальянские мастера, видел мир не чередой застывших образов, картина мира мерцала в его восприятии, но как передать её пульс на полотне? Как передать ритм в статике? Можно запечатлеть одну, крайнюю фазу изменения с тем, чтобы зритель почувствовал ритм. В этом, конечно, нет «замысла художника», там, где есть замысел, там нет живописи. Впечатление передаётся не посредством мысли, а другими способами.

Но Босх не был испанцем. Сумрачные, медленные видения фламандца неплохо передают копии его картин. Конечно, лучше смотреть в оригинале, хотя бы ради того, чтобы ощутить трепет собственной души и разума от осознания того, что вот к этому полотну прикасалась кисть, зажатая в его руке. Моё представление о его творчестве не претерпело столь существенных изменений, какие произошли после мимолётных, урывочных просмотров великих испанцев. Быстро прикинув в уме, что на просмотр каждой картины у нас чуть больше трёх десятых секунды, и это не считая времени на переходы, мы решили просто побродить по залам, не отдавая предпочтения тому, что нужно обязательно посмотреть. Мы поступили так, как нельзя поступать никогда – мы положились на удачу. И в этот раз она не подвела. Просто потому, что не имела такой возможности. В Прадо великолепно всё.

И «Маху» мы всё-таки увидели. Случайно набрели на неё. Девушка, как известно, представлена в двух вариантах – в одежде и без неё. Говорят, вершина его творчества. Но, на мой взгляд, это не лучшее, что создал Гойя. Спорить не стану, возможно, всё дело в том, что мне не нравятся женщины цыганского типа. Крепенькие такие, коротконожки. Говорят, это портрет графини. А разве цыганка не может быть графиней? Да хоть герцогиней или даже королевой. Говорят, графиня была его любовницей. Портрет предполагаемой жены мастера кажется мне куда более совершенным произведением, да и модель красивее и одухотворённее. В жизни такое бывает, чтобы жена была красивее любовницы. Тем более, что любовницей великого мастера в принципе может быть любая женщина. А чего ей не хватает, он дофантазирует.

Названия и сюжеты других картин Гойи перемешались у меня в голове, осталось только воспоминание о свете, льющемся с его полотен. Этот свет Испании, тот, что не давал мне закрыть глаза, когда так хотелось спать в убаюкивающем чреве мягкого автобусного кресла. И в Альхамбре, и во время прогулки на судне по холодному Гвадалквивиру он светил нам, несравнимый ни с каким другим светом. Впрочем, я начинаю повторяться. Но вот что ещё хочу сказать о нашем посещении Прадо. В конце, когда три часа истекли, я подумал: наш поспешный метод просмотра, возможно не самый худший. Ведь если представить себе всю череду великих творений, начиная с той самой пещеры Альтамира и дальше всюду на Земле и ближе во времени, и сопоставить это с продолжительностью человеческой жизни, иного способа просто не существует. Не будем недооценивать возможностей нашего восприятия – мельком увиденные яркие вспышки полотен навсегда запечатлеваются в нас. На то они и великие мастера, чтобы пробуждать в нас великих зрителей.

Радостные впечатления от посещения Прадо на какое-то время отодвинули грусть предстоящей разлуки с Испанией. Наше путешествие заканчивалось. Впереди была Сарагоса, в которой мы уже совершенно механически осмотрели очередной храм, мощённую булыжником площадь перед ним и направились в Барселону.

В Барселоне мы накупили разного вина. Дальнейший его путь был таков – дома мы пригласили друзей, наша внучка и её жених разлили вино по простым пластиковым бутылкам, пронумеровав их. Список возможных вариантов из шести наименований я раздал гостям. В списке указывалась и цена напитка. Гостям предлагалось угадать название и поставить оценки по нашей, пятибалльной системе. Мы с Любой не имели никаких преимуществ в этой игре, поскольку, как и все, не знали, какое вино проходит под каким номером. Ключ теста был известен только детям. Конечно же, все мы дружно предпочли то, что подешевле. Самую низкую оценку получило вино, купленное за тридцать евро, самую высокую – купленное за пять. Так что, будете в Испании, имейте это в виду. Это было уже дома, а вот наше возвращение из путешествия имело оттенок даже драматический. В аэропорту Барселоны мы узнали, что наш туроператор, «Капиталтур», разорился, и туристов, купивших его путёвки, теперь по всему миру гонят из отелей, в самолёты не сажают, а в самых экзотических странах просто берут в заложники. Мы были последними, чьи билеты оказались оплаченными, шлагбаум с грохотом упал за нашими спинами. Признаюсь честно, никакой радости по этому поводу у нас не было, нам было крайне неприятно осознавать, что огромное количество наших соотечественников снова оказалось в беде. И так легко представить себя в их числе. А через несколько дней, уже дома, мы узнали, что вдобавок в Испании забастовали авиадиспетчеры. И снова, не трудно было представить себя в чужом, переполненном аэропорту.

Так закончилось наше пятое путешествие «За границу». По его завершении я заметил жене, что все страны, которые мы посетили, расположены на полуостровах. Турция, Индия, Иордания, Малайзия, Испания. Пять полуостровных государств.

– Это оттого, что мы с тобой родились на Абшеронском полуострове. И наши странствия по полуостровам – это, скорее всего, неосознанная попытка вернуться в невозвратное. Передвигаясь в пространстве, мы тщимся переместиться во времени. Нас тянет к месту и времени рождения в такой весьма необычной и неявной форме.

Конечно, это всего лишь совпадение, но в каждой из этих стран мы встретили черты того места, где появились на свет. Разве что за исключением Сингапура. Сингапур сам по себе, он не похож ни на один город из тех, что довелось увидеть. И ещё я вспомнил, что в советские времена, когда я точно знал: ни в какую «заграницу» в жизни не попаду, немногие счастливчики, побывавшие в Европе, в один голос советовали никогда туда не ездить – «Чтобы не расстраиваться».

Думаю, это было неправильным советом, и не вполне искренним. Из-за чего расстраиваться? Кто знает, где лучше? Возможно, живи я в Испании, я так бы и курил вечную свою сигарету, сидя на лавке у моста в городе Толедо, смотрел бы с безразличием на безликих туристов и никогда бы не узнал в одном из них своего двойника.

АТАГАМ

Родился в г. Джебраил. Окончил Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. В данный момент проживает в Северной Африке и работает ведущим специалистом в британской гуманитарной организации.
Представленные рассказы включены в книгу автора «Чёрный кот Шрёдингера», которая издана в 2021 году в Москве.

Р А С С К А З Ы

Надкусанное яблоко

Рассказ в стиле примитивизма
[Из серии «У подножия Килиманджаро»]

В пятницу родилась дочь Барути и Зури. Барути, который развозил клиентов на своем окадасе[1], бросился в роддом, как только до него дошла эта новость.

Ребенка еще не показывали Зури. По приказу акушерки, ребенок должен был оставаться сутки без матери. Зури расхаживала по палате, иногда выглядывала в окно, смотрела, как садится Солнце, ждала, когда закончится день.

Барути прислонил свой окадас к дереву догояро[2], которое росло перед родильным домом, набил карманы гравием, залез на дерево и начал кидать камни в окно палаты Зури. Зури открыла окно настежь. Увидев Барути, который скалил зубы на ветке дерева,ободрилась, улыбнулась, начала петь «Анна-анна-анна-до»[3], покачивая бедрами.

– Зури-Зури, – Барути схватил ветвь дерева одной рукой и помахал другой, потом крикнул:

– А как мы назовем нашу дочь?

– Барути-Барути, – Зури закрепила шаль, которую обернула вокруг талии, – сегодня пятница, давай назовем нашу дочь «Афиа» в честь сегодняшнего дня.

– Зури-Зури, – Барути задвигал своим телом, как во время танца пилоло[4], – мне нравится имя Афиа, пусть будет!

В субботу Зури взяла ребенка на руки и вышла к воротам роддома. Барути должен был приехать на своем окадасе и отвезти их домой, в племя Яробара, но его не было видно.

Афиа заплакала. Зури позвала мужчину средних лет, который с восхищением смотрел на нее из окна постройки охранника, где висели турканские бусы[5]. Мужчина живо подошел к Зури, поклонился, сказал:

– Мадам-мадам, меня зовут Кваме, – и стал ждать.

Зури передала ему ребенка, расстегнув перед платья, достала большую грудь, полную молока, взяла ребенка из рук охранника, начала кормить его грудью, расхаживая по двору.

---

[1] Окадас – такси-мотоцикл.
[2] Догояро – нимтри или индийская сирень.
[3] «Анна-анна-анна-до» – песня племени суахили.
[4] Пилоло – танец в быстром ритме.
[4] Туркана – племя. Турканцы, как и племена зулу и масаи, искусны в изготовлении предметов украшений.

Прошел час. Все еще не было слышно шума окадаса Барути. Зури поняла, что Барути не приедет. Она прослезилась. В момент, когда ее глаза наполнились слезами, Афиа закряхтела. Зури, глубоко вздохнув, успокоилась.

«Зури-Зури, – сказала она себе, – не плачь, ведь у тебя такая красивая дочь! Видишь, она так же красива, как ее отец Барути!»

Кваме все еще наблюдал за Зури из постройки охранника. Увидев, как Зури долго ждала и разговаривала сама с собой, он подошел к ней:

– Мадам-мадам, я вижу, что вы переполнены печалью, и на вашем лице тень скорби. Вам грустно оттого, что ваш муж не пришел?

Зури кивнула в знак согласия.

– Ох, вах, вероятно… нет, наверняка, у него возникли какие-то дела, – Кваме еще ближе подошел к Зури. – Он вообще не приедет? Я говорю вообще-вообще не приедет? – резким движением руки он нарисовал в воздухе знак «совсем».

– Я ведь не знаю. Как я могу знать? Если бы он собирался приехать, он бы уже был здесь, – пожала плечами Зури, – если он не приехал, значит, уже не приедет.

– Тогда… – Кваме сделал шаг назад, стряхнул свою одежду, проведя пальцами по жестким кудрявым волосам, сказал на одном дыхании:

– Можно тогда я буду вашим мужем, мадам-мадам? Вы знаете, мое имя Кваме, и по росту мы подходим.

Зури окинула охранника взглядом с ног до головы:

– Верно, по росту мы подходим. К тому же вы симпатичный.

Кваме дважды поклонился Зури.

– Господин-господин, – нерешительно спросила Зури, – вы будете отцом моей дочери или моим мужем?

– Я буду вашим мужем, а вы – матерью своего ребенка, – сказал охранник, как будто он заранее подготовил ответ.

Зури на мгновение задумалась.

– Хорошо, пусть так, я согласна. Куда мы сейчас пойдем?

Кваме забеспокоился. Выражение растерянности, появившееся на его лице, явно выдало его.

– Мой итамби[1] не достоин вас, мадам-мадам, а у вас нет жилья?

– Эх, господин-господин, нет у меня жилья. Я не могу пойти в дом Барути. Что поделать, давайте поедем в ваш итамби.

– Барути – ваш бывший муж, да, мадам-мадам?

– Да, моего бывшего мужа так звали. Уж очень хорошим парнем он был, но не приехал. Да пребудет с ним сила. Моего нового мужа зовут Кваме, – Зури сказала это тихо, приближаясь к Кваме до тех пор, пока тыльная сторона ее руки, которой она обнимала свою дочь, не коснулась его волосатой руки.

– Кваме, да, мадам-мадам, Кваме, добрый Кваме, сын мудрого Джоаба; он милосердный человек, трудолюбивый мужчина, у него есть одна коза, – Кваме сделал небольшую паузу. – Однажды он хотел жениться, но невеста бросила его и ушла.

Кваме хотел еще что-то сказать, но, удержав слова между губами, остановился.

Зури потерла свою руку, которой коснулась Кваме, об его волосатую руку. У Кваме загорелись глаза, он извинился перед Зури и побежал за своим коллегой. Через некоторое время Кваме вернулся с парнем, который шел рядом, потирая глаза и зевая; парень взял ключи и вошел в постройку охранника.

Кваме, забрав ребенка у Зури, шагнул вперед, и Зури радостно последовала за ним. Выйдя на дорогу, они остановили два окадаса. Позади одного водителя окадаса сел Кваме, который шалью привязал Афию к груди, а за другим расположилась Зури, и они отправились в племя Кваме, в Саритару.

---

[1] Итамби – хижина из тростника.

***

Хижина Кваме была гораздо аккуратнее, чем думала Зури. Внутренние и внешние стены были гладко оштукатурены, пол был выложен тростником и залит глиной, а не был сделан из боронованного кизяка, как в хижине Барути. В углу стояла узкая кровать-сороконожка из бамбука. На стенах висело несколько шкафов из тростника.

Кваме, оставив Зури дома с ребенком, пошел на «сидячий» рынок в конце Саритары, купил двух кур на базаре, нужные бобы для *косаи* и *функасо* на завтрак, помидоры для *туво* и *мия* на обед, лук, специи, кускус и мясо для *килиши-кябаб*.

Сердце Кваме подпрыгивало от радости. «Как хорошо тебе удалось собраться и раскрыться Зури, ах, ты, застенчивый голоштанник!» – подумал про себя Кваме, перевешивая ручку корзины с одного плеча на другое. Ему захотелось идти, подпрыгивая, но, вспомнив про кур в корзине, передумал.

Как только Кваме вернулся домой, он положил продукты перед Зури.

– Зури-Зури, ты разложи их по местам, а я покормлю козу и нагрею воду, чтобы искупаться.

Зури похвалила Кваме; сказала, что он хороший мужчина, поддерживает порядок в доме. Кваме расплылся в улыбке, опустив голову, стал ковырять землю большим пальцем стопы.

Накормив козу, Кваме поставил на огонь кастрюлю с водой. Пока вода грелась, он несколько раз обошел вокруг хижины, отделил две большие охапки тростника, которые были накрыты сухой травой. Потом стал запихивать траву в щели купальни из тростника, куда имелся вход через заднюю дверь хижины (он любил смотреть на стада зебр и гну, стекающихся к реке Мара, когда купался сам), принес кастрюлю с водой, разбавил горячую воду холодной, пока она не стала теплой, достал с крючка деревянный ковш с длинной рукояткой и банное полотенце, положил их рядом с кастрюлей.

– Зури-Зури, ты устала, зайди, искупайся.

Зури радостно подошла к Кваме, повернувшись спиной к нему, сняла с себя одежду. Кваме стал лить воду ковшом на голову, шею и плечи Зури. Она ополоснулась, завернув полотенце вокруг талии, повернулась лицом к Кваме:

– Кваме-Кваме, будь здоров, как буйвол, у тебя шелковый характер. Пусть твоя хижина не промокнет, пусть ее столбы не заплесневеют, пусть твоя коза рожает двойню каждый год, как хорошо, что я встретила такого человека, как ты, искупалась, как будто заново родилась.

Кваме обрадовался благословениям, смутился от похвалы и, чтобы сменить тему, сказал:

– Зури-Зури, ты иди, отдохни, а я пойду, приготовлю еду.

Зури зашла в хижину. Афиа спала на тюфяке, постеленном в корзине, которая стояла у изножья кровати.

Кваме снова развел огонь, наполнил кастрюлю для еды водой и поставил на очаг. Он снял кору с тростников, половину из них измерил и отрезал по длине руки, а другую половину – по длине ноги.

Зури подошла к Кваме. На ней была фиолетовая рубашка Кваме. Его рубашка была ей большой. Зури посмотрела на мужа с восхищением.

– Кваме-Кваме, сильный мужчина, неутомимый мужчина, что ты мастеришь?

– Зури-Зури, я делаю колыбель для твоей дочери Афии, чтобы она не спала на полу, ведь на кровати будем спать мы вдвоем, – перевязывая тростники веревкой, Кваме весело рассмеялся. – Я всю жизнь мечтал смастерить колыбель, – выражение его лица внезапно ожесточилось, – Зури-Зури, ты знаешь, почему я купил этих кур?

Зури спросила:

– Почему ты купил этих кур, Кваме-Кваме?

– Я дам их вождю племени, чтобы тот дал согласие на наш брак.

– Кваме-Кваме, вдруг вождь племени не согласится, тогда за кого же я выйду замуж?

– Нет, согласится, Зури-Зури, вождь племени – мудрый человек. Он очень мудрый, – Кваме, выпрямившись, встал перед Зури, – учит разуму тех, у кого ума мало, показывает путь тем, кто попал в трудное положение. Знаешь, какие красивые слова он знает?! Он говорит, что, если человек хочет знать, где он будет сидеть в старости, он должен вспомнить, где он стоял в юности. Или это, – Кваме покатился со смеху, дав себе по лицу несколько легких пощечин, перестал смеяться, – говорит, если вы женитесь на обезьяне с деньгами, деньги закончатся, а обезьяна останется.

Зури, хлопнув в ладоши, долго смеялась.

Кваме закончил плетение колыбели, привязал веревку к средней опоре и правой балке хижины, повесил колыбель на веревку, привязал к каждому углу бусины, сделанные из слоновой кости и фруктовых семян, и посмотрел на Зури.

– Зури-Зури, хочу тебе кое-что сказать, но ты не смейся.

– Скажи, Кваме-Кваме, не бойся, я не буду смеяться.

– Однажды ... – Кваме сделал паузу, высунув голову из двери хижины, проверил, есть ли кто-нибудь рядом, – Зури-Зури, однажды я захотел сделать для себя качающуюся кровать, и я сделал, но ...ты знаешь, оказывается, невозможно спать одному на такой кровати; когда качаешься, тебе все время хочется, чтобы с тобою рядом был кто-то еще. Ты понимаешь, Зури-Зури? Я разозлился и разобрал кровать.

Зури провела рукой по жестким волосам Кваме. Кваме, взяв ее руку в свою ладонь, поцеловал, быстро повернувшись, вышел из хижины.

Кваме с двумя курами, кудахчущими в его руках, засунул голову в дверь хижины и полушепотом сказал:

– Зури-Зури, мое райское яблочко, не скучай, спой песню, я вернусь до того, как ты закончишь свою песню, – и ушел.

***

Кваме вернулся домой поздно. Он был не в духе. Зури ничего не спросила у Кваме, просто встала перед ним и посмотрела ему в глаза.

– Зури-Зури, – подавленным голосом сказал Кваме, – вождь племени оказался вовсе не мудрым человеком, оказывается, он был большим дураком, главарем глупцов, а безмозглые куры, которые я отнес, были умнее него!

Зури подошла к Кваме и взяла его за руку:

– Кваме-Кваме, с мудрецов сыплется щебень, дураков умножилось, глупцов прибавилось, безмозглые захватили мир, не переживай, скажи, что случилось?

– Что еще должно случиться, Зури-Зури? – горло Кваме сжалось от гнева, он схватился руками за голову, – отец мой Джоаб верно говорил, что нос не может учуять запах гниющей головы. Вождь племени с радостью схватил кур, отправил их в курятник, вернулся, сначала сказал, чтобы мы не случались сорок дней, а потом почему-то передумал, сказал, что может позволить нам пожениться согласно старому обряду.

Зури отскочила на несколько шагов, как испуганная лошадь, закрыла лицо, раскинув волосы по нему.

– Кваме-Кваме, ведь этот обряд давно исчез, теперь люди изменились. Нет, нет! Я не хочу! Я не пойду в ложе вождя племени! – от волнения Зури присела на корточки, но быстро поднялась, – а что нам теперь делать, Кваме-Кваме? Может … – Зури осмотрела комнату, взяла висящий на стене секач и протянула его Кваме, – может, ты его убьешь?! – она потерла рукой клинок секача, – ударь его по голове тычком, он умрет.

Кваме подошел к Зури, отобрал у нее секач, убрал волосы с ее лица и поцеловал в лоб.

– Другого выхода нет, Зури-Зури, мой стройный кулик, мой розовый фламинго, иногда приходится принимать обдуманно неправильные решения в жизни, например, когда я расстался со своей невестой или, вернее, когда моя невеста уходила от меня, она встала у дверей, – Кваме пошел к двери и топнул ногой, – вот встала прямо здесь, сердито посмотрев на меня, сказала: «Кваме-Кваме, старая роженица лучше, чем молодая повитуха. Стой, где стоял, не смотри мне вслед, не иди за мной!» Я очень скучал по ней, но окончательно решил, что никогда не буду смотреть ей вслед, не пойду за ней! Ведь только слабые прикрывают свой темный зад, прислонившись к серой стене. Вот и теперь настало время принять такое неправильное, но серьезное, трудное решение, Зури-Зури, ты меня понимаешь? Старые обычаи подобны кусту тумбоа, его плоские листья выгорают, а корень остается. Но я Кваме, сын Джоаба! Я сорокалетний видавший виды мужчина, который может справиться с любой тяжелой работой, – сказал Кваме, слегка похлопывая себя по груди, понизил голос, – я расскажу тебе о самом важном уроке, который я усвоил за свою долгую жизнь, а ты запомни, Зури-Зури: боль, которую ты смог задушить, – это самая сладкая боль. Ты не терзай себя, я позабочусь об этом. – Кваме поднял секач над головой, твердо крикнул: – Хватит! Довольно! Достаточно! То есть все!

Зури отпрянула в угол хижины.

– Стало быть, ты убьешь его, а, Кваме-Кваме?! Мой лев с бурой гривой! Мой тигр с нежными полосками!

– Зури-Зури, я доведу его до белого каления, измучаю его до смерти, я не убью его сразу, я продлю его смерть до бесконечности. А знаешь, как?

Зури уставилась на Кваме вопросительным взглядом.

– Я отдам ему свою козу, пускай заткнется! Пусть треснет молча! – Кваме прошептал, как будто он раскрывал тайну.

Глаза Зури загорелись, она подошла и поцеловала руку Кваме, которая сжимала секач. Кваме повесил секач на место, сделав шаг к двери, обернулся:

– Зури-Зури, ты ведь сведуща в этих делах, не так ли? – он отвел руки назад, как сумасшедшие мзунгу[1], гребущие по реке Мара, – хочу сказать вождю племени, что ты уже прошла эти уроки.

Зури, потирая рукой живот, со смехом сказала:

– Кваме-Кваме, ты – раззява, ты голову потерял, запамятовал, что ли? У меня же дочь Афиа! Скажи вождю племени, что твоя Зури знает эти уроки наизусть!

Кваме, согласно кивнув, вышел за дверь. Он ухватился за веревку козы, привязанной к столбу, и повел ее в сторону дома вождя племени.

***

Зури, услышав шум воды, открыла заднюю дверь хижины. Кваме купался, увидев Зури, завернулся в полотенце.

– Кваме-Кваме, баобаб ты старый! Моешься холодной водой?!

– Я горю изнутри, Зури-Зури. К тому же вода нагрелась, не бойся, не простужусь. Ты согрей еду, я тоже иду.

За едой Кваме выглядел взволнованным. А Зури была очень спокойной. Каждый раз, когда Кваме втыкал деревянную вилку в мелко нарезанное мясо и подносил ее ко рту, он с любовью смотрел на Зури, проглотив мясо, говорил: «Еда сегодня получилась очень вкусной!». Каждый раз Зури отвечала Кваме по-разному: «Приятного аппетита», «Кушай на здоровье», «Смачного». После обеда Кваме убрал скатерть, сложив посуду в кастрюлю, накрыл крышкой.

– Смеркается, Зури-Зури, пойдем спать.

Зури, высунув голову из двери, оглянулась:

[1] Мзунгу – «белый человек». Название, данное африканцами европейцам.

– Кваме-Кваме, Солнце еще не село, ляжем так рано?

Кваме тоже подошел к двери, посмотрел на садящееся Солнце:

– Вот так дела! Солнце сегодня не хочет заходить, – посмотрев на Зури, он пожал плечами, засмеялся, – вот уж не знаю, я поторопился или Солнце опаздывает?

Зури, присоединившись к Кваме, тоже засмеялась.

Солнце село. Кваме сделал несколько растягивающих движений, присел на кровать, чтобы снять брюки. Плетеные бамбуковые ножки кровати скрипнули. Афиа проснулась и заплакала. Зури, достав ребенка из колыбели, покормила грудью, поменяла пеленки, сложив использованные, вышла во двор. Кваме, завязав веревку своих брюк, быстро побежал за Зури. Стояла тихая погода. Прохладный ветерок облизал лицо Кваме. И комаров было мало. Кваме, подойдя к Зури, сказал шепотом:

– Зури-Зури, ведь сорок дней – это очень много. Может, сократим? Вождь племени назначил нам сорок дней на двоих, так что каждому из нас полагается по двадцать дней.

Зури согласилась с ним:

– Да, Кваме-Кваме, отважный мужчина, благоразумный мужчина, ты прав, давай сократим. Откуда вождь племени может знать, чья нога с чьей запутывается?

Зури с Кваме вернулись в хижину. Афиа спала. Кваме приглушил свет лампы, снял брюки, нижнее белье, а когда снимал рубашку, он понял, что кровать слишком узкая и что они с Зури вдвоем в ней не поместятся. Встав перед кроватью, почесал затылок.

Когда Зури сняла с себя одежду, она увидела, что Кваме почесывает затылок.

– Ты чешешь заботы в голове, мой жеребец?

Кваме, потянув край рубашки вниз, прикрыл свое достоинство, доходящее до середины бедра, обратился к Зури:

– Зури-Зури, ведь мы не поместимся вдвоем в этой кровати, что же нам делать?

Зури подошла к кровати, проведя рукой вверх-вниз по ней, сказала:

– Давай будем спать «валетом», пока наши ноги не привыкнут друг к другу.

– Йебо![1] – Кваме ударил рукой о колено на радостях, что решение сложной проблемы нашлось так легко.

Кваме с Зури легли «валетом». Зури перекинула одну ногу через живот Кваме, а другую, согнув, прислонила к бамбуковой стене хижины.

Кваме не мог заснуть.

– Зури-Зури, – тихо сказал Кваме, чтобы не разбудить Афиу, – скажи честно, ты ведь вышла за меня от безысходности, да?

Зури не стала затягивать с ответом:

– Да, Кваме-Кваме, я очень испугалась остаться без крова с Афией на руках. Ты тоже скажи честно, если бы Кваме был Зури, он бы не испугался?

Кваме пробормотал, чтобы выбрать правильные слова, несколько раз погладил Зури по бедру:

– Если бы Кваме был Зури, он бы очень испугался, ты права, Зури-Зури.

***

Кваме не сомкнул глаз до утра.

Зури, напевая, кормила грудью Афиу. Кваме пожелал Зури светлого утра, приготовил хлебцы косаи с фасолью и положил их на скатерть. Оба съели хлебцы, не проронив ни слова. Кваме убрал скатерть, сложил несколько хлебцев в сумку, поцеловав Афиу в лоб, встал перед Зури и посмотрел на нее зачарованно:

– Зури-Зури, если тебя любит полная Луна, не обращай внимания на звезды.

[1] Йебо – «да» (на языке зулу).

– Кваме-Кваме, мой заботливый муж, – Зури потерла руку о руку Кваме, – иди, работай, зарабатывай денег, теперь в твоей семье три человека.

Шагая к стоянке окадасов, Кваме наслаждался внезапным счастьем, выпавшим на его долю, представлял Зури райским ангелом, спустившимся с небес, молился за души своих предков, живущих в облаках, деревьях и скалах. Даже когда Кваме несся по пыльным улицам, сидя за спиной водителя окадаса, он наклонял голову то вправо, то влево, считая облизывание его лица прохладным ветерком, смешанным с густым дымом, выпускаемым проезжающими машинами, благой вестью Джока[1].

В первый же день, когда Кваме вернулся с работы, ему на ум пришли слова отца Джоаба: «Победа измеряется не шагами, а пядями». Он очень радовался тому, что смог заманить в ловушку такую красивую, молодую, сладкоречивую и, что самое главное, с приплодом, газель, как Зури.

Второй день также приятно начался и приятно закончился. И на пути к работе, и когда возвращался с работы, Кваме утопал в мыслях о потустороннем мире. Он ликовал, благословлял свою судьбу, думая о том, что перед тем, как родился, он сделал правильный выбор в Раю под присмотром Ори[2].

На третий день Кваме вконец устал думать. Он быстро отогнал мысли, которые лезли в голову весь день. Правда, вопрос: «Интересно, что вкуснее: грудное молоко или козье?» – немного занял его ум перед обедом, и ему даже пришло в голову попробовать часть молока для Афии, чтобы проверить это, но, вспомнив, что отдал свою козу вождю племени, обо всем забыл.

Следующие дни прошли однообразно. Кваме, чтобы погасить свою страсть, которая иногда его щекотала, посвящал все свое свободное время изготовлению бус из рогов антилоп-гну. Каждый день, как только он возвращался с работы, первым делом вешал сделанный им набор бус на колыбель Афии.

В ночь на семнадцатый день Кваме, выскользнув, упал из постели, и Зури предложила Кваме сделать вторую кровать, но после его ответа: «Грех срезать бамбук в этом месяце, если мы срежем, у тебя не будет ребенка», – они продолжили спать «валетом».

Последние два дня показались Кваме такими же длинными, как и месяцы мучительной засухи.

За прошедшие девятнадцать дней Кваме сто раз помолился Эми[3] за то, что дышал, Оджиджи[4] – за то, что она будет следовать за ним до Рая, и в глубине своего сердца он подумал, что принесет в жертву Эледе[5] курицу с розовым хохолком в ночь, когда он соединится с Зури.

Утром двадцатого дня Кваме проснулся рано. По его телу пробежала приятная, как сок манго, дрожь, его настроение поднялось. Он стал долго гладить лодыжку Зури, осторожно поднял гладкую ногу, перекинутую через его грудь, и положил ее на кровать.

Кваме с нетерпением ждал конца рабочего дня. Сегодня он был чрезвычайно приветливым: подбегая к парам, выходящим из роддома, поздравлял их от всей души, обнимал отца, кланялся матери. У Кваме самого вибрировало между ребрами, когда он воображал, что однажды он с Зури будет выходить из этой двери. Он мечтал открыть эту дверь для Зури настежь как минимум дважды. Кваме хотел одну сестру и одного брата для Афии. Он построит отдельный итамби для каждого из своих детей,

---

[1] Джок – единство Господа и Сатаны.

[2] Ори – «голова», «мозг». Ори – Господь, контролирующий удачный и неудачный выбор человека.

[3] Эми – дыхание. Основная сила, сохраняющая человека живым. Считается, что пища Эми состоит из ветра.

[4] Оджиджи – тень человека. Согласно поверью, считается, что Оджиджи преследует своего владельца до смерти и возвращения в Рай.

[5] Эледа – ангел. Жертвенный дух.

купит много коз. Когда его сын будет кусать за ухо козлят, Кваме, услышав их блеяние, хватаясь за живот, будет смеяться до потери сознания.

В конце дня, направляясь к стоянке окадасов, Кваме подошел к старому нищему, который, уставившись в какую-то неведомую точку, стоял, как чучело, на обочине дороги, протянул ему деньги:

– Запомни меня, старик. Я – Кваме, муж Зури!

Нищий, медленно опустив свои мутные глаза, окинул взглядом Кваме, тыльной стороной руки вернул деньги, тихо сказал:

– Видишь, муж Зури? Я никак не могу умереть.

Пока Кваме думал, что ответить, старик отдалился.

Душа Кваме наполнилась горящими углями. У него занемели ноги. Он вспомнил слова отца Джоаба, когда тот был при смерти: «Смерть – неизлечимая рана человеческой жизни», у него испортилось настроение. Сев на тротуар, обхватил голову руками. Если бы знакомый водитель окадаса не коснулся его руки и не отвлек бы его от мыслей, он бы еще долго сидел. На каменной дороге Кваме слез с окадаса и зашагал к своему очагу. Когда в двадцати шагах от своей хижины он увидел черный окадас, прислоненный к дереву, он вздрогнул. Хижина потемнела в его глазах.

Кваме осторожно открыл дверь своего жилища. Зури сидела, скрестив ноги; одной рукой она качала колыбель Афии, а другой рукой гладила волосы парня, который лежал, положив голову ей на колени.

– Зури-Зури, что это за существо?! – спросил Кваме со злобой, смешанной со страхом.

– Это Барути, Кваме-Кваме, он расспросил окадасистов возле родильного дома, искал и нашел меня. Он очень устал. Говорит, что вез на своем окадасе одну городскую девушку с сорока косичками, он ей приглянулся, и они отправились жить в городе. Сначала ему понравился город, потом надоело, и он вернулся. Теперь мы вместе.

– Зури-Зури, а что теперь делать бедному Кваме, сыну Джоаба?!

Зури промолчала.

– Этот человек останется с нами, Зури-Зури? – растерянно спросил Кваме.

– Не знаю, Кваме-Кваме, я тоже думаю об этом. Ты умный мужчина, может, ты скажешь?

Кваме задумался. Он несколько раз глубоко вздохнул, покачал головой, стиснув зубы, сказал:

– Ладно, пусть проснется, я задам ему сложные вопросы, если он ответит, мы все втроем будем жить в одном доме, если нет, уйдет в свое племя.

Зури потрясла Барути. Барути открыл глаза, сел, лениво подперев руку об пол, уперся лбом в колено. Кваме смерил его пытливым взглядом и стал ходить вокруг.

– Барути-Барути, – злобно сказал Кваме, – ты ведь потерял Зури, а я нашел, что тебе теперь от нас нужно?

Барути стал тереть глаза:

– Я не терял, она сама потерялась.

– Ты не умеешь ценить то, что имеешь! – Кваме повысил голос, – ноги Зури уже привыкли к моим. Встань, убирайся к той городской девушке, с которой ты сошелся.

Барути зевнул:

– Мне не понравилась городская еда.

Безразличие Барути привело Кваме в еще большую ярость.

– Ты женился, у тебя родилась дочь, ты оставил жену с дочкой в роддоме и сбежал. Ты не понимаешь, что такое семья! – Кваме ударил Барути ногой, – скажи-ка мне, ты зачем женился?

Не поднимая головы с колен, Барути приподнял платье Зури, засунув руку ей между бедрами, равнодушно сказал:

– Я женился, чтобы эта убулили[1] была всегда у меня под рукой.

Зури расхохоталась, потянула Барути за ухо.

– Убери руку! Эта убулили уже моя, – Кваме замахнулся на Барути.

Зури успокоила их. Она достала из сумки два яблока, протянула одно Барути, а другое – Кваме:

– Не деритесь, похрустите яблоками. Помните, наши покрытые мхом священные камни, деревья, которые, взмахивая крыльями, разговаривают с нами, говорят, что если в доме двое мужчин и одна женщина, последнее слово за женщиной. – Зури вытащила две спички из спичечной коробки, показала сначала Кваме, а потом Барути, – смотрите, я отломаю ножку одной из них, кто вытянет длинную спичку, тому сегодня ночью и достанется моя убулили.

Зури встала, поднесла спички к глазам Кваме. Кваме, нерешительно потянув руку к спичкам, быстро отдернул ее:

– Зури-Зури, я люблю тебя!

Зури, приблизив спички к кончику носа Кваме, сказала резким тоном:

– Кваме-Кваме, теперь не время для поэзии, потяни спичку!

Кваме несколько раз протянул руку к спичкам, наполнив грудь воздухом, выдохнул, вытянул одну из спичек. Ни то, что Кваме вытянул короткую спичку, ни слова Зури, высказанные с очевидной радостью: «Сегодня ночью хозяин моей убулили – Барути!» его не обидели, его сердце разбилось вдребезги, когда он, прибираясь в комнате, нашел вторую сломанную спичку, которая валялась рядом с кувшином.

Кваме приготовил ужин с неохотой. Когда же зашел в хижину, чтобы взять шумовку, он еще больше расстроился, увидев, как Зури и Барути целуются.

Барути и Зури легли в постель, пощипывая друг друга. Кваме лег, постелив себе на полу, около колыбели Афии, с отвращением повернулся спиной к кровати, движением своего тела показывая лежащим в кровати, что ему все равно, кто лежит снизу, а кто сверху. По мере того, как скрип сороконожки, кряхтение Барути, стон Зури становились громче, Кваме еще сильнее раскачивал колыбель сладко спящей Афии, пытаясь заглушить звуки, которые его мучили, шумом качающихся бус.

Барути и Зури закончили свои дела. Барути, поднявшись с кровати, зажег трубку, с пренебрежением прошел мимо Кваме, который нервно постукивал пальцами по стене. Постояв у двери хижины без одежды, Барути сделал несколько затяжек трубкой, снова вернулся в кровать и лег вместе с Зури «валетом».

Утром Кваме проснулся усталым; все мышцы ныли. Его душа онемела, в глазах погасли последние проблески надежды. Зури встала, оделась, поздоровавшись с Кваме сквозь зубы, порылась в своей сумке, достав с полки деньги, отправилась на рынок. Барути слегка похрапывал. Кваме вышел за Зури, предложил ей помощь, но Зури, помахав рукой, велела ему вернуться.

Кваме долго возился в хижине: то подошел к Барути, то посмотрел на колыбель Афии, то высунул голову из хижины в сторону, куда направилась Зури. Снял брюки, завязал узлом концы каждой штанины отдельно. Высунув голову из двери хижины, еще раз огляделся вокруг, удостоверившись, что все тихо, осторожно подошел к кровати. Он перекинул одну штанину брюк через грудь Барути, выхватил ее из-под кровати, собрал концы в правую руку. Положил левую руку Барути, которая свисала с кровати, между своими ногами, левой рукой схватил его правое запястье. Быстрым движением правой руки он переместил брюки на лицо Барути, закрыл ему рот и нос, изо всех сил потянул концы штанин. Барути стал метаться, пытаясь встать, откинув ногу, постучал по стене хижины, но Кваме своими сильными руками не дал ему встать. Кваме всей тяжестью навалился на Барути и стал ждать. Афиа, проснувшись на хрип Барути, заплакала.

[1] Убулили – вагина, «занятие любовью».

На лбу Кваме выступили капельки пота. Каждый раз, когда капли пота, как крупные капли ложного летнего дождя, падая на лоб Барути, разбрызгивались, Кваме казалось, что стирается очередная буква текста судьбы, написанная на его лбу.

По мере усиления воплей Афии Кваме еще крепче стягивал концы брюк, еще сильнее прижимался грудью к лицу Барути.

Барахтанье Барути медленно прекратилось, он в последний раз согнул и выпрямил ноги, руки расслабились, тело полностью обмякло. Кваме осторожно ослабил руку, вытянув ногу, покачал колыбель Афии. Как только Кваме убедился, что Барути отдал свою жизнь Джоку*, он поднял одеяло, упавшее на пол, плюнув на тело Барути, накрыл его одеялом, развязал узлы своих штанин, стряхнув их несколько раз, надел. Чтобы отвлечься, он присел и стал толочь соль в ступе.

Зури вернулась с рынка в приподнятом настроении, напевая песню «Анна-анна-анна-до», она вошла в хижину, поставила покупки перед Кваме.

– Кваме-Кваме, ты еще сердишься?

Кваме не ответил.

Зури бросила взгляд в сторону постели:

– Барути еще не проснулся?

– Нет, не проснулся, видимо, ночью уголь разгружал, – с ощутимой злобой ответил Кваме, не упомянув имени Зури.

Зури подошла к Кваме, потерла тыльной стороной руки его лицо.

– Ну, что ты дуешься, поджимаешь горько губы, не расстраивайся, если тебе повезет, если вытянешь длинную спичку, сегодня вечером моя убулили будет твоей.

Кваме бросил гневный взгляд на Зури, хотел было сказать, что на этот раз проверит спички, но проглотил слова и вместо этого сказал насмешливым тоном:

– Мне обязательно повезет!

Зури с жеманством ответила на уверенно произнесенные им слова:

– Посмотрим, Кваме-Кваме, везунчик, только убулили может знать это.

Зури начала разделывать мясо.

В дом влетело несколько слепней. Зури пару раз, приблизив к носу мясо, понюхала его, начала поносить мясника.

Количество мух в хижине увеличилось. Зури, схватив одну из пеленок Афии, начала прогонять их. Она вышла, чтобы помыть мясо во дворе, когда вернулась, зажав нос, накричала на Кваме:

– Что за вонь, Кваме-Кваме, это от тебя так несет?

Кваме тихо сказал:

– Я совершенно чист, запах исходит из твоей души.

Зури поворчала. Подойдя к кровати, ласковым голосом позвала Барути:

– Барути-Барути, красавец, ну-ка просыпайся, пора завтракать, не оставайся голодным.

Барути не издал ни звука.

– Отцы девочек не должны спать так много, – бросил, как бы между прочим, Кваме.

Зури несколько раз шлепнула Барути по ноге, чтобы разбудить его.

– Кваме-Кваме, Барути не просыпается, может, ты его разбудишь?

Кваме не двинулся с места. Он еще сильнее стал колотить по ступе. Немного спустя Зури снова подошла к кровати, позвала Барути:

– Барути-Барути, симпатичный парень, проснись, ты воняешь, как гиена, иди, искупайся. – Зури потрясла его несколько раз. Увидев, что тот не двигается, зажала нос Барути, заметив, что он снова не реагирует, попятилась назад.

– Кваме-Кваме, кажется, Барути не дышит.

Кваме заговорил с прежним равнодушием:

– Может, он умер?

– Нет, не умер. Зачем ему умирать? Он не может умереть! – уверенно сказала Зури, – просто не дышит, – она несколько раз слегка шлепнула Барути по лицу, увеличила силу ударов, осознала, что Барути мертв, – кажется, он действительно умер, Кваме-Кваме. Несчастная я!

Кваме, вскочив с места, подошел к Зури, подержал ее за руку.

– Почему ты несчастная, Зури-Зури, а я на что, разве я дерево баобаб?!

Зури прижалась к Кваме. Кваме обнял ее.

– Что мы будем делать, если он умрет, Кваме-Кваме?

Кваме поцеловал ее в открытые плечи, шею и уши:

– Если умрет, похороним.

***

В полночь Кваме с Зури завернули Барути в одеяло, отнесли труп к тростнику, закопали его в одной из двух ям, которые вырыл Кваме. Немного отдохнув, Кваме взял окадас Барути, отнес в тростник, закопал его во второй яме.

Кваме, прислонившись к стене, вытянул ноги. Зури опустилась на колени перед Кваме. Посмотрев друг другу в глаза в тусклом свете лампы, долго молчали.

– Кваме-Кваме, – Зури захватила ноги Кваме своими коленями, засучив подол платья до пояса, она на коленях подползла к Кваме, расстегнула его брюки, села ему на колени, обняла его бедрами, – кто я теперь? Как ты меня назовешь?

– Ты... – Кваме, закрыв глаза, застонал от удовольствия, – ты – Зури, у которой бывший муж в тростнике, дочь в колыбели, чей муж – Кваме, сын мудрого Джоаба, та, которая получила душу у Ори.

Зури, схватив Кваме за плечи, притянула к себе, заснула ему в рот грудь, из соска которой капало молоко, тяжело дыша, спросила:

– А кто ты, Кваме-Кваме?

– А я, – сказал краем рта Кваме, посасывая грудь Зури, – я – Кваме, который прожил сорок лет без матери, получивший душу у Джока, я – муж Зури, отец Афии, Зури-Зури.

Тунис, 2019

Палестинец и воробьи

[«Соколы» заплатили за воробьиные гнезда двойную цену и выжидали сорок лет. В конце сорокалетнего срока началась трагедия воробьев]

Абан Муаззин, набрав в легкие горький дым бахрейнского табака, тыльной стороной запястья отодвинул угасающие угли в пепельницу кальяна. Выдохнув горечь табака в засохшие цветы перед окном, он взглянул на силки, расставленные им у финикового дерева. Угодивший в силки воробей, барахтаясь в горячем песке, совсем выбился из сил и, наконец, сдался: он смотрел в небо, раскрыв клюв.

Абан Муаззин осторожно накрыл воробья смастеренным им из старого сита сачком и через отверстие в сетке извлек его наружу.

– Десять шекелей тебе обеспечены, агджа! – хором закричала ребятня, с крыши следившая за тем, как Абан Муаззин ловит птиц.

Тот, подобно «кобрам»[1], пикировавшим с моря во время битвы Аль-Фурган[2],

[1] «Кобра» – многоцелевой самолет-истребитель F-16. Официальное название: «Боевой Сокол». Из-за ловкости пилоты называют его «коброй» (viper).

[2] Аль-Фурган (Критерий, Прозорливость, Различение) – 25-ая сура Корана. Война в Газе, называемая Израилем «Операция «Литой Свинец», а Палестиной «Геноцид в Газе» или «Война Аль-Фурган», имевшая место в период с 27 декабря 2008 г по 18 января 2009 г.

поднял птицу над головой, затем, шагнув в сторону тростникового забора, проделал «мертвую петлю» на том самом месте, где осколок кассетной бомбы попал прямо в живот Айиши, когда та была на седьмом месяце. Похоронив свою Айишу вместе с не рожденной дочкой, Абан Муаззин покрыл голову куфией и надел сауб (*длиннополая арабская мужская одежда*). Его сауб всегда был чистым и белоснежным, поэтому вся Газа от мала до велика называла его «агджой».

До истечения сорока дней по Айише жители Газы с болью наблюдали, как Абан Муаззин, завидев любого летящего воробья, принимал его за «кобру», ударяя ладонями и крича, носился за ним, как неразумное дитя. Но уже на следующий день сочувствие сменилось насмешками. Завидев Абана Муаззина, многие женщины веселились, люлюкая загрутой[1].

Поклонившись ребятне, радостно подпрыгивающей и кричащей на крышах, Абан Муаззин запустил воробья в птичий домик, подвешенный в тенистой части балкона. Обитатели клетки встретили гостя приглушенным чириканьем.

Абан Муаззин вышел из лагеря беженцев Джабалья[2], где каждый день был эхом вчерашнего, и зашагал по дороге к Газе. Местная скучающая детвора, как всегда, бросилась вслед за ним с шумом-криком: «Живой!», «Мертвый!», «Давай поспорим, агджа!» Дети бросали камушки в железную клетку за его спиной.

Чтобы сберечь своих птиц, Абан Муаззин снял с головы куфию и накрыл ношу. Самые дерзкие догоняли его и, дернув за подол сауба, отбегали, а он останавливался, грозил им и снова продолжал свой путь.

Все знали, сколько воробьев было сегодня у него в клетке: в будни всегда два воробья, а в джуму – пять. Каждый воробей приносил Муаззину десять шекелей. Недельного заработка хватало на питу, хумус, табак и кофе.

Луай Абдуллах частенько предлагал ему фалафель, но он каждый раз отказывался, отстраняя его руку со словами «Я сыт».

Поселенцы догадывались, куда ходил Абан Муаззин: посетители огороженного камышом с трех сторон кафе «Барадайс Кахве ва Истираха» всегда отличались щедростью. Даже если они и не заключали пари, владелец кафе Джемаль Атамнех никогда не отпускал его с пустыми руками.

Войдя в Газу, Абан Муаззин остановился у прилегающих друг к другу вдоль дороги одноэтажных нештукатуренных лавок. Все они, кроме парфюмерной лавки Луайа Абдуллаха, уже были закрыты. Вспомнив, что сегодня джума, Абан Муаззин осмотрелся, нет ли поблизости Канаана, сына его друга рыбака Ала'а.

Все в Джабалье были уверены о гибели Ала'а; все, кроме Канаана. В позапрошлом году, еще до того, как от разорвавшейся вблизи звуковой бомбы у Канаана от испуга отнялся язык, кто-то (по слухам, это был Луай Абдуллах) проболтался ему о смерти отца. Канаан бросился домой, схватил Коран, который отец, завернув в иорданский бархат, хранил внутри шахматной доски на холодильнике, и стремглав кинулся в дом Абана Муаззина.

Под прицелом любопытствующих взоров соседей, выглядывающих из-за забора, тот вымыл и насухо вытер руки. Положив правую на Коран, Абан Муаззин громко произнес: «О, Канаан, сын Ала'а, клянусь: когда взорвавшийся снаряд перевернул нашу лодку, я видел только, что твой отец упал в море. Но клянусь: я не видел его мертвым».

Канаан прижал Коран ко лбу и трижды поцеловал его, затем аккуратно завернул его обратно в бархат и степенными, как у имамов Аль-Акса, шагами направился домой.

---

[1] Загрута – (произносится так же, как загротах, загруута, загаре(и)т) – улюлюкать (издавать звук быстрым движением языка). Веселый звук, издающийся арабскими женщинами на свадьбах, праздниках.

[2] Лагерь беженцев Джабалья – находится в губернаторстве Северной Газы, в 3-х км к северу от города Джабалья.

С этого дня в Джабалье Канаан, здороваясь, кланялся только Абану Муаззину, которого в лицо все называли «агджа», а за спиной – «чокнутым».

Все свободное от поручений хозяина Луайа Абдуллаха время Канаан проводил возле оливкового деревца, посаженного им позади парфюмерной лавки. Каждый день он обильно поливал его водой, таская ее со двора мечети. Это дерево приносило Канаану много хлопот из-за металлических поминальных листочков на его ветках.

Многочисленным упрекам длиннобородых поселковых мужчин и женщин с подведенными сурьмой глазами, одетых во все черное, Канаан не придавал особого значения, но открытая угроза, исходящая от имама мечети Аль-Кабир и от главы «сопротивленцев»[1] , его пугала. Только Абан Муаззин и парфюмер бахаист Луай Абдуллах с пониманием относились к тому, что Канаан развешивает на ветках деревца тонкие пластинки с именами жителей Газы, убитых кадимистами[2] и ликудистами[3], бывшими заодно с «сопротивленцами» и «освободителями»[4].

Луай Абдуллаха и Абан Муаззина не раз видели стоящими у оливкового дерева со скрещенными на груди руками под тихий мелодичный звон металлических поминальных листочков, задевающих друг друга при слабом дуновении ветра.

А в прошлом году в ночь на Рождество три женщины в черном одеянии тайком оплакивали поминальный листочек, покрывая его поцелуями.

В день, когда, погребя под завалами четырех мужчин, обвалился туннель в Рафахе, Канаан подслушал, как парфюмер шептал агджи, что поминальные листочки зловеще скрежетали в час вторжения израильских танков в земли Газы.

Абан Муаззин побаивался сверлящего взгляда Канаана и был рад, что не встретил его сегодня. Как обычно, подняв с песка ракушку, он бросил ее в окно Луайа Абдуллаха. Парфюмер поднял голову, отложив газету «Аль-Айям»[5] в сторонку, и приветственно помахал ему рукой.

Воробьи уже не чирикали, при каждом шаге Абана Муаззина они взмахивали крылышками, чтобы удержаться на спицах. Внезапно перед ним возник Канаан с кувшином в руке. Глаза его были полны слез. Канаан, поклонившись, указал на прибрежные скалы. Там не было ничего особенного: только беспрестанно бьющиеся о камни и опадающие волны да два стервятника, поклевывающие друг друга из-за падали. Абан Муаззин погладил Канаана по голове, поцеловал его в лоб и направился дальше к городу.

Обычно, когда он сворачивал с каменной дороги направо в сторону кафе, хозяин Джемаль Атамнех сам встречал его. Но не сегодня: Джемаль был мрачнее тучи. Бросив сквозь зубы «сабахаль-нур», он указал Абану Муаззину на пустую табуретку в углу. Из радио лилось нытье Файрузы «Бектоб эсмак, йа хабиби». Джемаль Атамнех, убавив звук, сел напротив Абана Муаззина. Помешал кофе в кофейнике и налил ему в чашечку.

– Абан Муаззин, хабиби, – произнес он и ногой задвинул клетку далеко под стол, – утром приходили «сопротивленцы», тебя спрашивали, ругались, что заключать пари запрещено шариатом. Будь осторожен, о Абан, они были очень агрессивны!

---

[1] «Сопротивленец» – короткое название «Исламского движения Сопротивления» ХАМАС (Harakat al-Muqāwamah al-İslāmiyyah – HAMAS) в простонародье. Слово «Хамас» на арабском означает «трудолюбие», «упорство». Организация была создана 15 декабря 1987 года на базе египетской организации «Братья-Мусульмане». С 2007 года управление Газы находится в руках ХАМАСа.

[2] Кадима – «Вперед». Центристско-либеральная партия Израиля.

[3] Ликуд (HaLikud) – «Единство». Ведущая центристско-правая политическая партия Израиля.

[4] «Освободители» – партия ФАТХ (именуется так же, как Фатах и Фатех), основанная Ясиром Арафатом, и являющаяся самым большим ответвлением Организации освобождения Палестины, считающейся конфедерацией политических партий в Палестине. Настоящий президент – Махмуд Аббас (Абу Мазан).

[5] «Аль-Айям» – газета, выпускаемая на арабском в Рамаллахе (Палестина).

Абан Муаззин знал о запретах шариата. Еле шевеля губами, беззвучно произнес свое привычное «мафии мюшкила»[1]и, слегка похлопав по спине Джемаля, вышел из кафе, прихватив за ручку клетку.

Легкий бриз возвращал на берег вонь стекающих в море нечистот. Абан Муаззин стоял спиной к морю. После того, как два рыбака и лодка на его глазах утонули, он смотрел на море только краем глаза, и то лишь затем, чтобы угадать погоду на завтра. Он боялся разглядеть в море кровь друга Ала'а.

***

Одновременно с усилением звука полуденного азана с мечети Аль-Кабир выключилось электричество. Азан, записанный на магнитофон, успел выдать «Аллаху-Акбар» и замолк. Генераторы включились с грохотом. Звук азана, слившись с черным дымом генераторов, проник в глубь Газы.

Двое пожилых мужчин прошли мимо Абана Муаззина, горячо споря о казино «Оазис» Арафата[2] , но вдруг вернулись. Один из них поднял ладонь, на которой лежали пять шнекелей[3], к лицу Абана Муаззина:

– Поиграем?

Абан Муаззин вытащил из клетки воробья, крепко зажав в ладони. Голова и хвост воробья были видны. Абан Муаззин смотрел на соперника.

– Мертвый! – весело произнес тот.

– Нет, живой!

Мужчина взглянул на друга и осклабился, щелкнув по носу Абана Муаззина:

– А я говорю – мертвый!

– Жи-и-воой!!! – во все горло закричал Абан Муаззин.

Ребятня, гонявшая мяч на берегу, в один миг окружила спорящих.

Глянув на смеющихся довольных детей, игрок хлопнул по руке Абана Муаззина:

– Если живой, открывай, посмотрим.

Как только Абан Муаззин разомкнул пальцы, воробей, быстро захлопав крылышками, взлетел в сторону моря и, сделав полукруг, устремился к мечети Аль-Кабир. Дети, подпрыгивая от радости, весело кричали.

Проигравший по одному бросил все пять шнекелей на песок. Абан Муаззин, благодаря его, поднял с земли монеты, почистил, сдув с них пыль, и положил в уголок клетки.

Солнце уже клонилось к Ашдоду. Четыре воробья, принеся сорок шекелей дохода, улетели к своим гнездам, запах которых они еще не успели забыть. Абан Муаззин присел в тень передохнуть.

Поскольку желающих заключить пари больше не было, он открыл клетку и достал последнего воробья. Закрыв глаза, он повернулся в сторону моря. Произнеся: «Лети к своим сородичам, пернатый!», он поднял воробья над головой, собираясь его отпустить.

– Что, кончились твои игры, Абан Муаззин?! – кто-то цепко схватил его за руку.

---

[1] Мафии мюшкила – ничего, не проблема (на арабском).

[2]Арафат – Ясир Арафат (4 августа 1929 г. – 11 ноября 2004 г.). Полное имя: Мухаммад Абд ар-Рахман Абд ар-Рауф Арафат аль-Кудва аль-Хусейни. Известен под именем Абу Аммар. Основатель организации Движение национального освобождения Палестины (Harakat al-Tahrir al-Vatani al-Filastini – FATH). В 1994 году был удостоен Нобелевской премии мира. Ясир Арафат известен в Палестине как общенациональный лидер, а в Израиле как террорист. Казино «Оазис», открытое им между Аль-Гудсом (Иерусалим) и Мертвым морем вызвал большой резонанс в Исламском мире.

[3] Шнекель – так в простонародье называют железную монету в 2 шекеля. Слово «шнекель» образовалось путем соединения слов «шнаим» (два) и «шекель».

Он открыл глаза. Перед ним стояли толстый парень в темной рубашке с густой черной бородой и седобородый мужчина с мохнатой шевелюрой. Абан Муаззин сто раз мысленно представлял встречу с «сопротивленцами» именно так.

– Нет, еще не закончилась, – ответил он с дрожью в голосе.

Толстый достал из кармана купюру в сто шекелей и потряс ею перед глазами Абана Муаззина.

– Шекель говорит, что живой, – скривился он в усмешке, – а что ты говоришь?

Абан Муаззин хотел сказать «Да, живой» и раскрыть ладонь, но, заметив блеск серебряного приклада пистолета на поясе толстого, испугался проигрыша в сто шекелей и прошептал:

– Нет, мертвый.

Из заднего кармана брюк толстого появилась еще одна сотня:

– Что теперь скажешь? Я говорю – живой!

– Был живой, – Абан Муаззин заморгал глазами, – летал, садился на ветки…находил червячков и относил своим птенцам… но теперь умер…, уже умер, давно умер…

Абан Муаззин, все еще сжимая ладонь, протиснул средний палец под крылышко птахи и медленно надавил на ребрышки. Воробей чирикнул и, потянувшись, слабыми когтями царапнул ладонь Абана Муаззина. Из клюва высунулся дрожащий язык.

– Что?! Мало, идиот?! – толстый вытащил еще несколько сотен и, положив друг на друга, свернул их в трубочку и швырнул прямо в лицо Абана Муаззина, – на, возьми, прислужник евреев! Лови себе воробьев, сколько хочешь! Купи себе сокола!

Абан Муаззин молчал.

Толстый, злобно плюнув на клетку, повернулся к нему спиной. Седобородый сгреб ногой брошенные на землю сотни, присыпав сверху горкой песка, чтобы их не сдуло ветром.

Все сильнее сдавливая тонкие ребрышки воробья, Абан Муаззин не понимал, чье же это усиливающееся сердцебиение, его или воробья, грохотало в висках. Стиснув зубы, он, что было сил, сжал пальцы. Мозг его гудел. Его ладонь стала мокрой.

– Не горюй, Абан Муаззин, мы еще не видели воробья, который умер бы своей смертью, – сказал седобородый, хлопнув его по спине. И оба «сопротивленца» направились к ожидавшему их серому внедорожнику.

***

Увидев Абана Муаззина, входящего в мечеть Аль-Кабир, верующие удивленно переглянулись. Водой из сосуда, стоящего во дворе мечети для свершения дастамаза, Абан Муаззин смыл с сауба смешанное с кровью зеленое пятно. Затем, сложив все стошекелевые купюры в ящик для пожертвований, снял обувь.

Вечерний намаз уже завершился, а Абан Муаззин все продолжал стоять, прислонившись к стене. Он что-то бесконечно бормотал себе под нос. По шевелению его губ можно было разобрать еле слышное повторяющееся «Илахи».

***

До лавки Луайа Абдуллаха оставалось совсем немного. Мчащиеся навстречу машины мигали фарами и сигналили, чтобы Абан Муаззин сошел с дороги. Иные съезжали на обочину, уступая ему путь. Внезапно Абан Муаззин вздрогнул от окурка сигареты, брошенного ему в лицо. Толстый и седобородый расхохотались и прибавили газу. Абан Муаззин раскашлялся от поднятой ими пыли. «Мафии мюшкила», – бормотал он им вслед, потирая обожженное окурком лицо.

Абан Муаззин заглянул в окно парфюмерной лавки. Луай Абдуллах дремал, прислонив голову к стене. Как только дверь приоткрылась, с коленей Луай Абдуллаха слетела на пол фотография, с которой улыбался Луай Абдуллах, обнимая мать Канаана, красавицу из Ханюниса Гаду Жарбо.

Абан Муаззин поднял снимок и тихонько положил его на стол.

Канаана он разыскал за лавкой. Поджав ноги, скрестив руки за спиной, тот сидел возле срубленного под корень оливкового дерева.

Абан Муаззин сел напротив. Канаан медленно поднял лицо. Как же его выражение напоминало лицо Айши, которая, обхватив руками разорванный осколком бомбы живот, громко простонала: «Абан, они убили нашего малыша!»

Абан Муаззин молча сидел рядом с Канааном, пока тьма совсем не сгустилась и не разбудила сон. Медленно встав, он перевернул клетку вверх дном и отрешенным голосом произнес: «Сын Ала'а, Аллах простил, и ты прости».

***

На другой день мужчины в кофейнях Джабальи беспрестанно благодарили Аллаха.

– Если бы Аллах не сотворил здесь столько песка, – говорили они, – вовек не потушить бы нам огонь, он охватил бы весь поселок. Все бы сгорели дотла».

А соседские женщины нашептывали, что перед утренним азаном целая стая воробьев и пара стервятников долго кружились над пепелищем на месте дома Абана Муаззина.

***

Рядом со срубленным оливковым деревом Канаан посадил новый саженец. И при тихом дуновении ветра листочек его отца Ала'а зовет поминальным напевом листочек друга Абана Муаззина.

Газа, Палестина, 2009

Ойджонби

Я познакомился с Тимурчином Бабакуловым во время командировки. Утром он забрал меня из гостевого дома узбеков и отвез в управление, где работал водителем. С желтоватыми редкими усами, желто-коричневой бородой, с чрезмерно выпуклыми чертами лица, которые придавали ему саркастическое выражение, он напоминал персонаж картины Перова «Охотники на привале». Если он попадал в затруднительное положение, то непременно соединял указательный и большой пальцы и щелкал по козырьку круглой коричневой кепки.

В пути Бабакулов говорил о местных лугах, о полных кабанов лесах и о девушках, которые, «теряя сознание», падают на кровать, когда им сжимают мизинец. С особой гордостью он рассказывал о том, как каждую субботу отправляется в лес Хавалуджа охотиться на кабанов.

Из-за необходимости осмотра систем питьевой воды, построенных нами в отдаленных кишлаках, Бабакулов стал моим попутчикам на несколько дней. Частенько, слушая его рассказы об охоте на кабанов, я задавался двумя вопросами. Во-первых: «Тарзобцы – строгие мусульмане. Их тошнит от одного только упоминания кабанины. Будь Бабакулов женат, я бы предположил, что он добывает так много мяса для своих домочадцев или хранит его про запас в зимнем кувшине. А что же он делает с трофеем?» Второй вопрос был более сложным: «Если рядом с Тарзобом, всего в часе езды, есть лес, полный кабанов, почему же Бабакулов ездит именно в Хавалуджу, которая расположена в четырех часах езды по горной каменистой дороге?» Я никак не мог найти логичных ответов.

На первый мой вопрос Бабакулов ответил просто: «Я охочусь, приношу добычу и продаю на военной базе русским офицерам по сто рублей за килограмм». На второй же вопрос он лукаво улыбнулся и подмигнул: «Пойдем, сам увидишь...»

***

Мы добрались до Хавалуджи к полудню. У подножия кишлака, состоящего из семи домов, Бабакулов остановил свой ГАЗ-69, чтобы купить подсолнечное масло в передвижном магазине, размещавшемся на повозке с мулом. Не дожидаясь моего вопроса, он пояснил: «Надоели мне скрипучие двери, я их смажу».

В Хавалудже мы остановились у знакомого Бабакулова Абдужабор-ака. С ловкостью опытного охотника Бабакулов выпрыгнул из припаркованной у дома с пристроем машины и, приговаривая приветствия, с распростертыми объятиями подошел к Абдужабор-ака. Они, обнявшись, поцеловались, как настоящие азиаты, не отвечая на вопросы друг друга, долго справлялись о настроении и самочувствии. Бабакулов кивнул в мою сторону и сказал:

– Мой гость, привез его на кабанью охоту.

Абдужабор-аке было больше семидесяти лет, но он выглядел очень бодрым. Во дворе его дома из соломенного кирпича с балконом и двумя комнатами кипела жизнь: пчелиные улья, гуси, козы.

Абдужабор-ака, задвинув назад аракчин[1] с мелкими бута[2] , протянул мне руку. Долго ругая кабанов и жалуясь, что каждый год они портят несколько тонн фруктов, он повел меня к задней части дома. Когда мы проходили мимо могил двух мужчин и женщины, он, не поворачивая головы, вытянул к ним руку и прошептал:

– Наши.

Произнеся:

– Пусть Аллах помилует их, – я повторил за ним салават[3], как тар[4] сопровождал кяманчу[5].

Мы стали у родника, аккуратно вымощенного речными камнями с четырех сторон. Абдужабор-ака, заслонив глаза рукой, указал на фруктовый сад, простирающийся до леса:

– Эти проклятые кабаны вваливаются ночью стадом, не оставляют ни одного целого дерева. Если бы не этот татарский парень, дай Аллах ему долгой жизни, не приходил и не охотился, у меня на руках не осталось бы ни одного и гнилого ореха.

Бабакулов, дымя сигаретой, подошел к нам и присоединился к беседе:

– Если б ты знал, какое это вредное животное! Они переносят нечистоту во рту, точно, как зловредные соседи.

Вернувшись во двор, мы достали из машины наше охотничье снаряжение: винтовки, черную ночную одежду, фонари. Когда я взял подсолнечное масло, Бабакулов, прищурив карие глаза, слегка улыбнулся:

– Это – мое.

Абдужабор-ака, просунув голову в дверь пристройки, крикнул:

– Эй, дитя, Ойджонби, подай чай гостям, принеси горячую воду, чтобы помыть им ноги.

Из пристройки вышла девушка с большими голубыми глазами. Она была покрыта зеленой чадрой, украшенной белыми бута, по краям которой свисали красные помпоны. Девушка, поздоровавшись с нами сквозь зубы, прошла в дом, принесла и поставила на топчан две пиалы, блюдце с кусковым сахаром вперемешку с изюмом и очищенными фисташками, и снова проскользнула в пристройку.

Немного спустя, она пришла, держа в руках свернутый плетень, ковш, ведро воды. Расстелила плетень на полу. Бабакулов, сняв носки, положил ноги на плетень.

[1] Аракчин – мужской головной убор: шапочка типа тюбетейки.

[2] Бута́ – миндалевидный узор с заострённым загнутым верхним концом.

[3] Салават – (араб. صَلَوَات – благословение) – молитва, произносимая во время намаза.

[4] Тар – струнный музыкальный инструмент.

[5] Кяманча́ – струнный смычковый музыкальный инструмент типа лютни с длинной шейкой.

Ойджонби, подобрав подол ситцевых шаровар в желто-красный цветочек, села на корточки перед Бабакуловым и начала одной рукой лить струей воду, взятую ковшом из ведра, а другой рукой мыть его ноги.

Я с интересом, смешанным с растерянностью, наблюдал за тем, как Ойджонби старательно, от всей души, массажируя, мыла ноги Бабакулова, и как Бабакулов охал от наслаждения. Я подумал, что Ойджонби и Бабакулов были близкими родственниками.

Ойджонби вытерла досуха ноги Бабакулова полотенцем, надела ему носки, захватив ведро, направилась к пристройке.

Бабакулов заметил, что я смотрю на Ойджонби украдкой, щелкнул по козырьку круглой кепки и поднес рот к моему уху:

– Это птица времен рогатого Искендера[1]. Не заглядывайся, не дает. Уже как шесть месяцев кружусь вокруг нее, не могу спустить ее с ветки, где она сидит.

– А что, она доверяет ветвям дерева или своим крыльям? – спросил я его с насмешкой.

– Ветку я уже сломал, в одну из ночей сломаю и ее крылья, – Бабакулов быстро собрался, как человек, который обронил что-то неподобающее. – Не этой ночью, конечно, еще рано, как говорится, «айва еще не полностью созрела».

Ойджонби вернулась с ведром, полным воды, подошла и встала рядом со мной.

– Проходи, садись, пусть Ойджонби помоет и твои ноги, – Абдужабор-ака, внезапно появившись сбоку, хлопнул рукой по моей спине.

Я содрогнулся от неожиданности:

– Мои ноги?! Зачем?!

Все трое засмеялись от души.

– Нет, ноги у меня чистые, я утром мылся. Если мне нужно будет помыться, вон, я помою у родника.

Бабакулов преградил мне дорогу, когда я направился к роднику:

– Не выдумывай, пусть помоет, это – обычай.

– Нет! Что за обычай?!

– Тимурчин-ака, – Ойджонби подняла свои большие голубые глаза и посмотрела на Бабакулова, – вы идите, мальчик смущается, – сказала она кокетливо.

Абдужабор-ака и Бабакулов отправились к роднику. Я улыбнулся тому, что Ойджонби назвала меня мальчиком.

– Сколько вам лет, хоарджон[2]? Уверен, что вы моложе меня?

Ойджонби не ответила.

– Мне двадцать семь лет будет, – сказал я тихо, чтобы разговорить Ойджонби.

– Если подождешь меня три года, я смогу догнать тебя, – нарушив каменные правила здешних мест, она, сразу переходя на «ты», ответила равнодушно и потянула мои ноги к себе, сняла с них носки.

– Неудобно, Ойджонби, не надо, я сам помою. Что за странный обычай такой?

– Откуда мне знать, обычай как обычай, остался от наших предков. Невестка дома должна мыть ноги гостю... Мы моем ноги гостю, а сами ходим с грязными ногами, – с отвращением, смешанным с грустью, добавила она.

Ее слова сильно тронули меня. Я быстро убрал свои ноги с плетня и сложил под табуретом. Ойджонби, протянув руку, схватила меня за ногу, притянула к плетню. Когда я хотел отказаться, она внезапно вонзила ногти в мою голень. Я вскочил. Ойджонби прыснула со смеху.

– Так ты невестка этого дома?

– Да.

---

[1] Рогатый Искендер – Александр Македонский («Искендер Двурогий»).

[2] Хоарджон – сестричка.

– А где твой муж?

– Не знаю... говорят, в Украине. Бездельничает там. В прошлом году позвонил своему другу в кишлаке, сказал, чтобы я ушла в свой дом.

– А почему ты не уходишь?

– А кто меня примет? В нашем кишлаке плешивого мула больше уважают, чем женщину без мужа.

Ойджонби промолчала. Я тоже не промолвил ни слова. Если бы я заговорил, она не продолжила бы разговора.

– Мой муж был кабаном; ни разу не сказал мне доброго слова. Тимурчин-ака такой же, раньше при каждом удобном случае щипал меня за зад. Как-то раз я ударила его медным кувшином по голове, теперь остерегается.

Ойджонби внезапно подняла глаза и сложила руки под грудью:

– Ты тоже кабан?

Я повел плечами:

– Я не понимаю тебя, Ойджонби, что ты хочешь от меня? Что я должен делать? Должен говорить тебе добрые слова? Но это же неправильно. Ты замужняя женщина.

Ойджонби произнесла под нос что-то невнятное, а затем стала напевать мелодию, похожую на колыбельную.

Когда Абдужабор-ака и Бабакулов стали приближаться, беседуя о телятах, которые родились два месяца назад, я вырвал ногу из рук Ойджонби и начал сушить банным полотенцем. Ойджонби сердито взглянула на меня, забрала посуду и ушла в пристройку.

Пока Абдужабор-ака, прислонив бок к ребру топчана, пил с громким хлюпаньем зеленый чай из пиалы и ругал невестку за глаза, Бабакулов подбрасывал щепки в огонь, соглашаясь:

– У теперешних невест руки растут из задницы, ничего не умеют, ни за мужем не смотрят, ни за домом. Им бы только лясы точить с распутными женщинами из кишлака.

Слова Бабакулова приходились как масло по душе Абдужабор-аки; после каждого его предложения он ударял руку о свое колено, восклицая: «Царство небесное твоему отцу!»

– Мой единственный сын ушел, не выдержав ее бестолковости, неразговорчивости, – погладив рукой редкую бороду, сказал он. – Всему виной была та женщина, чтоб у нее высохла грудь. Я говорю о моей последней жене. Предыдущая заболела, умерла, ты знаешь, я рассказывал. В старости лет бес меня попутал, взял в жены вторую, и та погасила мой очаг. Нашла эту проклятую строптивую кобылу у придорожного кишлака, сама сдохла, оставила нас в руках этой дурной язвы. Негодный сын, хотя бы внука оставил…

Мы, выпивая чурпу[1], слушали Абдужабор-ака. Время от времени я качал головой, как бы сочувствуя ему.

Ойджонби убрала со стола.

Бабакулов с Абдужабор-ака, расстелив свои курпачи[2], задремали и заснули прямо на топчане.

Ойджонби предложила мне постель в доме. Я не захотел спать, так как обычно чувствую тяжесть, когда сплю днем, и чтобы чем-то заняться, я заново затопил самовар.

Ойджонби в пристройке пела знакомую песню из фильма «Долгая ночь»: «Нигох мекунем. Намибинем. Чашми маро хавои ту пур карде...»

Ее голос создавал странную гармонию с шипением самовара.

---

[1] Чурпа – от др.-тюрк. чорба – «похлебка, варево»).

[2] Курпача – узкий тонкий ватный матрас, на котором спят или сидят.

Что-то коснулось моего уха и обожгло. Я подумал, что это искра горящего угля, и почесал место ожога. Услышав тихое хихиканье Ойджонби, я обернулся. Ойджонби махала длинным камышом, на кончик которого нацепила ветку крапивы. Знаком руки я спросил у нее, что ей нужно было. Она тоже знаком руки подозвала меня к себе. Я не двинулся с места. Я не мог понять, чего она хотела от меня. Ясно было одно: мне не следовало делать лишнего; меня так учили: не занимайся любовью там, где ты ешь хлеб, и не ешь хлеб там, где занимаешься любовью.

– Поможешь мне разделать мясо? – сказала Ойджонби, увидев, что я не двигаюсь.

– Неси сюда, здесь разделаем.

– Пень тяжелый, даже вдвоем не осилим.

Ойджонби поставила меня в безвыходное положение. И сама знала это. С видом победителя ждала, что я буду делать.

Она шла впереди, и я последовал за ней в пристройку. На всякий случай я оставил открытой дверь, изготовленную из корявого грушевого дерева, щели которой были заполнены камышом.

Ойджонби подала мне две ножки козьей туши, сама начала резать мясо на мелкие кусочки ножом, перламутровый черенок которого был украшен красными узорами.

– Рассказывай, – с милой улыбкой девушка направила острый конец ножа в мою сторону, – наказание молчащему бывает суровым.

– Что рассказать? – я повел плечами.

– Расскажи сказку. Интересную.

– Я не знаю сказок. К тому же я не очень люблю говорить. Если ты расскажешь, я с удовольствием послушаю.

Ойджонби отрезала несколько кусочков от козьей туши, кинула их в медный поднос.

– Хорошо, расскажу...

Однажды два путешественника отправились на поиски своих близнецов по духу. Они семь гор перешли, семь рек переплыли, наконец, прибыли в одну страну. Время было вечернее, и, чтобы переночевать, они постучались в дверь одного дома. Хозяин дома был бедным человеком, он встретил их с почтением, накормил тем, что у него было, постелил им постель, оставил ночевать. Проснувшись утром, они, чтобы быть благодарными за ласковый прием, взялись выполнять всю трудную работу в доме: раскололи большие пни, отмыли хлев, очистили сток арыка. Когда, собрав свои переметные сумы, хотели отправиться в путь, увидели на балконе девушку, которая вязала носки, напевая грустную песню. Это была дочь хозяина. Один из путников встал, поклонился девушке и сказал своему другу:

– Я не пойду, я нашел своего близнеца по духу!

Друг удивился:

– Ты сын богатого человека, красавец, а у этой девушки нет ни красоты, ни приданого. Не сходи с ума!

– Нет! Я не пойду дальше. Я почувствовал дух этой девушки, я полюбил ее душу.

Друзья расстались.

Друг, который остался, посватался к отцу девушки. Отец колебался в отношении сватовства богатого парня и, чтобы переубедить его, сказал:

– У нас есть обычай: я должен спросить у дочери ее согласия. Если она согласится, ты заплатишь башлык[1] из десяти коров и сможешь сделать ее своей женой.

– Прекрасно! Спросите!

[1] Башлык – цена калыма, приданое.

Мужчина позвал мать девушки:

– Скажи дочери, что гость сватается к ней, узнай, согласна ли она?

Мать, с трудом сдерживая свою радость, побежала к дочери, вскоре вернулась и сообщила, что дочка согласна, но последнее слово оставляет за родителями.

– По обычаю этих краев, я даю башлык в десять коров за вашу дочь, – сказал путник, – прямо сейчас пойду и куплю на рынке.

Только парень хотел уйти, отец девушки схватил его за руку и нерешительно сказал:

– Сынок, как ты видишь, я бедный, но справедливый человек, и знаю, что моя дочь хоть и умна, но не так красива, поэтому я попрошу у тебя только три коровы.

– Я тоже справедливый человек,– сразу же ответил путник. – Я считаю вашу дочь равной самым красивым девушкам вашего края и поэтому дам вам десять коров.

Путник купил десять коров на базаре, отдал отцу башлык, взял в жены девушку, сыграл свадьбу, снял отдельный дом, и стали они жить счастливо.

– Да благословит их Аллах, – сказал я.

Ойджонби закатила свои большие голубые глаза:

– Это еще не конец, – она взяла топор, ударила по бедру туши на пне, бросила крупный кусок мяса с костью мне в охапку.

Я одной рукой поймал кусок на лету. Ойджонби хихикнула.

Поднос наполнился. Ойджонби повернулась ко мне спиной и, покачивая круглыми ягодицами, выгрузила поднос с мясом в казан. Между делом, обернувшись, с улыбкой сказала:

– Я повернулась к тебе спиной, извини.

Я ответил красноречивым тоном, принятым в этих местах:

– Роза выглядит красиво со всех сторон.

Протерев пустой поднос, Ойджонби продолжила свой рассказ...

– Проходит год. Друг путника, обойдя весь мир, возвращается с пустыми руками, прокладывает свой путь через край, где дороги друзей разошлись, находит друга. Они встречаются, обнимаются, садятся за стол. В этот момент из дома выходит красивая, как русалка, беременная женщина с чайным набором в руках. Красота женщины ослепляет гостя.

– Кто это? – спрашивает гость с восхищением, смешанным с удивлением. – Ты женился на другой?

– Нет, это та же девушка, которую ты видел.

– Как это может быть? Ведь та девушка не была такой приглядной...

– Спроси это у нее самой.

Гость, попросив разрешения у друга, спрашивает у женщины:

– Ханым, объясните мне, в чём дело, пожалуйста. Клянусь Аллахом, я ничего не понимаю.

Девушка улыбается:

– Здесь нечего понимать. С того момента, как я осознала себя девушкой, достойной десяти коров, изменились и мой внутренний мир, и моя внешность.

Мы оба долго молчали. Тишину нарушил я:

– Почему твой муж бросил тебя?

– Не знаю, – равнодушно сказала она, – водоросли не появляются на круглых камнях, вероятно, из-за этого.

– Ты очень красивая, но...

– Еще и умная! – она не позволила мне закончить мысль. Я хотел сказать «несчастна».

– Да, умная, – подтвердил я.

– В этом доме всегда были склоки, и каждый всегда считал себя правым. Я не видела такого в отцовском доме. У нас каждый считал себя виноватым, поэтому и обид не было, – Ойджонби, со злобой вонзив нож между ребрами козы, прорезала их.

Ее голос постепенно становился хриплым, как будто она долго и беззвучно плакала.

– Моя новая свекровь, Ходжаста-биби, была младше Абдужабор-бобо на тридцать лет. Бобо женился на сорокадвухлетней блажной, засидевшейся в девках биби из-за ее приглядности, еще тогда, когда его первая жена, Паранд-биби, была лежачей больной. Котел Ходжаста-биби кипел, не переставая. Вот так, – Ойджонби, взяв большой кусок козьего мяса с подноса, несколько раз сильно сжала и разжала в ладони, при каждом сжатии мясо выдавливалось сквозь пальцы, – а бобо погас, как улитка, обсыпанная солью. Когда по сватовству Ходжаста-биби меня привели в этот дом невесткой, Паранд-биби была при смерти. В доме между комнатами есть окна; понимаешь, в здешних краях бывает очень холодно, если с боков ставить окна в наружных стенах, станет невозможным сидеть внутри дома из-за завывания ветра, стука дождя, снежной метели, и пришлось бы топить печь до утра. В брачную ночь Ходжаста-биби постелила Абдужабор-ака на балконе, а сама встала у окна, приоткрыв складчатую занавеску, прикрывающую половину окна, и уставилась на нашу постель. Хотя мы выключили у себя свет, но свет в ее комнате оставался зажженным, я видела ее силуэт за занавеской. В ту ночь между мной и моим мужем ничего не произошло. И в последующие ночи свет в комнате Ходжаста-биби не выключался. Однажды я деликатно сказала Ходжаста-биби, что не могу спать, когда падает свет, и с того дня она стала питать неприязнь ко мне. Это продолжалось ровно месяц. Иной ночью случалось, что у меня была бессонница, видела, что Ходжаста-биби либо не спит, либо дремлет, прислонив голову к окну. Каждое утро, как только мы вставали и выходили из комнаты – я несколько раз следила за ней, – Ходжаста-биби, зайдя в нашу спальню, рукой проводила по нашим курпачам, подносив к носу, нюхала. Однажды она даже проверила их языком. Ничего не обнаружив, уходила в свою комнату, не переставая хохотала там. Муж приходил домой поздно, ел все подряд, часто ложился спать в штанах, сразу же захрапывал. По соседству жила сварливая женщина, однажды она подошла ко мне: «О, несчастная, почему ты вышла замуж за этого ублюдка? Разве не знаешь, что он курит траву? У него мозг высох от курения лошадиного навоза!» «А что такое лошадиный навоз, каратуман[1]?» – спросила я. Позже узнала, что каждое утро мой муж сосал нас[2], днем глотал чернуху[3], а вечером приходил, накурившись анаши. Можно сказать, что в тот день у меня забрали мои семь коров… Вечером я набрала куриную кровь во флакон из-под пенициллина, спрятала его в лифчике. Проснувшись утром, вылила кровь на курпачу. Я знала, что, как только мы выйдем из комнаты, Ходжаста-биби снова украдкой придет и увидит кровь, которую я пролила на курпачу... Горькое рыдание из комнаты Ходжаста-биби не прекращалось до полудня. Жалобно плача, биби попала в постель. Через три дня она умерла.

Как только я время от времени оборачивался, чтобы узнать, проснулись ли те, кто спал на топчане, Ойджонби трясла тушу, заставляя меня смотреть на нее.

Мы закончили с разделкой мяса. Ойджонби протянула мне чистую марлю, я вытер руки. Когда выходили из пристройки, Ойджонби сказала:

– Я хочу девочку.

– Какую девочку? Что значит, ты хочешь девочку? – спросил я с удивлением.

Ойджонби опустила голову. Она повторила те же слова:

– Я хочу, чтобы у меня была дочка.

---

[1] Каратуман – спетница (букв: черная юбка).
[2] Нас – наркотическое зелье.
[3] Чернуха – опий.

– Вот вернется твой муж, иншаллах, и будет.

– Мой муж не вернется, даже если вернется, от него я не хочу.

Я взглянул на топчан. Услышав храп Абдужабор-ака и Бабакулова, напоминающий катание приближающихся и удаляющихся волн моря, я подошел к Ойджонби. Она сразу схватила меня за пояс. Я отодвинул ее руку:

– Ойджонби, не сходи с ума, ты играешь с огнем. Ты знаешь, что, когда живот твой распухнет, тебя зарежут.

– Я знаю, что делать, когда мой живот распухнет, – она сложила руки между грудями, как буддисты.

– Негодное это дело. Я не могу осквернить дом, где я нахожусь в гостях.

– Я единственная в этом доме, кто не осквернен.

Я был сильно взволнован. Сердце мое спорило с моим мозгом. И чтобы отговорить Ойджонби и самого себя от этой идеи, я буркнул:

– Даже если мы захотим, как мы можем сделать это?

Услышав мои слова, Ойджонби отступила в угол пристройки, подняв подол платья, натянула его на плечи, спустила цветастые шаровары до колена, скрестив руки над пушком, опустила голову:

– Они проснутся поздно ...

– Нет, Ойджонби, прости меня, нельзя, – я вышел из пристройки, направился к роднику и старался не оглядываться.

***

Абдужабор-ака и Бабакулов, проснувшись, потянулись.

Когда Ойджонби принесла нам чай, она прикрывала лицо, стараясь его спрятать, но было видно, что ее глаза покраснели и опухли от слез. Она пару раз окинула меня взглядом, полным ненависти.

Поужинав, мы с Бабакуловым привели в порядок наше охотничье снаряжение, потом, прислонившись к прохладной стене балкона, долго молчали. Я представил себе, как Ойджонби играет во дворе в догонялки со своей дочкой, у которой были голубые глаза, окаймленные длинными ресницами.

– Скрип двери изрядно надоел мне, – Бабакулов встал, принес подсолнечное масло, влил его в верхнюю и нижнюю петли двери, несколько раз открыл и закрыл дверь, скрип исчез.

***

Не дождавшись темноты, мы наметили дерево для засады кабанов. На самом деле Бабакулов знал, на какое дерево ему лезть, мы выбирали дерево для меня. Я должен был залезть на такое дерево, чтобы пули, пущенные в кабана, случайно не попали в меня.

По словам Бабакулова, кабаны вваливаются в сад ровно в час ночи.

– Ты заберешься на то дерево, – Бабакулов, как хозяин местности, показал мне граб в нижнем углу сада, а сам повесил свое охотничье ружье на ветку чинары, которая росла в двадцати шагах от граба.

К ружью был прикреплен лазерный указатель размером с мизинец.

«В кабана нужно стрелять или в горло, или в позвоночник. Если стрелять в другое место, он убежит раненый, ночью не сможешь найти, а если будешь преследовать, вернется и нападет на тебя. Поэтому во время охоты ночью сначала целюсь лазерным указателем , а потом стреляю», – так объяснил мне Бабакулов.

Той ночью мы ждали с двенадцати до двух часов на дереве. Кабаны не пришли.

Спустившись с дерева, вернулись домой.

Храп Абдужабор-ака, который спал на балконе, был слышен во всем дворе.

Бабакулов был очень расстроен. Я успокаивал его, но он был безутешен.

Во дворе нас встретила Ойджонби.

– Я не слышала звука пуль.

– Да, – я опередил Бабакулова, – кабаны сегодня не пришли.

Ойджонби якобы споткнулась в темноте и, чтобы не упасть, схватилась за мою руку. От ее тела исходил запах сирени.

– Я постелила вам, чай тоже готов, выпейте, идите спать, не переживайте, не пришли кабаны да и не пришли, значит, сегодня был праздник у кабанов.

Когда Ойджонби наливала чай, она наступила пяткой на мою ступню со всей тяжестью. Я не издал ни звука. Она налила чай в пиалу несколько раз, делая вид, что ополаскивает пиалу, вылила горячую воду мне на ногу. Я снова промолчал.

Стало заметно холоднее. Ночи в Хавалудже и летом бывают прохладными. Мы прошли в комнату, раздевшись, легли. Бабакулов, укрывшись с головой, не переставая, бормотал, ругался, проклинал кого-то или что-то.

Свет луны проникал в комнату через маленькое окно, открывавшееся на балкон.

Мне не спалось. Ойджонби, как сверчок, как червь в мозгу, не выходила у меня из головы. Я очень старался не слышать проклятий Бабакулова.

Когда мне не спится, я представляю сцену, как гиена зубами отрывает мошонку буйвола, и как стадо гиен, начиная с задней части, сжирает буйвола заживо, у которого от боли сгибаются колени. Гиены, сунув головы в задний проход буйвола, съедают его внутренности, а буйвол, мыча изо всех сил, поет гимн беспомощности. Я так ясно слышал мычание буйвола, что сам непроизвольно застонал. Когда головы гиен исчезли внутри буйвола, звук, который я слышал, прекратился. Я тоже успокоился. Мои глаза были полуоткрыты: я так сплю.

Но вдруг я ясно почувствовал, как Бабакулов, наклонившись ко мне, стал прислушиваться к моему дыханию. Убедившись, что я сплю, он открыл дверь, которую смазал подсолнечным маслом, и вышел из комнаты.

В комнате Ойджонби был слышен разговор шепотом. Звук становился все громче. Теперь я мог различать слова. Бабакулов, не переставая, умолял Ойджонби. Ойджонби ругалась, проклинала Бабакулова.

Голос утих. Я не хотел ни видеть и ни слышать, как сдалась Ойджонби.

Полусидя, я быстро натянул штаны и рубашку, пополз к двери. Не хотел, чтобы они заметили меня вверху окна, занавешенного наполовину. Дойдя до двери, я встал, и в момент, когда схватился за ручку, в комнате Ойджонби загорелся свет. Я быстро прижался к стене.

Бабакулов, преклонив колени перед Ойджонби, обхватив талию, обвил руками ее ягодицы, сунув голову сквозь полы ночного халата, прижал лоб к ее пушку. Ойджонби стояла, прислонившись к краю тахты и раздвинув ноги; одной рукой она обхватила свои волосы за шеей, слегка опрокинув голову назад. Другая рука лежала на выключателе.

Бабакулов в мгновенье ока вынул голову из промежности Ойджонби, вытер губы тыльной стороной руки, отодвинув руку Ойджонби от выключателя, погасил свет.

– Ты что, рехнулась?! – Бабакулов чуть не закричал.

– Вставай, убирайся отсюда! – Ойджонби снова зажгла свет.

Когда Бабакулов опять захотел выключить, она оттолкнула его.

– Будь я проклят, злосчастная, если сам не истомлю все дороги, которые ведут внутрь тебя, – Бабакулов, тряся пальцем, пригрозил Ойджонби.

Если бы я прошел на свое место, меня заметила бы Ойджонби, а если бы не прошел, то Бабакулов.

Все закончилось благополучно. Бабакулов закурил, разбрасывая пинками щебень во дворе, зашагал к роднику. Ойджонби, прислонив к двери табуретку, погасила свет.

***

Утром мы проснулись поздно. Стол был накрыт. Абдужабор-ака, окурив дымарем пчел, прогнал их, вынул из улья соты, мелко нарезал с одного края, наполнил миску. Умывшись, мы сели за стол. Ойджонби принесла два нана[1], разогретых на огне, и поставила их на стол.

Бабакулов казался взволнованным; он молчал, его руки дрожали, когда он взял чайную пиалу, бормотал, ругался под нос по-татарски. Чтобы показать себя совершенно неосведомленным в том, что произошло ночью, я сказал:

– Не желал бы повтора этой ночи.

Лицевые мышцы Бабакулова напряглись, как нос кабана, который учуял тигра, сидевшего в засаде. Он быстро убрал руку со стола, навострив уши, боязливым голосом спросил:

– Почему?! Что случилось ночью?!

– Да так, – я придал голосу равнодушный тон, – какой-то странный сон приснился.

Бабакулов глубоко вздохнул.

Ойджонби, сдвинув брови, посмотрела на меня враждебно.

– Вижу, что гремучая змея жалит мышь, ужаленная мышь с трудом убегает в нору, змея, нюхая воздух раздвоенным языком, находит нору, засовывает голову в нору, тащит оттуда мышь и проглатывает ее.

– Не каждая змея войдет в мышиную нору, видно, нездешняя змея была, – сказала Ойджонби как бы между прочим.

Бабакулов нехотя рассказал Абдужабор-ака о том, как мы вернулись с пустыми руками прошлой ночью. Когда он сказал, что «хотел показать себя гостю, а оказался ни с чем пирог», Ойджонби с улыбкой, полной иронии, два раза прокрутилась на месте, как вращающиеся суфийские дервиши из Коньи, и каждый раз красные помпоны ее чадры, развеваясь, ударялись о мое лицо.

Позже я долго думал об этом ее поступке и пришел к выводу, что Ойджонби зажгла свет той ночью намеренно, в момент, когда увидела, как я, шмыгнув, вышел из комнаты, таким образом, отомстила мне за грех, в который я не впал.

Пока Абдужабор-ака с трясущейся нижней губой упорно пытался убедить нас в том, что кабаны обязательно придут сегодня вечером, и связывал наш провал прошлой ночью то с недавним появлением в лесу пары медведей, то с началом сезона позднего совокупления кабанов, я глубоко осознал, как сильно он боялся одиночества, сочувствовал безнадежному и беспомощному, как у буйвола, мошонку которого оторвали гиены, состоянию бывалого старика, скрутившему сотни невзгод в комок и пустившему их вниз по долине, перед наступающей ночью и открывающимся утром.

– Если разрешите, мы и сегодня останемся и испытаем удачу еще раз, – посмотрев уголком глаз на Бабакулова, сказал я.

Бабакулов поёрзал, как будто сидел на колючке:

– Да, да, сегодня ночью, иншаллах, я подстрелю двух кабанов и рассчитаюсь за вчерашнее, – сказал он, но было ясно, что он сам не верил в то, что говорил. И чтобы исправить свои слова, быстро добавил: – Однажды я выстрелил в кабана-мать, она, взвизгнув, помычав, упала на бок, протянула ноги. Я подождал. Прошло немного времени, когда вернулись ее поросята, которые убежали, испугавшись. Я повалил и одного из них.

На мгновенье мне захотелось вытащить глаза Бабакулова и дать ему посмотреть на себя со стороны, чтобы он увидел застывшее выражение на своем лице.

Абдужабор-ака глубоко вздохнул, погладил редкую белую бороду:

– Оставайтесь, конечно, оставайтесь.

[1]Нан – хлеб.

***

Если не считать завтрака, до обеда Ойджонби не попадалась на глаза; ее голос был слышен то из пристройки, то из дома, но я ни разу не смог увидеть, как она проходила из пристройки в дом и обратно.

Мы с Бабакуловым, сидя рядом у родника, коротали день. Он не переставая курил сигареты, связывая одну с другой, рассказывал истории, случившиеся с ним во время охоты. Я понимал его: он всеми способами хотел отвлечь разговор от вчерашней ночи. Иногда, не поворачивая головы, он, толкнув меня локтем, задавал вопрос и сам же на него отвечал.

– У нас был один бухарский еврей, работал моим ночным сменщиком, его настоящее имя было другим, но сам себя он называл Осим Хаимом. Ты знаешь, что означает «Осим Хаим» на еврейском?

– Нет, не знаю ни одного слова на иврите, – покачал я головой.

– Он мне объяснял, да я уже забыл, если вспомню, скажу. У того сукиного сына были блажные разговоры. Говорил, что самое трудное в этой жизни – прожить сегодняшний день, – Бабакулов несколько раз ударил указательным пальцем по колену, – настоящее время, этот час. Говорил, якобы самое легкое дело – это получать удовольствие от прошлого, то есть ты можешь получать удовольствие от воспоминания багрянца нижней губы девушки, которую поцеловал в самый первый раз, до воспоминания тех, кто каблуком обуви молотил тебя по спине, когда, попав в тюрьму как первоприходец, ты искал ответа на вопрос «мать продашь или задницу дашь?» Ты даже можешь получать наслаждение, представив красоты, которые могут случаться в будущем, но чтобы суметь прожить вот эту секунду, – Бабакулов в этот раз ткнул несколько раз пальцем в мое бедро, – нужно понять жизнь, просидев бока до болячки.

– Ну, живем же, что мы еще можем сделать? Машаллах, родник течет, день клонится к закату, кабаны грызут корку, – прогнав пчелу, севшую мне на лицо, я посмотрел на Бабакулова, – наша Ойджонби печет хлеб в тандыре, – равнодушно сказал я.

– Вот тебе на, кунак! – покатился со смеху Бабакулов, похлопал рукой по моему колену и упал на спину, – прожевывай слова свои, в горле застрянет!

Мы долго молчали. Бабакулов говорил о чем-то сам с собой. Несмотря на то, что он не подавал виду, упоминание мною имени Ойджонби полностью испортило его настроение.

– Знаешь, на что похоже наше дело? – спросил он тихо.

– Наше, то есть кого? Нас двух?

– Нет, – махнул он рукой, – какое у нас двоих может быть дело?! Я говорю про людей… Мой друг, охотник рассказывал. Говорит, однажды я был на охоте. Насыпав сухой листвы в яму, сел в засаду. Прицелив ружье, ждал, чтоб кабаниха достигла расстояния выстрела. Я насчитал у нее восьмерых поросят. Хотел, застрелив кабаниху, поймать ее детенышей, взрастить их и продать. Вдруг откуда-то появилась медведица. Рядом с ней было три медвежонка. Медведица стала смотреть на кабаниху, кабаниха на нее. Внезапно медведица набросилась на кабаниху. Подождав немного, когда расстояние между ними сократилось до десяти-пятнадцати метров, кабаниха ринулась навстречу. Медведица замахнулась лапой на кабаниху, а та ударила рылом по её лапе. Поросята в одной стороне, а медвежата в другой стояли, прижавшись к дереву. Медведица и кабаниха, расступившись, снова начали драться. Так, по меньшей мере, раз десять столкнулись лицом к лицу! Обе истекали кровью... Кровь сделала свое дело: они обессилили, изнывая, упали в пяти метрах друг от друга. Прошло еще немного, их животы перестали подниматься и опускаться. Представляешь? – Бабакулов зажег новую сигарету, – говорит, медвежата и кабанчики ринулись к висячим грудям своих матерей, пососав груди, которые давеча текли, как ручьи, теперь

были иссушены смертью, и, не почувствовав во рту никакого вкуса, они стали вместе резвиться.

Я слышал много таких историй, когда охотники-старожилы, завираясь, хвастались перед неопытными, но я не высказал это ему в лицо, все равно у меня не было другого способа убить время.

– Такова жизнь, – Бабакулов, крепко затянувшись, пустил дым между ногами, – человечество является такой же сиротой, как те медвежата и кабанчики.

Он был сильно тронут выводом, к которому пришел; то потирал лоб, то стягивал кожу лица, а иногда ударял рукой о колено, как плакальщица на похоранах.

***

Когда наступила ночь, мы направились к нашим деревьям. Бабакулов часто посматривал на небо, ругая комочки черных облаков, закрывающих луну.

... Шел второй час ночи. И в этот раз кабаны не собирались приходить. В лесу было темно. Даже если бы они пришли, мы не увидели бы их теней, надеялись хотя бы услышать их голоса.

Рядом послышался треск. Лазер винтовки Бабакулова пронзил темноту. Пуля выстрелила. Кабан, издав странный хриплый звук, упал на землю. Бабакулов еще раз пустил пулю в упавшее животное, затем, быстро спустившись с дерева, закричал тоном победителя:

– Слезай, готово!

Поблизости замычала корова. Бабакулов зажег фонарь и направил в сторону мычания:

– Черт! Что она здесь делает?

Затем он направил свет на животное на земле... и истерично произнес:

– Да чтоб мать плакала по тебе, Ойджонби!

Я пытался понять, в чем было дело. Бабакулов выручил меня:

– Я знаю как свои пять пальцев! Это козни этой треклятой! Развязала корову с теленком и специально выпустила их в сад.

Я направил фонарь на теленка. Меня пробрала дрожь, когда я взглянул на сверкающие его глаза.

***

Мы с трудом дали Абдужабор-ака деньги за убитого теленка: старик никак не хотел их брать.

Бабакулов снял шкуру с теленка, почистил его внутренности и отнес в столовую, находящуюся в соседнем кишлаке.

Ойджонби не было слышно. Даже когда поздоровались, только кивнула головой. Несмотря на то, что ее лицо было прикрыто чадрой, по глазам было видно, что у нее отличное настроение.

***

Когда мы складывали вещи в машину, услышали странный хохот Ойджонби, доносящийся из пристройки. Она хохотала не переставая, иногда, понижая голос, произносила «гость убил теленка», снова продолжала хохотать.

Мы колебались сесть в машину. Абдужабор-ака, Бабакулов и я повернулись спиной к пристройке, как будто наблюдали за пейзажем, но на самом деле мы, навострив уши, слушали смех Ойджонби, похожий на реквием.

Абдужабор-ака, обернувшись, только раз взглянул на пристройку, ударил рукой по колену и сказал дрожащим голосом:

– Вы идите, не задерживайтесь, не обращайте на нее внимания, поплачет да и успокоится…

***

После поездки в Хавалуджу Бабакулов начал избегать меня. Ходил на обед отдельно, приходил на работу после всех, как кабанчик, родившийся последним.

Однажды я подошел к Бабакулову:

– Тимурчин-ака, вы знаете притчу о Пророке, который убил человека и пришел к двери Хазрата Али?

Не дожидаясь ответа Бабакулова, я рассказал ему притчу:

«Чтобы испытать своих друзей, Пророк зарезал козу. Положив тушу в торбу, взвалил на спину и, стуча в двери к друзьям, говорил: «Я совершил проступок, убил человека, помогите мне похоронить его». Все друзья, кроме Хазрата Али, испугавшись, отказались помочь ему. Хазрат Али отвел Пророка в конец оливкового сада, вырыл яму около арыка, закопал тушу в торбе, изменил сток арыка, заставив его течь через захоронение. С того дня каждый раз, когда Хазрат Али видит Пророка, говорит ему: «О, Пророк! Пусть не волнуется сердце твое. Никто не может знать, через что течет вода».

– Хорошая сказка, я не знал, – буркнул Бабакулов.

– Хотел, чтоб ты тоже знал, если сам не расскажешь, никто не узнает, что мы убили теленка вместо кабана.

Бабакулов, посмотрев на меня с благодарностью, глубоко вздохнул.

– Можешь присоединить разговор об этой дурочке к разговору о теленке? – с сомнением спросив, он щелкнул по козырьку круглой кепки. Боковые вены его глаз неудержимо тряслись. После моего ответа: «Конечно, Ойджонби свята больше, чем тот золотой теленок», – черты его лица успокоились.

***

Я отправился в Хавалуджу еще раз четыре месяца спустя, когда пришла весть о смерти Бабакулова.

Участковый рано утром пришел в управление и на одном дыхании сообщил новость дежурному: «Бабакулов ночью застрелил кабана, пуля попала в живот, кабан сбежал, Бабакулов отправился за кабаном, но раненый кабан вернулся, разорвал живот Бабакулова… Бабакулов умер от потери крови».

…Когда мы прибыли, люди уже собрались на место поминания. По словам разносчика чая, труп Бабакулова отвезли к милицейскому врачу.

Прибывшие на поминание сидели, скрестив ноги на паласе, который был постелен вкруговую. Мы тоже, пройдя, сели с одного края. Абдужабор-ака рассказывал:

– Когда дело не ладится, даже и куймак[1] застрянет в зубе. Еще прошлой ночью я сказал бедняге, что видел темный сон в ночь на джуму, будь осторожен. Лучше б я сломал шею, чем пустил бы его. Кабан – очень злопамятное животное, восстает против человека. Когда я проснулся утром, его не было на месте. Осмотрел постель, машину – исчез, как сдобная лепешка. Я поискал в лесу, нашел его под чинарой. Его кишки были вывалены на землю. Собрав их, я положил обратно в живот, накрыл рану листьями чинары, перевязал рубашкой.

Мои глаза искали Ойджонби. Несколько раз я покидал место поминания под предлогом курения, оглядывался во дворе вокруг, но нигде её не увидел. Соседские женщины при каждом моём появлении прекращали разговор и перешептывались.

Абдужабор-ака выразил нам свои соболезнования, а мы ему. На лице мужчины ясно просматривались смущение и глубокая обеспокоенность. Улучив момент, он повел меня в сторону:

– Сынок, не приличествует моей бороде раскрывать это... Невестка сбежала. Исчезла. Ни единая душа не видела ее. Как будто она была пылинкой, и ветер унес ее.

[1] Куймак – молочная каша.

– Сбежала?! Куда? – чтобы понизить голос, я зажал рот рукой.

– Не знаю. Я сказал милиции, что она уехала в город к тете на два дня, но прошлой ночью она была дома, подавала нам хлеб и чай.

– Найдется, пусть будет спокойно твое сердце, бободжан[1], – я сказал это, но знал наверняка, что Ойджонби ушла навсегда.

Мы с Абдужабор-ака пошли к тому месту, где кабан убил Бабакулова. Здесь обычай такой. Говорят, что если прочитать молитву за упокой души на месте кончины умершего, то она быстрее доходит до Аллаха.

Абдужабор-ака показал мне место, где он нашел тело. Пролившаяся на траву кровь уже почернела.

***

Завершив свою шестимесячную поездку в Тарзоб, я вернулся на родину. Полтора года спустя я снова отправился туда в командировку. Как всегда, остановился в гостевом доме в узбекском квартале, находящемся параллельно центральной улице города. Чтобы отдохнуть с дороги, я сел в кресло-качалку и закрыл глаза.

Телефон зазвонил:

– Ака, – это из приемной – здесь девушка, с утра ждет вас. Что ей сказать?

– Чего она хочет, – недовольно спросил я.

– Ака, она говорит, что хочет поговорить с вами, еще у нее есть какая-то посылка для вас.

– Дай, я поговорю.

– Акаджон, меня зовут Минобону, – сказала девушка на ломаном русском. – Я должна передать вам посылку, мне велели передать ее лично вам.

– Хоарджон, клянусь Аллахом, я очень устал, простите... Оставьте посылку внизу, я заберу.

– Ака, я не из здешних краев, узнала о вашем прибытии от ваших коллег, прождала четыре часа, ноги отекли, еще я должна вернуться в Муминобад... – девушка сделала паузу, – Ойджонби велела мне передать посылку вам в руки.

Услышав имя Ойджонби, я вскочил с места:

– Я иду! Сейчас же иду!

Мы сели на скамейке во дворе.

– Я внучатая племянница Абдужабор-бобо, – сказала Минобону, – нашего бобо несколько раз вызывали в милицию в прошлом году после смерти того татарского охотника, много допрашивали, говорили, что якобы не кабан убил его. Бобо наш умер, не выдержав притеснений.

– Пусть Аллах помилует его! А что с Ойджонби?

– Не знаю, – Минобону спрятала глаза, – последнее, что я знаю, это то, что она ни с кем не общалась с тех пор, как забрала малышку и сбежала из роддома.

– Малышку?! У Ойджонби есть ребенок?! – от удивления я так закричал, что мальчик, который принес нам чай, остановился и сделал несколько шагов назад.

– Да, она родила светленькую девочку.

Минобону тихо передала мне посылку. Я открыл картонную коробку, крепко перевязанную зеленой веревкой из мотка. В коробке было что-то завернутое в ткань. Я развернул кусок ткани... Это был тот самый нож для разделки мяса, с красным узором, с черенком из перламутра. Мое сердце подпрыгнуло от волнения.

– Ака, – заговорила Минобону с тяжелым колебанием, – я думала, вам известно…Честно говоря, я не знаю, как сказать...Ойджонби, когда была беременной, прошептала мне на ухо, что отец девочки – вы.

Душанбе, 2006 г.

[1] Бободжан – дедуля.

Черный кот Шрёдингера

[Майра, прости меня, что использовал твое имя в этом рассказе]

За окном стал доноситься мелодичный звук, который он слышал каждый день. Ему хорошо была знакома эта мелодия. Она была из песни «Бабочка», которую он хотел сочинить в юности.

Он долго слушал эту прекрасную мелодию в своей постели. Майра еще не проснулась. Она лежала, отвернувшись лицом к стене; она всегда так спала. Ее спина всегда была открытой. «Пусть спит, сегодня йекшанбе[1]», – подумал он. Укрыл спину Майры краем одеяла.

«Да, пора вставать», – выскользнул он из постели, не измяв одеяла. Сев на колени, сделал несколько движений для растяжки и поднялся. С семнадцатого этажа открывался божественный вид на море. За окном пара белых голубей, вытянув клюв, ждала еды. Осторожно открыв затвор окна, он вдохнул морской воздух в свои легкие.

Кашель начал душить его. Он, обняв живот руками, несколько раз сильно закашлял. «Черт побери... Слава Богу, прошло». Он подтолкнул куски пищи, оставшиеся с вечера и сложенные в пластиковую коробку, к черному коту, который царапал окно с уличной стороны.

Встал перед зеркалом. «Скоро весна!..» – приятная дрожь прошлась по нему. Одеяло опять соскользнуло со спины Майры. «О, Боже, эта девушка простудится...», – подойдя к ней, взял ее в охапку вместе с одеялом, прижал к себе. «Хорошо, Майра, снова встретимся сегодня вечером», – он, сложив одеяло, положил его на курпачу[2]. Свернув постель, прислонил её к углу стоймя. Умывшись, прошел на кухню. Он всегда готовил себе завтрак сам. На этот раз тоже так сделал. На самом деле, что сложного в этом? Достаете все, что хотите из холодильника, кладете на стол, нажимаете кнопку электрочайника, бросаете ломтики хлеба в тостер и жарите...

– Испортился, не трогай! – старуха Садбарг, высунув голову из отверстия для дымохода, которое приходилось дверью подвала, хриплым голосом накричала на него. – Газ пропускал, не могла дышать дома, вечером поставила баллон на веранду, полностью опустел, вернула на место.

Он не ответил. Ногой откатил газовый баллон в угол комнаты. Спеша свернул дюрмек[3] из лаваша, купленного вчера в узбекской столовой, схватив свои малярные инструменты, которые он положил под лестницей, вышел из подвала.

– Боякчи[4], сегодня пора платить за аренду, не забудь!

Старуха Садбарг называла его «боякчи», вместо «Албая» или, как все говорят, «Албайджона», и каждый раз думала, что так его долг становился еще больше. А он морщил лицо, чтобы старуха Садбарг могла насладиться своим унижающим обращением. На самом деле, если бы старуха Садбарг называла его «боячи[5]», а не «боякчи», он бы питал меньше ненависти к этой женщине, которая годилась ему в бабушки.

***

Он завел кабриолет и дождался прогрева двигателя. Вытянув шею, посмотрел на двух голубей у окна: «Не видно их, наверное, улетели... Самые счастливые среди птиц – это во́роны. Представьте, сколько раз в жизни они видели, как расцветал кизил!» Сел в машину. «Поехали!» – у него это было слово, заменяющее «бисмил-

---

[1] Йекшанбе – воскресенье.
[2] Курпача – узкий, длинный хлопковый стеганый матрас.
[3] Дюрмек – бутерброд в виде трубочки.
[4] Боякчи – маляр.
[4] Боячи – художник.

лях». Повернув руль, вышел на дорогу Нурек. Погода была прохладной, но он не захотел поднимать покрытие машины.

Мужчина с редкой бородой силой впихнул огромную корзину через дверь автобуса и встал рядом с ним:

– Есть свободное место, додарджон[1] ?

– Есть, ака, проходите, – он встал и уступил место редкобородому.

Выйдя из машины, он зашагал в сторону магазина. Сегодня будет совсем другой день! Он наконец-то смог завершить свою новую работу, которую писал масляными красками. Художник позвал своих друзей на первый показ. Был уверен, что им понравится его работа. Если бы только и Майра смогла прийти. Он накроет стол для своих гостей: «Немного леденцов, чая и арахиса, три или четыре горячих самбус[2] на каждого. Если не хватит, возьму еще».

– Это я не советую вам, акаи-Албай, – приподняв запястьями свои отвисшие груди, сказала женщина, у которой он делал покупки через день, разломала одно из печений, на которые он указал рукой, понюхала его и бросила обратно в коробку,– отсырели, заплесневели.

Достав из кармана ключ, вставил его в замок. Дверь была открыта: «Может быть, они пришли раньше меня. Хорошо бы, если б меня первой встретила Майра!»

– Что это за цвет, зачем ты этим цветом вымазал здесь?! – как только он вошел в дверь, заорала хозяйка квартиры. – Разве я не говорила тебе, покрась в синий цвет?! А я-то не могла понять, что он мешает там несколько часов, сидя в углу! И какую же мебель мне выбрать для сочетания с твоей цыганской желто-красной стеной?! Сдохни, но покрась заново. Пусть будет синий! Я даю тебе деньги, чтобы ты делал то, что я говорю!

– Будет сделано, апаи-Дилрубо, я покрашу в синий, – он опустил голову.

Сняв куртку, повесил ее в шкаф в углу мастерской, сел на качающуюся табуретку, посмотрел на картины, которые развесил на стене. Обнаженный портрет Майры был накрыт белой тканью. Вспомнив странное поведение своей невесты за два месяца до того дня, когда она сбежала с другим, он улыбнулся. Он не мог завершить груди Майры. «Кажется, ты не видел эту девушку голой, – сказала его невеста и, расстегнув блузку, обнажила свою грудь, – хочешь, я полностью разденусь, а ты смотри и рисуй».

– Чтобы было готово к вечеру! – сказала хозяйка квартиры упрямым тоном. – Завтра придет посмотреть моя сестра, – она пальцем пригрозила ему, – понял?! Моя сестра – человек искусства, узнаешь, что будет, если ей не понравится! Дырку от бублика получишь, а не свои деньги.

Он переоделся. Надел свой чекмень. Посмотрел на себя в зеркало, которое было прикручено к двери шкафа изнутри. «Твоя одежда похожа на луг!» – если бы Майра увидела его чекмень, испачканный разноцветными красками, обязательно так сказала бы. Он убрал из мастерской все, что мешалось под рукой, и унёс в заднюю комнату. Переложив леденцы в блюдце, выставил их на стол, самбусы завернул в полотенце, чтобы они оставались теплыми. Поставил чай. «До прихода ребят вставлю «Цветы» в рамку». Насыпал гвоздей в карман чекменя. Достав молоток, несколько раз рассмотрел картину с разных сторон. Поместив изображение в рамку, заколотил. «Позже закреплю клеем». Постучали в дверь. С радостью рванул к двери. Художники всегда заходят в комнату по росту – сначала низкорослые, а потом длинные. Он не знал, почему, но не сомневался, что в этот раз будет то же самое. Майра, у которой улыбка не сходила с губ, зайдёт в самом конце. Не было смысла уступать ей дорогу,

---

[1] Додарджон – брат (младший).

[2] Самбуса – (также: самса́) – самостоятельное блюдо, схожее с пирожком, произвольной (квадратной, треугольной или округлой) формы с начинкой.

все равно пропустила бы всех вперед.

– Мастер, потише стучите в стену, в доме больной ребенок, – сказала дама в возрасте тридцати пяти-сорока лет, теребя воротник своего халата, у которой под глазами появились мешки из-за бессонницы.

– Простите, апа, я скоро закончу, – он запнулся, – я крашу стены апаи-Дилрубо, должен закончить к вечеру, если не успею, она не заплатит мне.

– Да чтоб твое лицо покрылось кара-яра[1]! – он не смог уловить, было ли адресовано это проклятие соседки ему или апаи-Дилрубо.

Проведя рукой по периметру рамы, проверил, не было ли заноз. «В порядке. Рамочник – умелый парень, в его работе не к чему придраться». Нашел петлю рамки, повесил ее на гвоздь в стене. «Цветы» озарили вид стены, от них исходил свет. «Интересно, за сколько пойдут? Смогу с легкостью продать, иншаллах! Как продам, сразу проложу дорогу к своему дому в Дангаре!»

Его друзья с шумом ввалились в мастерскую.

– Покажи-ка, что ты создал?!

– Вот это мне нравится! А почему написал со спины? Можно было бы и лицо показать.

– Ааа, самбуса! Запах сводит человека с ума. Для нас взял или будешь писать натюрморт?

– Это то, что ты недавно написал? Хммм ...

– Странно, Албай-ака, как будто не ты писал. В других картинах цвета играют, а здесь... И с каких это пор ты влюбился в синий цвет?!

– Как ты ее назвал? Что это за буква? Да, это «Д». «Дьявол очищается»?!

Если не принимать во внимание звук льющегося время от времени чая, в комнате наступила тишина.

– Майра не смогла прийти... Она хотела прийти, но ... ты же знаешь, она тяжело переносит беременность.

– ...

– Акаи-Албай, почему ты так сделал? Не смог найти другого дьявола? Зачем тебе это? Тебя выдвигают, приглашают на выставки, вскоре получишь приглашение из «Хизби-Халг»[2]. Еще говорят, что тебе предоставят дом на проспекте Рудаки. Да, да, я так слышал. На прошлой неделе акаи-Рахматулло обронил в кафе перед Оперой... Ты знаешь ведь, с кем акаи-Рахматулло водится? Ты не боишься клейма «Нахзати-Исламии»[3]?

– Очень похож? – спросил Албай с грустью в голосе.

– Не сомневайся! Все черты его – смотри, нос, брови, подбородок, ухо...

– Я же изменил его глаза. Точнее, взгляд...

– Как ты изменил?! Думаешь, то, что ты покрасил его зрачки в красный цвет и пропитал кровью, сделает его неузнаваемым? Тебе кажется, тем, что ты создал его отображение в воде, смог отвлечь внимание? Нет, не получилось, акаи-Албай.

– ...

– Спрячь это, чтоб не видели.

– Может, я смогу продать это русским? У российских военных есть хорошие деньги. Это они контролируют «Афганский маршрут»... Они купят и продадут его европейцам по отличной цене.

– Нет, ака, нет, спрячь, зачем европейцам азиатский дьявол?!

– Хорошо... Спрячу... Заверну и брошу в подвал, не буду держать на виду.

---

[1] Кара-яра – заболевание, характеризующееся развитием острого зоонозного инфекционного серозно-геморрагического и некротического воспаления.

[2] «Хизби-Халг» – «народная партия» (проправительственная).

[3] «Нахзати-Исламии» – Партия исламского возрождения.

***

В коридоре послышался голос хозяйки квартиры. Он остановился. Быстро закрыл окно, чтобы сквозняк не захлопнул двери. Хозяйка квартиры пришла с несколькими гостями.

«Да, вероятно, та симпатичная дама и есть сестра апаи-Дилрубо... но если не считать элегантного шарфа, которым она обвязала шею, по ее полосатой одежде нельзя сказать, что она человек искусства».

– Это и есть твой мастер? – симпатичная дама направила на него указательный палец, на который было надето сразу несколько колец, украшенных сверкающими камнями.– Посмотрим, что он сделал? Кажется, он не здешний, да? – она посмотрела на свою сестру.

– Да, ападжон, я туркмен, – сказал он робким голосом, – мои предки из Дашогуза.

– Что, в ваших местах не нужны маляры, что ты добрался до наших краев?

– …

Гости, расхаживая по комнатам, разговаривали о чем-то, перебивая друг друга. Среди смешанных голосов он пытался различить, о чем говорила апаи-Дилрубо с сестрой.

– Твой мастер очень хорошо нанес цвета. Видишь, нигде не остались следы от кисти, – все другие одобрения прекрасной дамы, за исключением этих слов, напоминали больше выставление напоказ своих знаний, нежели просто оценку работы. – Мне больше нравится цвет этой комнаты! Синие стены наполняют комнату воздухом.

Он поднял с пола кисть, которую уронил. С искусственной любезностью посмотрел на даму.

Хозяйка квартиры, радуясь словам сестры, сунула руку в сумку, вытащила оттуда пачку купюр в пятьдесят сомони.

– Но… – ее сестра хотела что-то сказать. Хозяйка квартиры быстро вернула деньги на место, со стуком закрыв круглые защелки сумки.

Он хотел сказать, что «надо было покрасить эту стену в тон цветущего кизила», но промолчал, чтобы не разозлить хозяйку квартиры.

– Дилрубо, – сказала ее сестра, – я должна сказать тебе кое-что, напомни, попозже скажу, – это была последняя фраза, которую симпатичная дама сказала перед тем, как повернуться и выйти за дверь.

Дверь захлопнулась. «Не понравилось, – опустившись на колени, он нанес на лицо синюю краску, оставшуюся на кисти. – Будь ты проклят, теплый цвет!»

***

Он спустил «Дьявола…» вниз, в подвал. Сюда не ступала чья-либо нога, кроме него самого и Майры. Его самые сладкие беседы с Майрой происходили здесь, в этом полумрачном подвале. Он несколько раз пытался поцеловать Майру в темноте, но она закрывала лицо руками, затем, прислонив голову к стене, печальным голосом, запинаясь, говорила: «Албайджон, я ведь замужем».

«Нет, эта картина не для подвала. Пусть, кто что хочет, то и говорит, я повешу прямо на входе, на самом видном месте. И буду показывать каждому клиенту, который придет».

Он вернулся в мастерскую. Стоя у входной двери, стал смотреть на стены. Карандашом отметил самое заметное место, прибил туда гвоздь. Встал, долго поглаживая рамку рисунка. «Интересно, сколько дьяволов видели во́роны?»

– Албай Кушан? – мужчина в черной тюбетейке, которая была вышита белыми бута, положил руку ему на плечо.

– Да, я, – вздрогнул он.

Гость, который был одет в черный плащ, как правительственные чиновники, вытянув шею, захотел посмотреть на картину, но он спрятал ее за спиной.

– Проходите, пожалуйста, – он позвал гостя зайти. – Хотите чаю?

– Албай Кушан ... – гость прошел и, скрестив ноги, сел на курпачу, – Албай Кушан... я пришел купить картину, что у тебя есть?

– Есть, у меня есть хорошие картины, пейзаж, натюрморт, портрет... что вас больше всего интересует, акаи...?

– Хакимджон Шопаев! – гость произнес свое имя с особой торжественностью, сунул руку в нагрудный карман, убедившись, что то, что он положил, на месте, быстро вытащил руку оттуда.

«Шопаев?! У Майры такая же фамилия», – приятное тепло прошлось по нему. Он улыбнулся гостю как дорогому человеку.

– Меня интересуют портреты, – гость, прислонив пиалу к губам, сделал полный глоток чая.

Он поставил портреты, которые рисовал для продажи, перед гостем. Гость брал картины по одной и внимательно рассматривал их, приближая к глазам. Затем пробурчал под нос что-то невнятное и отложил в сторону.

– А больше нет, Албай Кушан?

– Нет, акаи-Хакимджон, больше нет.

Гость встал и прошелся по комнате.

– А что за картину вы держали в руках?

– Эта? – он показал ему картину, которую, отвернув, прислонил к стене. – Это не портрет.

– Ничего, дай посмотрю.

Гость перевернул картину:

– О Боже! Даже рога поставил... – он снова прислонил картину к стене. – Сколько мне дать за нее?

– Сможете дать две тысячи сомони? – чтобы переубедить гостя, он намеренно назвал высокую цену.

– Договоримся, – ответил гость многозначно, – а это почему ты накрыл?

– Это не для продажи, акаи-Хакимджон, – это – семейная картина, я нарисовал для себя.

– Посмотрим? – гость, не дожидаясь ответа, протянул руку и снял покрывало с портрета Майры. Часто моргая глазами, он смотрел на картину и, скомкав покрывало, бросил его в угол комнаты:

– Так...Хммм…Кто-нибудь видел это?

– Нет, только я сам смотрю, акаи-Хакимджон, – ответил он мягким голосом, чтобы подавить смущение, вызванное поступком гостя.

– Женщина всегда подобна белому холсту, замажь ее скорее всем тем, что у тебя в душе! – сказал гость с нескрываемой злобой. – Только постарайся, чтобы краска быстро высохла, Албай Кушан, иначе ее коснутся черные руки, душа сильно защемит. Я покупаю это, – гость, развернувшись по-военному, схватил картину «Дьявол очищается». – Пришлю деньги попозже.

«Слава тебе Господи, – он задвинул затвор двери, как только вышел гость, – две тысячи сомони!» Улыбнулся. «Кажется, ему понравилась картина Майры. Нет, приятель, ни за какие деньги я не продам ее».

Он снял портрет Майры со стены: «Нет, я никогда больше не закрою твоё лицо ... но я должен защищать тебя от посторонних глаз. В темноте, но на свободе!»

Поддерживая раму, спиной вперёд спустился в подвал. Повесил картину на один из старых крючков.

***

В дверь снова постучались. Хозяйка квартиры прошла и еще раз посмотрела на комнаты.

– Завтра принесут мебель, соберись и уходи. Я заплачу тебе после того, как будет установлена мебель.

– Вечером... я должен заплатить за квартиру сегодня вечером, апаи-Дилрубо, пожалуйста…

– За день или два Земля не сойдет со своей оси, потерпишь…

– Я потерплю, апаи-Дилрубо, но старуха Садбарг не потерпит. Меня не пустит домой...

– Пусть, – хозяйка квартиры пожала плечами, – на свете много подвалов, арендуешь один из них.

***

Он собрал инструменты для покраски, попрощался, не называя имени хозяйки квартиры, и закрыл за собой дверь. Спустившись по лестнице, стал у входа в блок. Ему не хотелось возвращаться домой. Не хотелось встречаться со старухой Садбарг... Он сунул руку в карман. «На чай хватит,– засунул несколько сомони еще глубже в карман, – может быть…» Он вспомнил слова, которые однажды ему сказала его бывшая невеста. «Албайджон, – сказала его невеста, – ты плохой человек, моя мама насильно обручила нас, а ты обрадовался. Насильно можно сорвать плод, но цветок насильно не распустится. Я выбрала место, где я могу расцвести». Затем сказала: «Когда у тебя будут проблемы, дай мне знать, я помогу тебе». Ни тогда, ни сейчас он не понимал, произнесла невеста последние слова, чтобы утешить его, или хотела ослепить его глаза светом своего будущего счастья. «Нет, мне не нужна помощь! – он произнес эти слова громко, чтобы убедить себя. – Я сам найду выход!»

Бросив сумку через плечо, вышел из блока.

***

Погода намного смягчилась. Стал расхаживать в мастерской. «Я соберу своих друзей, отвезу их в Ховалинг. В Бадахшане тоже хорошо, но в тех местах все еще очень холодно. Может быть, пойти в Ходженд? Хмм... А как Курган-Тепе? Две тысячи сомони хватит как минимум на пятерых. Неделю подышим чистым горным воздухом».

Внезапно погас свет. «Ничего, – подумал он, – включат попозже».

В соседних дворах матери звали своих детей домой. Больше всего матери боятся, когда выключают свет в сумерках.

Из подвала донесся звук. Навострив уши, прислушался. Зажег спичку и поднял ее над головой. Носком своей обуви нашел лестницу и осторожно спустился в подвал. Снова зажег спичку. Одна из картин на стене сорвалась с крючка и упала на бетонный пол.«Боже мой! Портрет Майры!» – он бросил угасающую спичку, сел на пол, по наитию нашел картину и поднял ее. Прямо в темноте стал водить рукой по картине.

– Жалко, повредилась. В нескольких местах даже краска отвалилась.

– Албай Кушан, акаи-Албааай!

– Пожалуйста, заходите, я здесь, в подвале. Уже выхожу. Свет отключили. Скоро включат.

– Албай Кушан, мы принесли деньги за картину, мы люди Хакимджона Шопаева, днем он сам приходил. Брат апаи-Дилрубо, сын тети Садбарг, – постепенно, находясь в подвале, он мог более отчётливо слышать голос, – мы говорим о муже Майры, генерале Шопаеве. Не выходи, мы сами идем.

Лестница, спускающаяся в подвал, осветилась ручным фонарем, а затем раздались звуки тяжелых ботинок.

***

Под мостом сидели двое мужчин. Перед ними был расстелен картон, на котором была еда. Свет уличного фонаря, просачиваясь через ветки тополя, падал на них.

– Угощайся, путник, – один из мужчин схватил бутылку водки за горло, ударив щелчком по стеклу бутылки, показал ему, – подойди, согрей душу.

Ему протянули кусок картона. Постелив под себя, он сел.

– Почему у тебя лицо посинело, ако? Тебя избили? – другой мужчина, спросив с ходжендским акцентом, протянул ему пластиковый стакан, полный водки.

– Нет, я боячи, – он залпом выпил водку, – крашу стены. Я крашу черные стены розовой краской. Иногда заказывают синий цвет, – взял из консервной банки кильку, бросил в рот.

– Да, прибыльная профессия, ты, вероятно, хорошо зарабатываешь. Купишь нам выпить?

Он, сунув руку в карман, бросил несколько купюр в один сомони на стол. Самый молодой среди мужчин, схватив купюры, побежал за водкой.

Какой-то черный кот, помяукав, стал тереться хвостом об его ногу. Он взял полную горсть хвостов килек, сложенных в кучу в углу на картоне, и положил их перед котом.

– Прогони его, очень наглая морда, с утра сколько раз кормили его.

– Пусть ест, все равно выбросим хвосты, – он погладил голову кота.

– Освежить тебе водку, акоджон? – не дождавшись ответа, мужчина наполнил его стакан. – Как тебя зовут?

– У меня нет имени. Просто можете звать меня боячи или боякчи, если вам угодно.

– Не стесняйся нас, акоджон, – мужчина рукой ударил его по колену, – все, кто приходит сюда ночевать под мостом, являются нашими братьями.

– А вот и я! – мужчина, который ходил за водкой, поставив бутылку на картон, занял свое место. – На пол-литра не хватило, купил чекушку.

– Дай Бог здоровья боячи, возьмет еще одну в рассрочку.

– Кстати, о боячи... девушки в магазине говорили, что какой-то боячи по имени Албай Кушан покончил с собой. Его тело нашли в подвале.

– Не сказали, почему покончил? – спросил пренебрежительно другой мужчина.

– Нет, не сказали, просто сказали, пустил пулю в сердце, а затем, чтобы не мучиться, пустил еще одну пулю себе в затылок. Говорят, что все его тело было синим.

***

Издали донеслось мяуканье кота. Он оглянулся. В темноте ничего не было видно.

Шум проезжающей по мосту автомобильной колонны, заглушил голос кота…

Ташкент – Душанбе, 2005г.

Мятные конфеты

Свернув на дорогу в сторону лагеря беженцев, я остановился. Мне хотелось запечатлеть в зрачках сердца зрелище, открывшееся передо мной: изношенные крылья палаток, истонченные от ветхости паласы, беспорядочные как надгробные камни мусульманского кладбища, ряды бесчисленных шатров, покрытые выцветшими полосками хлопковых дорожек… Возле водовозной машины очередь женщин с пластиковыми ведрами в руках… Мужчины со скрещенными на груди руками, безмолвно застывшие под навесом, сквозь щели которого сочились солнечные лучи...

Воздух был недвижим. Каждый мой шаг рождал в нем клубы густой пыли.

Дядя Осман стоял передо мной такой же, как и на фотографии. В тени своей лачуги он протирал украшенный перламутровыми кольцами руль, оставшийся от «Виллиса».

Я подошел к нему. Он приставил правую руку козырьком к глазам и долго разглядывал меня. Но не узнал. Протер толстые очки, всмотрелся в мое лицо снова...

***

Я подружился с Османом дайы очень давно: более сорока лет назад...

В деревне таких сладкоречивых и добрых, как Осман Караманлу, дети называли «дайы»[1], а таких злоязычных, желчных мужчин как Магеррам Кушдан, или как муж Саранджам – Абдал Аваз, называли «ами»[2]. Почему так, мы не знали. Звали, как слышали.

Осман дайы разменял двух бычков, яловую телку и дюжину коз на видавший виды трофейный «Виллис». Подсоединив дышло старого прицепа к буксировочному крюку «Виллиса», он продавал в горных деревнях чай, сахар, сладости, духи, посуду, детскую одежду. Свой прицеп Осман дайы именовал «паланкином». Товар он брал в рассрочку в магазине Бекира киши.

В горных деревнях, кроме учителей и работников здравоохранения, мало кто имел на руках наличные деньги, поэтому большую часть товара Осман дайы отдавал в рассрочку. Возвращаясь домой, он всегда останавливал свою машину у кяхриза[3] у въезда в деревню, мыл руки и ноги и, налив чай из красного китайского термоса с яркими розами, переписывал черновую долговую тетрадь набело.

Осман дайы прятал свою тетрадь от всех. Но однажды она осталась раскрытой на сиденье «Виллиса». Я заглянул в нее, но ничего не понял в его записях: треугольники, квадраты, посередине которых были проведены двойные линии, маленькие кружочки с рогами, напоминавшие божьих коровок...

Осман дайы не учился в школе, он не умел писать, поэтому придумал для себя собственную знаковую систему письма.

Не раз я наблюдал, как он жадно смотрел в окно на изучающих «Азбуку» первоклассников.

Об Османе дайы шушукались, что двадцать пять лет назад, когда Осману и Самандару было по пятнадцать лет, они оба влюбились в Басират, внучку краснобородого Хатама. Басират отдавала предпочтение Самандару. В те годы с середины мая до конца сентября мужчины не ходили в кяхриз по воскресеньям, потому что девушки и молодые женщины, спасаясь от летнего зноя, купались там нагишом. Однажды Осман, тайком забравшись на дерево в саду рядом с кяхризом, подглядел за купающейся Басират. На следующий день он подошел к ней: «Я отдам жизнь за две родинки на твоей левой груди, мой ангел!»

Басират пожаловалась Самандару. Тот, позвав своих двоюродных братьев, затащил Османа в кяхриз и бил о мокрые камни головой. С тех пор Осман, как выражались в деревне, «соскочил с резьбы». А девушки перестали купаться в кяхризе.

Ни у Басират, ни у Самандара жизнь не удалась. Басират поймали в стоге сена с комбайнером, приехавшим в деревню на жатву. Самандар, продырявив живот комбайнера вилами, попал в тюрьму, где через два года умер от туберкулеза. Басират же, как летучая мышь, украдкой выскальзывала из дома только по ночам.

Осман поклялся, что никогда не женится. (Я был тогда еще совсем зеленым и не понимал, почему Осман не вызволил Басират из ее мрака).

---

[1] Дайы – дядя по материнской линии.

[2] Ами – дядя по отцовской линии.

[3] Кяхриз – гидротехническая система, совмещающая водопровод и систему орошения.

Да, не знаю, правда ли это, но люди шептались, что будто через много лет Осман на одной горной вершине по дороге в дальнюю деревню, куда ездил торговать, составил из камней силуэт девушки. Украсив хной и алтеем, повязал платком, напоминавшим косынку Басират, и подолгу бродил вокруг, целуя каменные глаза своей возлюбленной.

***

Я перешел в пятый класс. На летние каникулы учитель задал нам прочитать довольно много. Я всегда носил книги с собой.

– Ты прочел их все? – Осман дайы, взвалив мои кувшины с водой на мула, кивком указал на книги в кожаной переметной сумке за моей спиной.

– Нет, но должен прочитать.

– Это сказки?

– И сказки есть, и стихи, и легенды.

– Легенды? Что такое легенда?

– Легенда – это выдуманная сказка.

Осман дайы, опустив челюсть, широко раскрыл глаза, с удивлением взглянув на меня:

– Выдуманная сказка?! Можешь рассказать одну?

Я должен был торопиться домой. Бабушка сказала, что скоро приедут в гости родственники. А дома не осталось питьевой воды. Она велела, чтоб я торопился, а не шастал по дороге. Но Осман дайы помог тащить мои кувшины, и мне было неловко отказать ему. И, если честно, я его немного побаивался: иногда, распевая на каком-то странном языке, он давал себе оплеуху, сердясь на себя: «Халтуришь, дружище!»

Я открыл книгу и начал читать ему легенду о старом дервише: *«В деревню наведался один дервиш ...»*.

Осман дайы часто прерывал меня вопросами.

– А у него волосы длинные были?

– Да, длинные были, до пят доходили, – говорил я, хотя этого не было в книге, подправляя дервиша из легенды соответственно воображению Османа дайы. Вопросов становилось все больше.

– А там написано про сказку, которую дервиш рассказывал детям?

– Нет, не написано.

– Почему дервиш дарил детям хрупкие игрушки?

– Осман дайы, подождите, я сейчас вам дочитаю, в конце все написано.

Когда я прочитал, как люди в конце легенды избивали дервиша, глаза Османа дайы наполнились слезами.

Он просил меня повторить это место снова и снова.

Бормотал за мной, пока не запомнил его наизусть: «*Дервиш исчез, поставив глиняные плитки у каждой двери. На плитках было написано: «Я хотел приучить ваших детей к тому, что, когда придет время и кто-то вручит им свое сердце, они относились к этому дару осторожно и трепетно, чтобы не разбить отданное им сердце – самую хрупкую игрушку в мире»*.

Дядя Осман сунул руку в карман, вытащил горсть конфет и протянул мне. Я схватил конфеты. Быстро развернув фантик одной, я положил ее в рот. Мятные конфеты! Как это было вкусно…

Так мы подружились с Османом дайы.

Несколько дней спустя, у подножия холма Малйатан, в месте, заросшем полынью, где я ловил кузнечиков и скармливал их индюшкам, Осман дайы остановил свой «Виллис» прямо рядом со мной.

– Ты прочитал все книги?

– Еще нет, Осман дайы, я закончил одну, сейчас читаю другую.

– О чем она?

– Стихи там. Очень длинные, – пожаловался я, – но легко запоминаются.

Я, не ожидая просьбы Османа дайы, прочитал отрывок, который помнил наизусть: *«И сказал мне мудрец, чьи белели виски: «А рога у царя были столь велики...».* У Османа дайы отвисла челюсть. Это было признаком его сильнейшего удивления. С вытаращенными глазами он слез с машины.

– Как это?! У него были рога?! У человека?

– Не у человека, а у Искендера, Осман дайы, – я хотел показать себя большим знатоком.

Когда после следующего куплета я произнес рефрен: *«А рога у царя были столь велики…»*, Осман дайы приставил указательные пальцы обеих рук к голове, изображая рога, и радостно засмеялся. Он вытащил несколько мятных конфет из кармана и положил мне на ладонь.

Десять дней спустя я увидел Османа дайы на свадьбе Гульсабах, дочери тети Сурайа. Прислонившись к тутовому дереву во дворе, он о чем-то рассуждал сам с собой, нелепо размахивая руками. Я подошел и поздоровался. Его лицо озарилось улыбкой. Пожав мне руку, он притянул меня к себе. Я отшатнулся от пахнувшего мне в лицо перегара.

– Что это было за стихотворение? Прочитай еще раз, душечка.

Выдернув свою руку, я отодвинулся. Прочитал стихотворение негромко, чтобы меня слышал только Осман дайы. Когда я дошел до места *«А рога у царя были столь велики...»*, он остановил меня. Оттолкнувшись от тутового дерева, неверными ногами дошагал до навеса, где женщины готовили свадебный плов, и, вернувшись обратно с табуреткой, поставил ее передо мной.

– Душечка, заклинаю тебя, встань сюда, повтори еще раз, но громко.

Если бы я влез на табуретку, то привлек бы общее внимание. Я заупрямился, переживая, что все будут смеяться и подтрунивать надо мной. Осман дайы был огорчен моим замешательством. Втянув голову в плечи так, что кожа отвисла на шее, он быстро вращал ею, как пеликан, заглотивший большую рыбу, судорожно перебирая в глубинах своего сознания, каким же божеством умолить меня. Нагнувшись ко мне, Осман дайы прошептал имя, всю жизнь камертоном звенящее в его душе:

– Заклинаю тебя именем Басират: встань на стул.

Я никогда не видел Басират; она была похоронена во тьме до моего рождения, но теперь, когда пьяный Осман дайы, развязав язык, произнес имя Басират, которую он убил в очах своей души, я был поражен.

Я оглянулся по сторонам. В свадебной палатке Хуршуд затянул на скорбном балабане недавно сочиненную им мелодию. Приглашенные, оставив все дела, стекались к палатке послушать печальный мотив «Карабёре».

Я встал на табуретку. *«...И сказал мне мудрец, чьи белели виски: А рога у царя были столь велики...».*

Глаза Османа дайы сияли от удовольствия, рот растянулся до ушей. Он поднял руки к голове и показал рога, затем вытащил из кармана горсть мятных конфет, аккуратно стряхнул с них крошки и протянул мне.

Рассасывая мятные конфеты, я был самым счастливым на свете.

Я так любил эти конфеты, что, где бы ни завидел Османа дайы, изо всех сил старался, чтобы он заметил меня.

Осман дайы же, когда бы ни встретил меня, если спешил, поднимал руки к голове, показывая рога, а если не торопился, останавливал свою машину, целовал меня в лоб, просил подняться на какое-нибудь возвышение, будь то камень либо пень, и прочитать стихотворение. Затем угощал меня мятными конфетами.

***

Прошло много лет. Мы переехали в город. Я стал реже наведываться в деревню. А если приезжал, то всегда второпях. Поскольку Осман дайы постоянно разъезжал по горным деревням на своем «Виллисе» с паланкином, встретиться с ним не получалось.

***

А теперь вот – передо мной стоял восьмидесятилетний Осман дайы.

Он разглядывал меня, поднеся руку к глазам; его кости высохли, и он стал гораздо ниже. Он смотрел снизу вверх, вытирая свои очки грязным платком. Надевал их, снова снимал, выдыхая на стекла, еще раз протирал, снова надевая, двигал очки рукой, меняя фокус, пытаясь понять, кто стоит перед ним.

В двух шагах за его палаткой виднелась куча битых кирпичей.

Я положил два кирпича перед Османом дайы. Встав на кирпичи, я громко продекламировал: *«И сказал мне мудрец, чьи белели виски…»*

Лицо дяди Османа изменилось: его морщинистые щеки растянулись до ушей, как мехи гармони, глаза увеличились до размера линз, рот медленно раскрылся, явив последние два зуба.

На месте *«А рога у царя были столь велики...»*, Осман дайы задвигал губами, пытаясь повторить за мной наше старое заклинание. Облако пыли нимбом всплывало над выпавшим рулем «Виллиса». Сморщенные руки старика торопливо шарили по пустым карманам брюк, рубашки …

Осман дайы медленно опустился на землю.

Нащупал руль и прижал его к груди.

Тряся плечами, он снова и снова повторял: *«А рога у царя были столь велики…»*.

Баку, 1999 г.

Человек за дверью

В дверь постучались.

– Кто там? – спросил я.

– Открой. Это я, – послышался из-за дверей уставший мужской голос.

Голос был незнакомым. На мгновение я растерялся, но все же взялся за дверную ручку.

– Кто вы?

Ответа не последовало.

Я осторожно посмотрел в глазок, но никого не увидел.

Я приехал к дяде погостить на летние каникулы.

В первый же день он строго объяснил мне, как правильно вести себя в незнакомом большом городе. Самое главное – не открывать двери незнакомцам и не заводить разговоры с чужими людьми.

Но любопытство взяло верх над дядиными правилами, царящими за железными дверьми неведомой городской жизни.

Я приоткрыл дверь, посмотрел сначала вверх, потом вниз вдоль пролета лестничного марша. Кроме рыжей кошки, лежащей на коврике у дверей соседской квартиры, не увидел ни одной живой души. Осмелев, я вышел на лестничную площадку и свесился через перила. С перил стал присматриваться на дно лабиринта городской тропинки.

Вдруг из-за сквозняка дверь захлопнулась. А ключи остались внутри.

Я постоял на лестничной площадке перед закрытыми дверьми, потом спустился во двор пятиэтажки. Ждать дядиного возвращения с работы на улице было не так скучно.

На первом этаже дома размещался большой рыбный магазин «Океан». Во дворе до меня никому не было дела: две смешливые девчонки торопливо шли к автобусной остановке; на лавочке женщина средних лет, бормоча, дергала головой; пожилой мужчина с продуктами в бумажных пакетах пересекал двор; водитель такси задумчиво протирал фары автомобиля; упираясь в стену согнутой ногой, долговязый юноша докуривал папиросу.

Перед магазином «Океан» сидел пожилой мужчина, перебиравший в руках четки.

Дядя должен был вернуться с работы на троллейбусе, поэтому я все время посматривал в сторону остановки. Чтобы убить время, я вращался на пятке на одном месте. У меня уже здорово получалось. Городской мальчик, приехавший прошлым летом на каникулы в нашу деревню, научил меня этому нехитрому трюку.

Старик с четками рукой поманил меня к себе. Старик не казался мне чужим, поэтому я смело подошел и поздоровался. Он поинтересовался, чей я и что делаю в их дворе. Оказалось, что он знает моего дядю. Я очень обрадовался и стал рассказывать ему о себе; что я живу в деревне, уже закончил шестой класс и приехал в город к дяде на каникулы. А дверь внезапно захлопнулась, и ключи остались в квартире. И теперь мне приходится на улице ждать дядю с работы.

– Ключ – хороший друг, но плохой враг, – промолвил старик.

Я, конечно, ничего не понял, но закивал для приличия.

– Увидел, как ты ловко крутишься на пятке, и вспомнил одну давнюю историю, – задумчиво произнес он.

Я прислонился к витрине магазина и стал слушать его рассказ.

– Шел 1963-й год, – старик ненадолго умолк, пробуждая воспоминания, – я тогда работал заведующим рабочей столовой завода «Суперфосфат». На нашем заводе трудились девушки со всего Союза. Женился на одной бурятке. Завод выделил нам двухкомнатную квартиру, и мы отправились ее смотреть. Квартира была большая, светлая. Очень мы тогда радовались. Составили список необходимых вещей для кухни и комнат. Вышли на балкон полюбоваться на спокойный Каспий, полной грудью дышали легким утренним бризом.

Супруга обратила мое внимание на человека во дворе, крутящегося на одном месте на пятке.

Бритоголовый парень был помладше меня; где-то двадцати двух, двадцати трех лет. Стоя на пятке правой ноги и отталкиваясь левой, он вращался сначала в одну сторону, затем, меняя ногу, в обратную. Мы даже засмотрелись на него, потом вернулись в квартиру покушать.

Из дома мы прихватили с собой хлеб, брынзу, колбасу, зелень и чай в термосе. Супруга расстелила газеты прямо на пол, нарезала хлеб, брынзу, разлила в медные стаканы чай, затем о чистую марлю вытерла нож и передала его мне, чтобы я нарезал колбасу. Странная была девушка; никогда сама не резала колбасу, говорила, что у нее сердце трясется при разрезании колбасы...

– Очень интересно, почему этот парень крутится, – отхлебывая чай, сказала жена.

– Не знаю, – задумался я.

Действительно, если бы это был ребенок... А тут взрослый парень. Очень мне захотелось узнать.

– Одну минутку, сейчас схожу, спрошу, чего это он?

Нам обоим было весело.

Спустился я во двор, подошел к парню, который все еще вертелся. Увидев меня, он остановился. У него были очень большие круглые глаза. Никогда в жизни не видел таких глаз. Я поздоровался с ним.

– Живи тысячу лет! – не по возрасту хриплым голосом ответил незнакомец.

В наших краях про человека с таким голосом, говорят, что «у него горло проткнули зубилом».

Спросил его, почему он здесь стоит, кого ждет.

– По настоятельному зову родственника вчера утром приехал из района в город, хочу работать на заводе. С родственником условились встретиться во дворе третьего от автостанции дома в сторону Каспия. Вот жду-жду, а его все нет. Ничего не ел со вчерашнего дня, – выпалил парень.

Я пригласил его в нашу новую квартиру. Жена угостила нового знакомого чаем с бутербродами.

Разговорились. Мне очень понравилось, как он рассказывает, хотя в разговоре очень часто проскальзывал мат на русском. Казалось, он недавно вернулся из армии.

«Человек велик настолько, насколько велики его мечты», «человек красив настолько, насколько красивы его мечты», – эти речи, с хрипотцой произносимые им, завораживали меня. Он уверял, что он сам до этого додумался.

Наш завод как раз набирал рабочих. Но был воскресный день. Я проводил супругу, а его отвел в мужское общежитие, с комендантом которого был в приятельских отношениях. По дружбе ему разрешили остаться до устройства на завод.

Я дал ему немного денег на первое время и показал заводскую столовую, где мы договорились в понедельник встретиться.

С утра он уже поджидал меня. Отвел его к директору завода. Ашраф, так звали парня, сказал, что хорошо разбирается в счетоводстве. Директор долго его расспрашивал. Ответы ему понравились, и он подписал приказ о приеме на работу. Ашрафа определили в бухгалтерию помощником счетовода и заселили в общежитие уже на постоянной основе.

Во время обеденного перерыва я всегда ждал его. Но Ашраф так ни разу и не пришел. Даже не знаю, где он обедал.

Однажды он появился. В руках держал сверток: что-то похожее на книгу, завернутую в газету. Ашраф поинтересовался, есть ли у меня надежное место. Получив утвердительный ответ, пояснил: «Родственники список книг дали. Вот эту нашел, купил. Ищу остальные. Потом отправлю родным в район».

Взяв у него сверток, я положил в железный шкаф, где хранил рабочие документы. На ходу он выпил стакан чая. Прощаясь, сказал, прищурив свои огромные круглые глаза:

– И почему же все это мы должны называть «жизнью»?

Я, конечно, догадывался, что ему нелегко. Всем приезжающим из района в большой город на первых порах, пока не обустроят свою жизнь, приходилось очень трудно. Поэтому не стал обременять его своими наставлениями.

Через три дня он пришел с похожим свертком, который я положил к первому.

– А что за книги? – спросил я.

– Сказки. Детские сказки, – ответил он.

Прощаясь, заключив в рамки бровями свои огромные круглые глаза, сказал:

– А жизнь-то очень смешна, не правда ли?

Так через каждые три дня в железном шкафу появлялся очередной сверток.

Накануне праздника Новруз он пришел с торбой за своими книгами. Аккуратно сложил все свертки и сказал, что уезжает на праздник домой, повезет подарки. Крепко обнял меня, закинул торбу за спину.

– Давай назовем все это другим словом, только не «жизнь», – и, не оглянувшись, ушел.

Утром, едва только начался рабочий день, к заводским воротам подъехали милицейские мотоциклы. На заводе, конечно, иногда бывали травмы, даже, случалось, с летальным исходом. Тогда приезжала милиция, но столько милицейских мотоциклов у заводских ворот одновременно я видел впервые.

Отряд милиционеров направился в сторону столовой. «Где Ашраф?» – спросили они, зайдя в мой кабинет. И я понял, в чем дело.

На суде я узнал, что он закрутил роман с молодой грузинкой из бухгалтерии. И они, частями выкрав деньги из заводской кассы, вместе скрылись. Нашлись свидетели, которые дали показания, что он часто приходил ко мне со свертками и оставлял их у меня.

Меня слушать не стали. Только смеялись, когда я пытался объяснить о своей уверенности в том, что храню книги.

Получил семь лет строгого режима. Ашрафа и грузинку нигде не нашли. Его родственника тоже не отыскали.

Просидел в баиловской тюрьме от звонка до звонка...

С тех событий прошло ровно тридцать лет.

Однажды ехал в Гянджу на свадьбу внука родственника. На станции Баладжары вышел покурить. Боковым зрением заметил стоящего под фонарным столбом и пристально смотрящего в мою сторону человека. Его огромные круглые глаза показались мне знакомыми.

Электровоз подал сигнал, и, когда поезд уже тронулся, этот человек подошел ко мне и хриплым голосом быстро спросил:

– Нашел ли ты лучшее название этой жизни?

– Ну и как? Вы нашли другое название? – взволнованно спросил я.

– Нет, не нашел, – ответил старик и, прикрыв глаза, снова стал медленно перебирать костяшки.

Я стоял рядом и молчал.

Когда дядя взял меня за руку, я прочертил на пятке полукруг и пошел за ним под угасающий стук янтарных четок.

Баку, 2008

СВЕТЛАНА ХАЛЫГОВА

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

Мультикультурализм – это политика, направленная на сохранение и развитие в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий народов и обосновывающая такую политику теория или идеология, являющаяся одним из аспектов толерантности, предполагающей параллельное сосуществование культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития в общечеловеческом русле массовой культуры.

Следует признать, что мультикультурализм, как часть политической идеологии, призван стабилизировать взаимоотношения этносов и их культур не только в развитых странах Запада, о чём много написано, но и в странах других регионов мира, а также на глобальном уровне, о чём в настоящее время свидетельствуют бесконечные призывы к диалогам культур и цивилизаций Востока и Запада. При исследовании мультикультурализма внимания требует и анализ причин, которые предельно активизируют интерес к данному исторически всегда существовавшему феномену в современную эпоху. К числу этих причин относится тенденция к однополярности современного глобального социально-экономического развития общества, где закономерные на первых этапах социальные противоречия и конфликты сменяются этнокультурными и в частности конфессиональными противоречиями и конфликтами. Однако последние – это вершина айсберга, основанием которого являются экономические и политические противоречия.

Позитивную роль в гармонизации этнокультурных отношений в свете политики мультикультурализма, универсального феномена глобального социокультурного развития, играют и в дальнейшем могут играть научные исследования истории культуры и ее современного развития. При этом выявляются схожесть и различия разноэтнических и разнорегиональных культур, что свидетельствуют об исторической духовной общности их носителей. Эти исследования могли бы способствовать толерантности и гармоническому сосуществованию разных этносов в отдельных государствах. К числу интересных объектов исследования можно отнести сравнительные исследования мультикультурализма в советском и постсоветском пространстве. Идея мультикультурализма выдвигается в основном в экономически развитых странах Запада, где наблюдается значительный приток иммигрантов. В современной Европе мультикультурализм предполагает прежде всего включение в её культурное поле элементов культуры иммигрантов из стран «третьего мира».

Мультикультурализм является естественным и привычным образом жизни азербайджанского народа. Уважение к другим религиям и образу жизни – привычный стиль жизни нашего народа.

10 января 2015г. на заседании Кабинета Министров, посвященном итогам социально-экономического развития, Президент Азербайджана Ильхам Алиев сказал:

«Азербайджан проделал огромную работу, связанную с мультикультурализмом. Пример Азербайджана показывает, что мультикультурализм живёт, несмотря на то, что некоторые политики утверждают, что мультикультурализм потерпел крах. Может быть, где-то и потерпел крах, но в Азербайджане он живёт. Эти тенденции усиливаются, получая большую поддержку общественности. Мы будем идти по этому пути. Таким образом, нынешний год в Азербайджане объявляется «Годом мультикультурализма».

Азербайджан – интернациональная страна, и корни этой интернациональной дружбы уходят в века. В Азербайджане можно встретить свидетельства различных древних культур буквально в любом уголке страны.

Особенно интересен с этой точки зрения Гахский район, который был частью древней Албании. Здесь находится храм Кюрмюк, расположенный в Алазань-Хафтаранской долине и сохранившийся с древнейших времён. Сегодня он является местом поклонения для всех местных жителей, как христиан, так и мусульман. Этот памятник, и его происхождение не связано ни с христианством, ни с исламом.

Историк Меджид Мехрани пишет, что история христианства насчитывает 2 тыс. лет, а возраст этого памятника 3-5 тыс. лет. В те далёкие времена все народы, проживающие на этой территории, собирались в этом священном месте два раза в год. В мае они отмечали окончание полевых работ, а в ноябре – окончание сбора урожая. Они приносили сюда праздничные дары, делились друг с другом, благодарили эту землю. В III-VII веках нашей эры эти территории были захвачены, и Албанское царство оказалось в составе Сасанидской империи. На данной территории был распространен и зороастризм.

Кюрмюк по своему первоначальному назначению был построен в честь святой троицы – Бога Неба, Солнца и Луны, которым поклонялись древние албанцы, а позже, в эпоху раннего христианства он, как и другие дохристианские храмы, был трансформирован в церковь, где проводились христианские ритуалы. Так сформировался албанский католикосат.

Албанская церковь существовала на территории Северного Азербайджана вплоть до начала XIX века. После подписания в 1828 году Туркманчайского договора, в 1836 году Албанская церковь была ликвидирована и запрещена. В 1837 году этот памятник культуры стал функционировать как православная церковь. Историк Мехрани отмечает, что проводимые два раза в год праздники в храме «Кюрмюк» не связаны ни с грузинами, ни с христианством. Иначе он отмечался бы в эти дни (6 мая и 23 ноября) и в Грузии, т.е. в григорианских храмах Телави, Кутаиси или Тбилиси. Стало быть Кюрмюк не имеет отношения ни к христианству, ни к его православному течению. Просто обычаи, уходящие корнями в трех-пятитысячелетнюю древность, сохранились под другими названиями.

Историк рассказывает, что недалеко от храма есть большой чёрный камень, тайна которого не раскрыта. В нём есть отверстие, и тысячи людей бросают туда монеты и загадывают желания. С этого священного места вся Алазань-Хафталианская долина видна как на ладони. В древние времена, когда на этом месте зажигали костёр, он был виден со всех сторон. Вера в святость этого места веками притягивала людей, и они собирались здесь независимо от того, кто управлял этой святыней.

В настоящее время этнический состав населения Азербайджана составляют тюрки-азери, русские, армяне, грузины-ингилойцы, немцы, украинцы, поляки, евреи, греки, народы нахско-дагестанской языковой семьи (лезгины, удины, шахдагские народы, аварцы), ираноязычные народы (талыши, курды, таты, цыгане).

Ниже приводится краткая информация из истории поселения выше перечисленных народов в Азербайджане.

Тюрки-азери составляют основное население страны.

Русские стали переселяться на территорию современного Азербайджана с первой половины XIX века.

Армяне, которые также были переселены в Карабах благодаря А.Грибоедову в начале XIX века, компактно проживали и в других районах республики, а также в столице – Баку. В настоящее время немногочисленное армянское население сохранилось в Баку и на территории Карабаха.

Грузины-ингилойцы – этнорелигиозная группа грузин, проживающая на северо-западе Азербайджана. Говорят на ингилойском диалекте грузинского языка. Часть их исповедует христианство, а часть ислам суннитского толка. Ингилойцы-мусульмане проживают в Балакенском и Закатальском районах, а ингилойцы-христиане – в Кахском районе. В селе Алибейли действует Кахский государственный грузинский драматический театр. На грузинском языке издаётся газета «Шалала». Писатель Якоб Гогебашвили является автором интересного исторического рассказа «Царь Ираклий и ингилойцы». В 2009 году на студии «Азербайджанфильм» был снят документальный фильм «Ингилойцы», посвящённый истории, культуре, обычаям и традициям этой коренной народности Азербайджана.

Украинцы. В конце XIX века начался процесс развития промышленности в Азербайджане, что привлекло в регион значительные массы мигрантов, среди которых были и украинцы.

Немцы. Переселение немцев, в основном из Швабии, происходило в 1819 году. Весной 1819 года немцы основали две колонии – Еленендорф и Аппенфельд (ныне это города Гёй-Гёль и Шамкир). Спустя некоторое время были основаны ещё 6 колоний – Гринфельд, Траубенфельд, Елизаветинка, Эйгенфельд, Георгсфельд, Алексеевка. Немецкие колонии Азербайджана были связаны между собой. Неофициальным экономическим и культурным центром являлся Еленендорф, который был самым большим немецким поселением на Кавказе. Несмотря на культурное и языковое различие, немцы и местные народы тесно контактировали в культурной и экономической сфере. Большинство немцев были крестьянами, которые и на новом месте занимались традиционным земледелием. Они создали многоотраслевое товарное сельское хозяйство и заняли свою нишу в капиталистической хозяйственной системе Российской империи. Немцы оказали влияние на появление и развитие на Кавказе некоторых отраслей хозяйства, способствовали распространению здесь новых или усовершенствованных орудий труда и передовых методов хозяйствования.

Поляки. В конце XIX века в Азербайджане появились первые польские миссионеры – иезуитские монахи. Российская империя в XIX веке отправляла поляков-оппозиционеров в ссылку в отдалённые от Польши части империи, в т.ч. и в Азербайджан. Причиной второй волны иммиграции поляков в Азербайджан послужил «нефтяной бум» XIX-XX вв. и последовавшие за ним активное развитие города Баку. Развивающемуся Баку требовались архитекторы, нефтяники, инженеры и другие специалисты. Одним из первых специалистов в нефтяной промышленности Баку были Павел Потоцкий и Витольд Згленицкий. Ими были проведены работы по засыпке Биби-Эйбатской бухты для добычи нефти. Эти исследования имели огромное значение для дальнейшего промышленного развития Азербайджана. Польскими архитекторами: Пославским, Плошко, Скуревичем, Скибинским и другими в Баку были построены такие здания, как здание Мэрии города Баку (архитектор Иосиф Гославский), Здание Академии Наук – Исмаилии (архитектор И.Плошко), Дворец Тагиева, Дворец Мухтарова (архитектор И.Плошко), Нагиевский дом, здание Мусульманской школы, множество жилых домов в исторической части города и несколько мечетей. 24 апреля 2003 года польская община «Полония-Азербайджан» прошла государственную регистрацию в Министерстве юстиции Азербайджана.

Евреи. На протяжении многовековой истории на территории Азербайджана жили евреи, принадлежащие к разным этнолингвистическим группам – горские евреи, ашкенази и грузинские евреи. Самые ранние упоминания о евреях были найдены при раскопках в районе города Баку в 1990 году археологами под руководством Р.Геюшова. При раскопках были обнаружены остатки еврейского квартала и Шабранской синагоги, датируемой VII веком нашей эры. Евреи Азербайджана никогда не сталкивались с какими-либо проявлениями антисемитизма в стране. Представители еврейских общин Азербайджана принимали и принимают активное участие в политической,

культурной, социальной и экономической жизни страны. Сегодня в Баку сохранились мемориальные доски на зданиях, где жили видные представители еврейской национальности, такие как лауреат Нобелевской премии физик-теоретик Лев Ландау, заслуженный врач республики Соломон Гусман, герой Карабахской войны Альберт Агарунов и многие другие. Еврейскую общину в парламенте Азербайджана представляет Евда Сасунович Абрамов.

На территории Азербайджанской Республики функционируют три еврейские общины: 1. Община горских евреев, проживающих в основном в Губе (посёлок Красная Слобода) и Баку. 2. Община евреев-ашкинази (европейские евреи) с основными местами проживания в Баку и Сумгаите. 3. Община грузинских евреев, сосредоточенных почти исключительно в Баку. В настоящее время в Азербайджане действуют несколько синагог, созданы и активно функционируют Центр Азербайджано-Израильской дружбы, еврейское агентство «Сохнут», комитеты по защите и сохранению еврейских традиций – «Джойнт» и «Ваад-Л-Хетзола», религиозные школы-пешивы, Еврейский культурный Центр, женское общество «Ева», благотворительное общество «Хесед-Хершон», молодёжные клубы, «Алеф», Студенческая организация «Гилель», видеоклуб «Мишпаха», учреждены газеты «Аз-Из», «Башня» и «Амишав». Ими при содействии посольства Израиля в Баку проводится множество культурных мероприятий, издаётся еврейская литература, организовываются различные творческие коллективы. Еврейская община является одной из самых активных и влиятельных религиозных общин Азербайджана.

Греки являются одним из национальных меньшинств Азербайджана. Проживают они в Баку, Сумгаите, Хачмасе, Кубе, Кахе, Гяндже. Первые поселенцы появились в Карабахе в селе Мехмана на побережье реки Тертер. 23 мая 1830 года грузинский экзарх назначил главой прихода греческой общины протоиерея Василия Андрианова. В 1851 году уроженец Трапезунда, мастер Харлампий Кундуров (он же уста Аллахверди) построил два медеплавильных завода около города Ордубад и Кавартский на склоне горы Саяд-даш. В 1860-е годы им же были построены в целях благотворительности школа и церковь. Сыновья Х. Кундурова усовершенствовали заводы и оставались их владельцами вплоть до Октябрьской революции. В середине XIX века местные греки занимались строительством различных сооружений, в том числе и православных храмов. Так, в Баку в 1850-1857 годах был построен Николаевский собор на 400 человек внутри крепости у Шемахинских ворот. В селе Алты Агач в 1854-1855гг. жителями-грекамами была построена ещё одна церковь святого Николая. Только в конце XIX-начале XX века греки начали переселяться в Баку. Иммигрантами преимущественно были рабочие, среди которых были как жители греческих поселений в Закавказье, так и иммигранты из Турции. В 1907 году в Баку насчитывалось уже 800 греков, выходцев из Малую Азию, однако они не могли посещать церковные службы, т.к. богослужение там велось на церковно-славянском языке, а большая часть малоазиатских греков русский язык не знала. Греческое общество подало градоначальнику просьбу открыть греческую церковь и разрешение помогать малоимущим членам общины, которое было удовлетворено. С этого времени началась работа по сохранению греческого языка, народных обычаев, традиций, оказывалась материальная помощь малоимущим от аукционов, благотворительных спектаклей и пожертвований предпринимателей. Новая волна греческой миграции пошла после окончания Первой Мировой и Гражданской войн. В Баку были построены греческий театр, церковь, библиотека и начальная школа, существовал футбольный клуб «Эмброс». Неспокойная обстановка в Азербайджане привела к массовой эмиграции греков в 1990-1992гг. Из Баку и Сумгаита в Грецию уехали около 100 человек, а село Мехмана в дни Карабахской войны практически все опустело. Приход к власти Гейдара Алиева сумел стабилизировать ситуацию. В Азербайджане существуют диаспоры национальных меньшинств и появилась возможность создавать общины. В 1993 году

было открыто посольство Греции в Азербайджане. В 1994 году по инициативе греческого посла П.Каракасиса появился Греческий культурный Центр. Были организованы воскресные курсы греческого языка, кружки песен и танцев, собрана фонотека, создана библиотека с книгами о Греции, а также налажено вещание греческого радио и телевидения. В 1997 году Центр был преобразован в Греческое общество «Арго». Диаспора является неотъемлемой частью населения Азербайджана, которая вносит свой вклад в развитие страны.

Народы нахско-дагестанской языковой семьи. На севере Азербайджана проживает большая группа автохтонных народов, относящихся к нахско-дагестанской языковой семье – лезгины, аварцы, ахвахцы, цахуры, удины, а также хиналугцы, будухи и крызы. Многие из них живут в Баку, Сумгаите и других городах страны. Представители данных народов, кроме удин-христиан, исповедуют ислам суннитского толка.

Лезгины. В античности на территрории нынешних современного Южного Дагестана и Северного Азербайджана проживали племена, говорившие на языках нахско-дагестанской группы.

В середине XVIII века, в связи с распадом державы Надир-шаха, в Восточном Закавказье возникли десятки полунезависимых ханств и султанств, в том числе Губинское ханство, в состав которого вошли азербайджанские лезгины. Впоследствии они вошли в состав Губинского уезда Бакинской губернии. Появление большого количества лезгинских сел в Азербайджане связано с переселением дагестанских лезгин на его территорию. Немаловажную роль в переселении дагестанских лезгин на территорию предгорной и плоскостной части Северного Азербайджана сыграло передвижение безземельных горцев с северных склонов Большого Кавказа на южные территории расселения азербайджанских лезгин. Это области с плодородной землей, где можно было разводить сады и огороды, в то время, как поселения дагестанских лезгин находились в труднодоступных горных местах, зачастую на крутых скалах, где нередко ощущалась нехватка земли. В конце века малоземельные крестьяне-лезгины уходили на заработки в Баку и в другие города России. На заработки в города Азербайджана отправились и работали там многие известные лезгинские поэты – ашуг Саид из Кочхюра, Етим Емин, являющийся основоположником лезгинской национальной литературы, Тагир Хрюгский. В пролетарском Баку формировалось творчество поэта Гаджи Ахтынского, ставшего первым поэтом-пролетарием не только в лезгинской, но и во всей дагестанской литературе. Л.И.Лавров писал, что в конце XIX века рост числа лезгин, уходивших на заработки в Баку и другие центры, привёл к зарождению лезгинского пролетариата. Представители лезгинского народа активно участвовали в общественно-политических и революционных событиях в Азербайджане конца XIX-начала XX веков.

В 1963 году ЦК КП Азербайджана приняло специальное постановление об обучении лезгин на родном языке, издании районной газеты и решений других культурных задач. С целью координации работ по развитию лезгинского языка и культуры в Азербайджане был создан лезгинский национальный центр «Самур». В настоящее время на лезгинском языке в стране издаются газеты «Самур», «Кусар», «Ени Самух» и «Алпан», а также литературный журнал «Чырагъ». На лезгинском языке ведёт передачи Кусарское радио. В1996 году в Баку сформировался лезгинский ансамбль песни и танца «Сувар», получивший звание «Народный коллектив Азербайджана«». В 1998 году в Кусарах был открыт Государственный Лезгинский драматический театр. Активно развивается местное художественное творчество. Из их среды вышло немало поэтов и писателей, произведения которых издаются в Баку. В 1987 году был опубликован сборник стихов, в который были включены сочинения 35 поэтов-лезгин на азербайджанском языке. На азербайджанский язык был также переведён лезгинский эпос «Шарвили».

Удины являются одним из уникальных народов Азербайджана. Большая часть их сосредоточена в селении Нидж Габалинского района. Остальные населяют райцентр Огуз. Они говорят на удинском языке, относящемся к лезгинской подгруппе нахско-дагестанской группы языков. Происхождение удин восходит к древнему албанскому племени утиев. Исповедуют христианство православного и григорианского толка.

Шахдагские народы. Среди дагестаноязычных народов Азербайджана выделяется шахдагская группа, которая включает в себя малочисленные группы **хиналугцев, будухов и крызов**. Это жители селений Хыналуг или (Хыналыг??), Будуг и Крыз. Эти селения относятся к числу самых высокогорных и труднодоступных селений Кавказа, и сообщение между ними и другими районами Азербайджана осуществляется в основном в летнее время. В Азербайджане также проживает небольшая группа **табасаранов**.

Аварцы – это дагестаноязычная этническая общность в Азербайджане. Они живут в Белоканском и Закатальском районах страны. Азербайджанские аварцы не имеют тесных связей с Дагестаном, т.к. во-первых, их диалект сильно отличается от литературного аварского языка, а во-вторых, эти части аварского народа разделяет мощный Главный Кавказский хребет. Рядом с аварцами живёт ещё один дагестаноязычный этнос – **цахуры**.

Ираноязычные народы – это ираноязычные этносы (**талыши, таты, курды**). Занимаемую территорию в Азербайджане они населяют с незапамятных времён и всегда активно участвовали в протекавших исторических процессах, в экономической и культурной жизни страны.

Талыши – народ, который является потомком коренного населения Кавказа, проживают на юго-западном побережье Каспийского моря и относятся к каспийскому антропологическому типу южных европеоидов. Территория проживания их (Талыш) поделена на две части пограничной полосой между Азербайджаном и Ираном. В Азербайджане талыши проживают в Ленкоранском, Астаринском, Лерикском и Масаллинском районах, а также в Баку и Сумгаите.

Курды. В 970 – 1075г.г. в Гяндже и ее окрестностях, на части исторического Аррана правила курдская по происхождению династия Шеддадидов, которая являлась наиболее сильной курдской династией Закавказья. По предположению Г.Ф.Чурсина на западе нынешнего Азербайджана курды могли появиться в период Османо-Сефевидской войны 1589 года, когда они находились в рядах османских войск и «как победители остались на занимаемых ныне местах». Персидские шахи из династии Сефевидов также переселяли курдские племена в западный Азербайджан. Мелкие курдские племена, наряду с азербайджанскими, входили в племенные объединения «ийирми дорт» (двадцать четыре) в округе Берда и «отуз ики» (тридцать два) в районе Карабахской степи.

По свидетельству курдского историка XVI века Шараф-хана Бидлиси 24 курдских рода проживали в Арранском Карабахе и известны были под названием «ийирми дорт». В «Тазкират ал-мулюк» («Памятная записка для царей») упомянут Агдаш, как отдельная улька курдского племени чамишкизек. П.Г.Бутнов сообщает, что курды в 1728 году в Муганской степи приняли российское подданство. Он пишет, что курды и шайсеваны (шахсеваны), кочующие по Муганской степи и зимою, приходили со своими стадами в сальянскую землю. Они питались от скотоводства и кочевали в кибитках. Находясь в рядах Шекинской конницы, курды-думбули в 1806 году участвовали вместе с русскими войсками в овладении (в захвате Кубинского ханства) Кубинским ханством. Летом 1812 года они содействовали отражению персидских войск на земли Шекинского ханства. В 1807 году курдский предводитель рода Махмед-Сафи-султан со своим родом перешёл русско-персидскую границу и обосновался в Карабахском ханстве.

В 1816 году курды просили русские военные власти разрешить им перейти в Карабах. Согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Эфрона они составляли 0,56% Нахичеванского уезда, а в Арешском уезде их было 359 человек. Селения Нижний Шуртан Кельбаджарского района, селения Оруджлу и Агджакенд основали курды. Из Ирана в высокогорные и предгорные районы Азербайджана основная часть курдского населения переселялась с начала XIX века вплоть до советизации Закавказья. Отдельные курдские семьи переезжали из Армении в Азербайджан. Многие выходцы из курдской этнической среды занимали видные посты в правительстве Азербайджанской Демократической Республики. Немало курдов участвовало в революционном движении в Азербайджане. В армии был сформирован батальон курдских стрелков. Курды находились в составе отряда А.Шадлинского «красный табор». В апреле 1921 года из числа минкендских курдов при Наркомвоенморе Аз.ССР был организован отряд особого назначения для борьбы с дашнаками.

Азербайджанские курды исповедуют ислам. Свой язык они называют курманджи, но в основном говорят на азербайджанском языке. На развитие азербайджано-курдского двуязычия оказали влияние частые смешанные браки. Антропологически курды относятся к каспийскому типу европеоидной расы. В.В.Бунак отмечал, что «эта группа представляет собой лишь незначительный вариант аракского или эльбрусского типов» каспийской расы.

В 1930г. у курдов Азербайджана (селение Агджакенд Кельбаджарского района) действовал кукольный театр «Килим Арасы». В 1933г. в Лачыне был открыт курдский педагогический техникум. В 1937г. в Баку был издан сборник стихов на курдском языке Мусеиба Ахундова. При республиканском фонде культуры функционирует курдский национально-культурный центр «Рогнаи», эпизодически издаётся газета «Данге Курд» («Голос Курда»).

В 2003 году приказом Министерства образования Азербайджана были утверждены программы для 1-4 классов средней школы по нескольким языкам народов Азербайджана, в том числе и по-курдскому. После начала армяно-азербайджанского конфликта на территорию Азербайджана из Армении с 200 тыс. азербайджанцев бежали многие тысячи курдов-мусульман. В результате оккупации ещё семи районов Азербайджана армянскими вооружёнными силами почти все местные курды оказались в положении беженцев или вынужденных переселенцев.

Таты. В северо-восточной зоне Азербайджана на территории Апшеронского, Хызынского, Дивичинского, Кубинского районов проживают группы небольшого по численности народа татов. Они являются прямыми потомками ираноязычного населения, переселённого ещё в XVI веке Сасанидами в прикаспийские области Азербайджана. Отдельные группы татов и сегодня предпочитают называть себя даглинцами, персами, лахиджами и др. В Азербайджане татский язык официального статуса не имеет. Теле-и радиопередач и газет на татском языке нет. А в Дагестане татский язык обладает статусом одного из официальных языков Дагестана.

Цыгане-карачи. Так их называют местные азербайджанцы, а сами себя они называют «Цыган-дом» (вариант «ром»). Это субэтническая группа. Разговаривают в основном на азербайджанском языке. Их язык непонятен европейским и азиатским цыганам. Зав.кафедрой восточных языков Санкт-Петербургского университета Керопэ Патканов в 1887 году в своей книге «Цыгане» писал о наречиях закавказских цыган-карачи, которым посвятил отдельную главу. К.Патканов писал, что в общении они использовали собственный язык наряду с татарским (так в то время называли азербайджанский язык) и татским. У кавказоведа Жан-Мари Шопена, считавшего их средневековыми мигрантами из Бактрии, также встречаются сведения о цыганах-карачи. Они вели кочевой или полукочевой образ жизни. По религии они официально являлись шиитами. Самым крупным населённым пунктом этих людей было село Карачи в Мушкурском округе Кубинского уезда.

До Карабахской войны цыганские общины существовали в Шуше и Джебраиле. В Хачмазском районе Азербайджана сохранилось село Карачи. В Евлахе, как и в некоторых абшеронских сёлах, существует целый квартал, который в народе называют «карачылар мехлеси». Местные цыгане Худата Хачмазского района являются выходцами из Ирана. В прошлом карачи занимались дрессировкой животных и выступлениями с ними перед публикой, были странствующими музыкантами и танцорами. В 1966 году на киностудии «Азербайджанфильм» режиссером Шамилем Махмудбековым по одноимённому рассказу Сулеймана Сани был снят фильм «Гарачы гыз» («Цыганка», «Чернушка»).

Мы гордимся тем, что в Азербайджане люди разных национальностей живут в мире и дружбе, и эта тенденция ещё больше усиливается в годы независимости.

Реальность опирается на многие объективные факторы. В Азербайджане соседствуют различные культуры, и ведущую роль играет межрелигиозное и межцивилизационное взаимопонимание, сформировавшееся на протяжение всей истории. Никогда не было противостояния на религиозной и национальной почве, и этот процесс успешно продолжается до сих пор. Терпимость в обществе создала уникальную толерантную атмосферу, которая привлекает внимание международной общественности.

В речи на официальном открытии 4-го Бакинского международного гуманитарного форума 2-го октября 2014 года Президент Ильхам Алиев сказал:

«Мультикультурализм – образ жизни в Азербайджане. Правда, это относительно новый термин, но на протяжении столетий в Азербайджане существовали мультикультурные общества. Наглядным свидетельством тому является дружба и солидарность между народами. Мы и сегодня стараемся оказывать позитивное влияние на процессы, идущие в регионе и в мире».

На состоявшееся в 2008 году в Баку заседание министров культуры стран-членов Совета Европы впервые были приглашены и министры культуры стран-членов Организации Исламского Сотрудничества.

А в 2009 году на заседании министров культуры стран-членов Организации Исламского Сотрудничества участвовали министры культуры стран-членов Совета Европы. Этот «Бакинский процесс» дал толчок проведению в Азербайджане Саммита религиозных лидеров мира, форума по межкультурному диалогу и Бакинского международного гуманитарного форума. Эти мероприятия продемонстрировали принципиальность Азербайджана в популяризации традиций мультикультурализма. Создание распоряжением Президента Ильхама Алиева Бакинского Международного Центра Мультикультурализма стало наглядным примером приверженности Азербайджана принципам толерантности.

ГОСТЬ

ИНВЕР ШЕУДЖЕН

(Адыгея)

Родился в Краснодаре. Выпускник Кубанского государственного технологического университета, он взялся за перо уже во вполне осознанном возрасте 40+.
С тех пор активно печатается как на родине, так и в зарубежных периодических изданиях и альманахах, его стихи переведены на несколько европейских и восточных языков. Участвует в различных литературных проектах и конкурсах.
Автор нескольких поэтических сборников, обладатель ряда литературных премий и дипломов, основатель социального проекта «Творческие встречи».

Адыгами нас издавна зовут...

Адыгами нас издавна зовут,
Черкесами порой зовут в народе...
Был благороден и непрост наш путь,
Но крепче стала горская порода:
Орлиный взгляд, особенная стать...
Нас среди равных первыми считали.
Никто и никогда не мог сказать,
Что труса средь адыгов воспитали.
Мы с детства знали, что такое честь –
Седые старики тому учили.
И не в почете издавна тут лесть –
Мужчину за поступки лишь ценили.
Черкеска, та, что кровью ты кропил,
И бурка, согревавшая веками...
Вернее нету дружбы и любви
Адыга,
если стали вы друзьями!
Он – верный твой сосед,
и это знак,
Когда к нему с бедою постучишься,
Поймешь, кто настоящий твой кунак,
Радушию такому удивишься...
В кунацкую[1] смелее проходи,
Всегда найдется здесь краюха хлеба,
Для всадника, уставшего в пути,
Для странника, живущего под небом...
Адыгами нас издавна зовут,
Храбрее горы воинов не знали.
Тернист был в испытаниях наш путь,
Но честь на жизнь
мы сроду не меняли...

[1] У адыгов комната для дружеских встреч, гостиная.

Адыгея моя

Адыгея моя, Адыгея!..
Пред тобою мальчишкой робею,
Перед мудростью гор преклоняюсь
И душою в тебе растворяюсь.

Адыгея моя, Адыгея,
Нет красот твоих сердцу милее!
Благородна, скромна, черноока,
Ты не знала ни лжи, ни порока...

Все вокруг мне до камня знакомо,
Вот тропинка, что змейкой до дома,
Между яблонь бежит белокожих,
На черкешенок статью похожих...

Повидал я на свете немало
Заграничных красот и чудес.
Но тебя мне всегда не хватало
Адыгея, я сын твой –
черкес!

Даль ночная к рассвету бледнеет,
И восходит туман над Лабóй[1].
Для тебя нету места роднее,
Коль адыгом ты назван судьбой...

Уходит жизнь...

Сквозь пальцы жизнь уходит,
как песок...
А что в остатке?.. Суета, и плен
Амбиций неуемных... Бел висок,
И за порогом – дней ушедших тлен...
Былого не вернуть, и не проси,
Но знай, все пережи́тое –
не зря.
В безбрежной зарождается выси,
С рассветом новым новая заря.
Жива надежда, значит, и душа
Вновь вырвется
из будничных клетей!..
На лист бросаю строки,
боль глуша
От просвистевших пó сердцу плетей...
Сквозь пальцы жизнь уходит,
как песок.
Но знаю я, что было все не зря!
И, народившись, осветúт Восток
Еще не раз рассветная заря...

[1] Горная река в Адыгее.

НАШИ В АМЕРИКЕ

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

Открытие художественной выставки картин выходцев из Азербайджана в Еврейском культурном центре в Бруклине явилось большим событием в жизни эмигрантской интеллигенции. Ранее здесь экспонировались произведения ведущих художников, прибывших из Баку. Причем каждый художник лично комментировал свои работы. А вот и стенд, представленный картинами и скульптурными работами Эмина Гулиева. Здесь мы и познакомились с его милой и энергичной супругой. Мне было приятно узнать, что Нармина Гулиева уже много лет сотрудничает в ООН, и Азербайджан может гордиться тем, что азербайджанские женщины так же прилагают все усилия, чтобы ООН действительно стала цитаделью мира и справедливости.

– Что подтолкнуло вас к сотрудничеству в ООН?

– После развала Советского Союза офисы ООН стали открываться во всех бывших союзных республиках, ставших независимыми государствами. Офис открылся в Баку в 1992-93 годах. Резонанс в стране по поводу этого события был большой, в основном в рамках урегулирования Нагорно-Карабахского кофликта. Тогда ООН мне казалась всесильной организацией, которая с легкостью, в одночасье, может разрулить любой международный конфликт. И мне, конечно, очень хотелось стать частью этого процесса.

– Вы имели какие-то представления по осуществлению функций сотрудника в работе ООН?

– Честно говоря, не очень. Я увидела вакансию в газете (очень хорошо помню – это была газета «Зеркало»), послала свое резюме и была приглашена на интервью, все это время совершенно не понимая, что вакансия эта не в политическом, а в экономическом подразделении ООН, о существовании которого я не имела представления. Все это выяснилось уже во время интервью, которое могло бы для меня закончиться очень печально (*улыбается*). На мое счастье, Постоянным представителем ООН в Азербайджане на тот момент был большой ценитель искусства, его кабинет был увешан полотнами азербайджанских живописцев. В самый разгар интервью, к которому, к слову, я была мало готова и, которое поэтому проходило не очень благоприятно для меня, я почему-то сделала какой-то интересный комментарий по поводу одной из его картин. Дипломат оценил мое замечание. Так мое интервью постепенно перешло на обсуждение направлений развития азербайджанского искусства. Будучи на тот момент женой одного из лучших, по моему мнению, скульпторов Азербайджана – Эмина Гулиева, я смогла с умным видом поддержать эту беседу, повторяя все то, что когда-то слышала от своего супруга. В общем, благодаря этому впечатлению я и получила работу.

– Это еще раз подтверждает истину, что иногда надо прислушиваться к рассуждениям супруга. Насколько затрудняла работа в ООН семейные обязанности?

– Мой супруг до сих пор напоминает мне, что работу в ООН я получила благодаря ему. Первые годы пришлось произвести большие перекройки сложившихся в нашем обществе устоев. Мы оба – выходцы из семей, где традиционно для женщин во главе угла стояли семья, дети, домашнее хозяйство, но ни в коем случае не карьера. Моя мама, к примеру, врач-стоматолог, с легкостью и, как само собой разумеющееся, пожертвовала своей карьерой, чтобы воспитать меня с братом. Примерно то же ожидалось и от меня.

Конечно, работа отнимала у меня много сил и времени и мешала исполнению семейных обязанностей. Я благодарна своему супругу, что в эти годы он проявил гибкость и понимание, поддерживая меня, хотя это шло вразрез с его представлениями о гендерных ролях. С годами, однако, я уверена, что моя работа только сплотила нашу семью. Частые переезды, постоянные командировки, необходимость налаживать быт с нуля, каждый раз в новых странах, растить детей вдали от родины, когда не можешь рассчитывать на помощь бабушек и дедушек, сплотили нас в одну крепкую команду, которая может рассчитывать только на себя.

– Какой род деятельности вы бы выбрали, если б не стали сотрудником ООН?

– Моей мечтой с детства было петь на сцене. И тот факт, что у меня нет ни слуха, ни голоса, меня совершенно не смущал. Как мне казалось – я бы очень старалась и просто покорила бы всех своим энтузиазмом. Ну, а если серьезно, то, вероятней всего, эта работа каким-то образом была бы связана с детьми, причем с совсем маленькими, когда можно наиболее эффективно влиять на их формирование как личности. Я верю, что ценность дошкольного образования заключается в том, что оно дает детям основу, на которой они могут построить свои последующие годы в школе и в будущей учебе, а также в том, что оно помогает детям осознать, что их действия, даже самые небольшие, могут сделать мир лучше.

– Должен согласиться с вашим утверждением. Что вы переняли для себя и семьи в американском образе жизни?

– Я очень люблю День благодарения. Я считаю это очень мудрой традицией, особенно в наши трудные времена, когда единственная уверенность, которая у нас есть, заключается в том, что неопределенность будет только нарастать. Я думаю, что этот праздник помогает нам сосредоточиться на настоящем, на том, что у нас есть сейчас, и почувствовать благодарность за свою семью, друзей, здоровье, еду на столе. Как говорят здесь, в США, считай свои благословения, а не проблемы. Кстати, такой подход к жизни очень помогает: чувство благодарности делает нас счастливее.

– Остались ли в семье какие-либо азербайджанские традиции? Справляете ли вы народные праздники?

– Разумеется. А Новруз-байрам проводим в ресторане в кругу наших соотечественников.

– Хотелось бы вам продолжать свою деятельность на теперешнем посту?

– Да, конечно. Я горжусь тем, что являюсь частью международной организации, которая была создана для решения глобальных проблем, выходящих за рамки национальных границ, и проблем, которые не могут быть решены какой-либо одной страной, действующей в одиночку.

ООН – это организация, в которую входят 193 государства-члена (это сложная организация, которая должна одновременно жонглировать 193 мячами.)

ООН часто очень несправедливо критикуют за неэффективность, не принимая во внимание то, что ООН эффективна настолько, насколько позволяют ее государства-члены. Неудобная правда заключается в том, что у всех государств – членов Организации Объединенных Наций – разные приоритеты и цели. Это особенно очевидно в Совете Безопасности, где каждое государство хотело бы получить то, что оно хочет и что лучше всего служит его национальным интересам. Однако последствия этих решений для остального мира не всегда являются приоритетными.

Организация Объединенных Наций остается уникальной системой, обеспечивая поистине глобальную платформу для диалога и действий.

– В ООН поступает информация со всех концов мира. Как вы считаете, влияет ли этот поток на образ мыслей сотрудников?

– Недавно Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций сказал, что «человечество столкнулось с глобальным пожаром по пятибалльной шкале, и что страны должны перейти в режим чрезвычайной ситуации». У него, безусловно, есть доступ к информации гораздо больше, чем у меня, и он обеспокоен. Эта обеспокоенность влияет и на всех сотрудников. Конечно, нелегко оставаться оптимистом под постоянным потоком новых данных о разрушительных социально-экономических последствиях бушующей пандемии COVID-19, экологического кризиса, нарушенияправ человека. Однако появление больших трудностей создает и немалые возможности. Осознавая это, я понимаю, что мне особенно повезло работать в Организации Объединенных Наций – единственной в мире организации, способной объединять страны в поисках решений, которые могут принести пользу всему человечеству.

– Да, вам действительно повезло. Конечно, существуют какие-то ограничения на распространение полученной информации. Какая информация не считается запретной?

– При приеме на работу в ООН все сотрудники принимают так называемую «присягу». На практике это означает, что сотрудник должен присягнуть, что будет выполнять свои обязанности только в интересах ООН и не будет принимать указаний ни от какого правительства. Наше личное участие в какой-либо политической деятельности не может отрицательно сказываться на независимости и беспристрастности нашего статуса как международного работника ООН. Хотя организация уважает личные взгляды и убеждения сотрудников, что гарантируется правами человека, которыми мы пользуемся как личности, под присягой мы все обязаны защищать общественное доверие к Организации Объединенных Наций. Это означает, например, что я не могу занимать какую-либо государственную должность, представлять правительство, публично критиковать или пытаться дискредитировать правительство, писать статьи или делать публичные заявления в прессе о политической кампании или партии, использовать публично и в социальных сетях информацию, известную нам в силу служебного положения. Эти обязательства не снимаются с нас даже при прекращении службы.

– Как отнеслись ваши коллеги к тому, что несколько лет назад Азербайджан стал председателем Совета Безопасности ООН?

– Мои коллеги в ООН, особенно работающие в Штаб-квартире, как я, хорошо понимают масштабы, мастерство и тонкость дипломатической работы, которую провела миссия Азербайджана при ООН на разных уровнях, чтобы прийти к этому результату. За мои более чем 16 лет в Штаб-квартире ООН я была свидетелем многих попыток занять это место странами, гораздо большими, чем Азербайджан по количеству населения, территории или просто возможностям. И, несмотря на все их усилия и задействование существующих ресурсов, они не смогли добиться такого результата. А Азербайджан смог.

– Я помню, какой резонанс возник в мире в связи с председательством Азербайджана в Совете Безопасности. Понятно, что вы постоянно загружены производственной работой, как это отражается на семейном равноправии?

– Мы с супругом одинаково сильно загружены работой, и поэтому приходится и работу по дому делить на двоих. Конечно, он как глава семьи принимает и несёт ответственность за окончательные решения. Меня вполне устраивает такое положение вещей. Как говорится, у кого большая ответственность – у того и больше обязательств.

– Нью-Йорк очень богат достопримечательностями и культурной жизнью. Остается ли время на посещение культурных мероприятий?

– Да, культурная жизнь Нью-Йорка очень насыщена, охватить все невозможно. Несмотря на нашу занятость, мы стараемся не пропускать мероприятий, в которых участвуют наши соотечественники. Например, недавно с большим удовольствием посмотрели оперу Пуччини «Турандот» в Метрополитен-опера, в которой выступал Юсиф Эйвазов. Пошли, несмотря на пандемию, и не пожалели.

– Как часто вы посещаете Баку?

– Как минимум, раз в год, это для меня как зарядка батареек, хотя хотелось бы, чтобы поездки на Родину были б чаще.

– Какие изменения в Баку вам импонируют?

– Повышение гражданской активности по социальным вопросам, которые в прошлом считались табу. Например, домашнее насилие или вопросы, которые в прошлом не считались достаточно важными, такие, как защита окружающей среды, гуманное отношение к бродячим животным. Интерес к вопросам, которые важны для благополучия общества в целом, а не отдельного человека. Приятно видеть, что люди не только открыто обсуждают вопросы, но и предпринимают действия: волонтерствуют, участвуют в сборе благотворительных средств. Азербайджанский народ всегда был великодушен и готов помочь попавшему в беду члену семьи, другу или соседу. Но сейчас это происходит в гораздо большем масштабе и более системно. Гражданская активность важна, потому что она позволяет каждому человеку в обществе быть лучшей версией самого себя.

– Смогли бы вы войти в теперешнюю жизнь на Родине?

– Сейчас это трудно сказать, мы давно уже выехали оттуда. Но это наша Родина, нам с супругом это будет проще – мы жили в Баку. Думаю, с детьми это будет несколько сложнее.

– Многие азербайджанские семьи гордятся тем, что знают свою родословную до средних веков. Знаете ли вы свою родословную?

– Моя девичья фамилия Зиядлы. Корни моей семьи ведут к последнему правителю Гянджинского ханства Джавад-хану (1785-1804 гг), который героически погиб во время обороны Гянджи в 1804 году. Приятно, что память о нем живет в сердцах сегодняшнего поколения. В самом центре Гянджи по инициативе президента и при поддержке Фонда Гейдара Алиева ему возведён мавзолей, открытый для посетителей. Успешно функционирует Фонд Джавад-хана, основной целью которого являются сбережение национальных, духовных и материальных ценностей Азербайджана, пропаганда наследия и сохранения для будущих поколений. Фонд в том числе занимается благотворительностью, оказывает помощь для решения социальных проблем творческой интеллигенции, внёсшей значительный вклад в историю и культуру Азербайджана. Возглавляет фонд мой отец Валид Зиядлы.

– Да, ваши фамильные корни весьма уважительны и глубоки. Очевидно, вы приумножите их. Благодарю за великолепное интервью и желаю вам и вашей семье всех благ!

АЗЕР ДАМИРОВ

Соединенные Штаты Америки

H A R M O N Y

It can be said that we have got
our own planet from the giant Universe
and we keep exploring it
by opening up new horizons.

Frangiz Alizade

Музыка испокон веков являлась неотъемлемой частью в жизни человека, посредством чего он мог выражать свои чувства и эмоции сильнее слов. Притяжение музыки настолько сильно, что она способствовала формированию национального и культурного наследия многих народов. Важную роль в выражении национального образа и культуры народа Азербайджана сыграло искусство музыкального жанра мугам, испытанное временем и ограненное до совершенства. Известные азербайджанские композиторы XX и XXI веков придавали огромное значение искусству мугама и брали его за основу во многих своих произведениях. В результате синтеза традиций мугама и западной музыки появились новые жанровые разновидности: мугамная опера, симфонический мугам.

Одним из выдающихся азербайджанских композиторов, автором большого количества произведений классической концертной музыки является Франгиз Ализаде, черпающая вдохновение из сокровищницы музыкальной традиции Азербайджана.

Госпожа Франгиз Ализаде, наряду с такими великими композиторами, как Уз.Гаджибеков, Ф.Амиров и К.Караев, своей музыкой смогла покорить сердца ценителей музыкального искусства в престижных концертных залах мира. Не случайно очень многие известные музыканты обращаются к ее творчеству. Ее произведения включены в репертуар таких исполнителей, как М. Ростропович, Хилари Хан, Йо-Йо Ма, «Кронос» квартет, Алим Гасымов, Давид Герингас и др.

Помимо композиторства, Ализаде ведет активную роль в научной деятельности. За ее плечами огромное количество музыковедческих трудов. В одной из своих музыкальных статей Ализаде подчеркивает тот факт, что, несмотря на достаточно хорошую изученность музыки Востока, а в особенности музыки мусульманского мира широкая общественность продолжает воспринимать ее как скорбную музыку муэдзина или же как дикие танцы бедуинов, основываясь на неясной и скудной информации путешественников. Справедливости ради композитор приводит в пример янычарские мотивы, использованные в опере Моцарта «Похищение из Сераля» и восточные опусы композиторов «Могучей кучки», о которых известно более осведомленной части общественности.

Летом 2019 года на фестивале iPalpiti Artist International в престижном концертном зале Лос Анджелеса Walt Disney Concert Hall с большим успехом состоялась мировая премьера произведения Франгиз ханым Ализаде «Harmony».

Композицию исполнял международный камерный оркестр iPalpiti под руководством известного скрипача и дирижера Эдуарда Шмидера. Госпожа Ализаде описала это произведение как «Портрет Азербайджана». Композиция настолько восхитила зрителей и произвела на них огромное впечатление, что зал наполнился бурными и вос-

торженными овациями. Зал аплодировал стоя. В сжатые сроки композитор виртуозно и ответственно смог подарить нам всем шедевр, который вобрал в себя всю теплоту, палитру и красоту азербайджанского мугама и традиционной музыки, а также особенности ритмичных азербайджанских народных танцев, грациозно сочетающихся с канонами классической музыки XX века, что и послужило названию – «Harmony».

Я со своей стороны хотел бы хоть и незначительно, но все же посодействовать в освещении музыки мусульманского мира, коим является Азербайджан, на примере композиции Ализаде «Harmony».

Прежде чем перейти к краткому музыкальному анализу этой композиции, было бы несправедливо по отношению к читателю лишить его лаконичного описания азербайджанского мугама и особенности танцевальных ритмов.

Азербайджанский мугам – это высокоразвитая импровизационная форма искусства, построенная на ладовой системе и исполняемая на тексты газелей классиков азербайджанской поэзии. Слово «мугам» имеет арабское происхождение и образовано от слова «макам», означающее «позиция» или «место». Расцвет литературы в Азербайджане произошел на фоне развития исламской культуры, что открыло новые возможности для музыки в Азербайджане. Азербайджанский музыкальный язык тесно связан с литературным наследием азербайджанских поэтов. Стихи в форме газели, написанные великими азербайджанскими поэтами в период Золотой эпохи исламской культуры – Низами Гянджеви, Хагани Ширвани и многими другими – стали неотъемлемой частью азербайджанской литературы и музыки.

Доминирующими темами в газелях являются темы любви и боли утраты. Газели накладываются на музыкальные импровизации в определенных ладах мугама.

Франгиз ханым дает художественное определение мугаму и его происхождению: мугам – это зерно, из которого произросло искусство мугамата, уходящее своими корнями в глубокую древность, поглощающее в себе все звуки окружающей среды: вибрации воздуха в раскаленной пустыне, журчание воды в прохладном оазисе, звон колокольчиков неторопливых караванов и бесконечный гул движущихся песчаных дюн. На кристаллизацию ряда этих объемных звуковых символов и ладов оказали влияние пасторальные народные мелодии, колыбельные, медитации дервишей, траурное пение Марсии, а также ритмы уличных церемоний. Существует свыше 70 ладов в мугаме, однако основными в мугаме, по мнению великого отца-основателя азербайджанской оперы, теоретика и основоположника современного профессионального музыкального искусства Азербайджана Уз.Гаджибекова, являются 7 ладов – Раст, Шур, Сегях, Чахаргях, Шуштер, Баяты-Шираз и Хумаюн. Каждый лад представляет собой строго организованную гамму, с опорной тоникой (майэ), где каждая ступень имеет свою определенную мелодическую функцию. Западная музыка основана на аккордовом построении, в то время как восточная музыка по своей структуре монодийна. Также характерным является присутствие остинатного звука или дрон тона в исполнении восточной музыки, чего не встретишь в западной музыке. Использование восточного музыкального дрон тона, что является радикальной концепцией для западного музыкального мира, не всегда приходится тоникой в исполнении того или иного лада в мугаме. Например, при исполнении мугама в ладе Сегях, дрон тон находится на третьей ступени гаммы, позднее перескакивая на другую ступень в зависимости от опевания вокруг определенного тона от того или иного раздела в произведении мугама. Таким образом, музыкант, который получил западное классическое образование и не ознакомленный с азербайджанскими мугамными ладами, с легкостью может попасть в заблуждение, думая, что дрон тон на третьей ступени – тоника. Причиной этому является тот факт, что очень часто мелодия в мугамах опевается вокруг дрон тонов и образует своеобразное тяготение к этому тону, что заставляет слушателя считать этот дрон тон тоникой. Многие классические произведения, народные песни и народные танцы пронизаны мугамными ладами.

Вот несколько примеров, демонстрирующих использование ладов в таких композициях, как Вальс из знаменитого балета «Семь красавиц» (основанная на стиле мугама Чахаргях), народная песня «Аман Нэнэ» (Раст), Гимн Азербайджана (Баяти-Шираз).

Как уже было упомянуто выше, мелодии в мугаме в основном импровизационные без метра (Бахрсиз хава), однако следует отметить, что есть определенные разделы мугама, которые являются метрическими (Бахрли хава).

Мугам состоит из двух основных форм: «дастгях» – это своего рода сюита, состоящая из нескольких частей, исполняется мугамным трио – вокал (ханенде) и два инструменталиста (традиционные азербайджанские народные инструменты тар[1] и каманча[2]), где ханенде солирующая партия; и «зерби-мугам», в составе трио+ ударные инструменты.

За основу произведения «Harmony» Ализаде берет форму «зерби-мугам».

Азербайджанский музыковед Рамиз Зохрабов дал всеобъемлющее описание зерби-мугама, как «крупное инструментальное произведение азербайджанской устной традиции, которое занимает важное место в музыкально-поэтической сокровищнице азербайджанского народа». Слово «зерби» обозначает ударный. Отсюда и название зерби-мугам – инструментально-вокальный мугам, где большую роль играют ударные.

С первых тактов мы слышим тремоло на народном азербайджанском ударном инструменте нагара[3], которое с самого начала создает атмосферу восточного колорита. Затем, со второго такта, струнные присоединяются с неторопливыми шестнадцатыми с фактурой опевания основного тона, своего рода равномерно разложенная мелизматика (группетто), заимствованная из традиционного ударно-инструментального вступления овшари зерби-мугама. Овшари является одним из разделов азербайджанского мугама Шуштер. Как правило, зерби-мугамы имеют форму рондального характера, и инструментальные вступления в них играют роль рефрена. Используя вступительный мотив-рефрен в «Harmony», который возвращается несколько раз в разных регистрах, композитор таким образом сохраняет характер рондальности в произведении. Этот мотив-рефрен встречается и в произведениях других азербайджанских композиторов. Например, в знаменитом симфоническом мугаме Фикрета Амирова «Курд-Овшари» используется этот мотив в части овшари.

Ализаде мастерски вплетает элементы азербайджанского мугама в ткань западной классической музыки. К примеру, с 9-й цифры через модуляционную связующую композитор подготавливает слушателя к лирическому эпизоду, пропитанному ладом азербайджанского мугама Чахаргях. Многие азербайджанские композиторы обращаются к мугаму Чахаргях за его уникальный музыкальный характер. Благодаря особенности строения тетрахорда лада Чахаргях, где присутствуют увеличенные секунды, создается ощущение обеспокоенности и взволнованности. Уникальность Чахаргях заключается в том, что он с легкостью может перевоплощаться из душещипательного певучего, приобретая наступательно-воинственный характер. Чаще всего этот лад встречается в произведениях воинственного или маршеобразного характера. Например, в «Джанги-рапсодии» Уз.Гаджибекова, в скрипичной сонате Азера Рзаева, в увертюре к балету Афрасияба Бадалбейли «Девичья башня».

---

[1] Тар – струнно-щипковый инструмент. Звук извлекается мизрабом (плектр). Изготавливается из тутового дерева. Корпус имеет форму в виде двух чаш образуя цифру 8,на которых натянута мембрана из животного пузыря.

[2] Каманча, как и скрипка, струнно-смычковый инструмент и имеет 4 струны. Главное отличие этого инструмента в том, что исполнитель держит инструмент вертикально как миниатюрную виолончель на колене в положении сидя. Другая отличительная черта этого уникального инструмента заключается в том, что вместо верхней деки находится мембрана из рыбьей кожи натянутая на сферообразный корпус.

[3]Нагара – обыкновенный барабан и единственное отличие в том, что на нем играют руками вместо палочек.

Мелодии в мугаме в силу своей одноголосной структуры обогащаются музыкальными украшениями-мелизмами для выразительности мелодической линии. Пленительно певучая мелодия этого эпизода украшена различными характерными в музыке азербайджанского фольклора мелизмами (трели, форшлаги и группетто). Заимствованный из традиций фольклорного инструментализма прием орнаментального оформления мелодий является одной из главных особенностей азербайджанского мугама, где орнамент становится неотъемлемой частью мелодии, придает характер импровизационности и гибкости. Несмотря на то, что Уз.Гаджибеков в своей монументальной работе «Основы азербайджанской народной музыки» продемонстрировал предельно близко примеры нотации украшений, используемых в мугаме, эти примеры просто формализованы в нотации, в то время как на практике очень затруднительно записать вспомогательные микротоны в орнаментации, стоящие перед или после основной ноты. Франгиз ханым умело выполнила эту задачу.

Орнаментация основной мелодии в произведениях азербайджанских композиторов является одним из способов тематического развития. Другим способом тематического развития является техника дублировки мелодической структуры в виде чистых и смешанных интервалов, таких, как кварто-квинтовые и октавы.

Помимо тематического развития, такой прием одновременно усиливает звучание мелодической линии.

Начиная с 15-й цифры, мы знакомимся с музыкой танцевального характера, ритм и мелодия которой настолько заразительны, что заставляет слушателя танцевать.

Азербайджанские народные танцы отличаются своей изменчивой выразительностью мелодии, достигаемой за счет спонтанных ритмических чередований. В азербайджанских танцах чаще всего используются размеры 6/8, 3/4, 4/4, и 2/4. Уже в первых семи тактах 15-й цифры размер меняется 4 раза с 4/4 на 3/4, затем на 2/4, и снова возвращается в размере 4/4. Многие популярные азербайджанские народные танцы являются прекрасными примерами, в которых изобилуют спонтанные ритмические чередования. В 16-й цифре повторяющиеся восьмые ноты создают ощущения маршеобразного движения. «Harmony» богата имитациями азербайджанских народных инструментов. Они основаны на ассоциации с тембром и методом звукоизвлечения народных инструментов. Например, вступительное тремоло на ударном инструменте, с которого открывается произведение, является имитацией народного азербайджанского инструмента нагара. Ритмический рисунок танцевального раздела тоже, несомненно, построен на имитации вышеупомянутого инструмента.

Скрипичная партия в лирическом эпизоде в ладе Чахаргях и триоли в 20-й цифре – это ярко выраженная имитация каманчи.

Заключается произведение эффектным тремоло в виде восходящих триолей, которые после достижения пика в итоге через глиссандо обрушиваются вниз на нижний регистр.

В данной статье я хотел познакомить читателя с произведением Франгиз Ализаде «Harmony», которая пропитана мотивами азербайджанского мугама.

Я благодарен госпоже Франгиз Ализаде за огромный вклад в мировую музыкальную индустрию и популяризацию великого наследия Азербайджана.

Мне посчастливилось лично присутствовать и принять участие в качестве музыканта в премьере произведения «Harmony». При исполнении данное произведение меня будто перенесло в солнечный Азербайджан, где я ощущаю дуновение ветра Каспийского моря.

С нетерпением будем ждать новых произведений и исполнений от Франгиз Ализаде.

ТАИР ТАИСОГЛУ

Стихи

Перевод Игорь ТАРАСЕВИЧ

Пора для игр

Братик мой,
брат мой Солтанага!
Поиграть ты со мною готов?
Уж до лета, смотри, полшага:
Всюду розы –
царицы цветов.
Реки радуются в этот час,
Берега наполняя всерьез.
И уже крылья бабочек нас
Осыпают пыльцой этих роз.
А роса, что упала на луг,
Так, на солнце играя, горит,
Так сияет!..
И кажется вдруг,
То сиянье глаза нам слепит.
Танцевать вышли маки, гляди:
За букетом танцует букет!
Их охапки горят посреди
Склонов гор.
Удивительный цвет!
Маки тоже играют – они
Ночью гаснут и спят на бочкѐ.
Ну а днем в эти светлые дни
Загораются вновь вдалеке.
Красный цвет,
мой любимый –
ура,
Словно пламя повсюду горит!
Брат, для игр наступила пора,
Нам о радости все говорит.
В волейбол, пока нет ветерка?..
Воздух сух и, как солнце, горяч.
Словно сетка, меж нами река,
Но в нее не закатится мяч.
Братик мой,
брат мой, Солтанага!
Поиграть ты со мною готов?
Уж до лета, смотри, полшага –
Поиграем средь алых цветов.

Белый флаг зимы

Вот весна пришла в долину,
Что была белым-бела.
И, с горы катясь, лавина
Нам шумит: «Весна пришла!»

Лишь на самой верхотуре
Не растает снег никак,
Словно вывесили бури
Пораженья белый флаг.

Бант Ферганы

Фергана спешила в школу,
Ветерочек дул веселый,
Маков цвет принес с полей,
И заплёл в косичку ей.
Шутки ветра не видны
Для одной лишь Ферганы.
А ребята то-то рады:
– Красный бант, – кричат,
– награда!
И немного смущена
С маком в косах Фергана.

Необычная рыбалка

Ловля рыбная – по мне!
Летом не до скуки:
Ставим сети на реке,
И молчим – ни звука.
Рыбки тоже начеку,
Словно шепчут:
– Слушай...
Рыбки рады червяку...
И, глядишь – на суше!
Попадают в нашу сеть,
На крючки садятся.
Чешуя – давай блестеть!
Вот удача, братцы!
Но не бойтесь, рыбки, нас.
Новое жилище
Приготовил я для вас,
Там светлей и чище.
Там я буду вас держать,
Будет вам просторно,
Буду вам я насыпать
Ежедневно корму.
Там вы будете гостить
И резвиться вволю.
А потом и отпустить
Я смогу вас, что ли...

Дерево чайсель

В честь мою, чтоб рядышком
Рос в саду двойник,
Посадили дерево,
Провели арык.
Вместе с этим деревом
Вырасту и я.
В школу этой осенью
Я пойду, друзья.
Принесу пятерки я
За свои труды.
Подрастет и дерево,
Принесет плоды.
Ветер ветви трогает,
Это ничего.
Как корона, звездочки
Ночью у него.
– Это слива, –
слышу я.
Что за канитель!..
Папа ведь назвал его
ДЕРЕВОМ ЧАЙСЕЛЬ!

Не могу теперь гулять

Наконец весна повсюду:
В поле, в роще, на лугу.
Но гулять теперь не буду,
Не просите, не могу.
Ведь теперь, куда ни глянешь,
Всюду клумбы и цветы –
Их топтать ногой не станешь,
Чтоб не портить красоты.
Не топтать же нам цветы!..
Средь цветов и я, и ты.

Простокваша

Бабушка молоко кипятила.
Молоко в кастрюле вспухало,
За ним следить надо было,
Бабушка рядом стояла.
Я спросил у мамы:
– А как получается простокваша?
– В это молоко немного
Бабушка мацони добавит,
На кастрюлю посмотрит строго
И в тепло на часок поставит.
Молоко заснет в кастрюле –
И простоквашей проснется!..

Футбол

Футбол – хорошая игра!
Нет веселее, право.
Ей только летняя пора
Приходится по нраву.
Но цепь прекрасных игроков
В атаке и в защите,
А капитан у нас таков,
Что лучше – не ищите.
Вратарь наш ловок.
Каждый гол
Дается трудно, что там!
Игра хорошая – футбол:
Прицельно!..
По воротам!..
Того, кто этот гол забил,
Целуют, поздравляют.
Ведь он потратил много сил,
Все это твердо знают,
И наша классная доска –
Футбольные ворота,
И в них, случается, пока
Попасть не может кто-то.
Но тут уже нельзя играть!
Урок не зря учили.
– Ура!..
Мы получили «пять»,
Как будто гол забили!..

Куда спешит тыква?

Тыквы в огороде
Здорово растут!..
Вырастает стебель
В несколько минут.
Как разведчик, тихо
Выйдя на балкон,
Лестницею сходит
Незаметно он.
Стебель-непоседа,
Как верблюд, упрям,
Ходит и гуляет
Так, как хочет сам.
И охапки листьев
Всюду, погляди:
В доме, возле дома,
Сзади, впереди.
Листья треплет ветер,
Разгоняя тишь,
Чтобы не заметали
Все дома до крыш.

Маслобойка

Маслобойку бабушка
В воздухе встряхнула,
Крышку отвинтила,
Внутрь заглянула:
Превратилась в масло
Хоть бы половина?..
Нам айран достался –
Льется струйкой длинной.
Как же так?..
В айране
Привкус масла тоже.
Масло в маслобойке
На айран похоже...

Настольная лампа

На письменном столе
Весь день она стоит.
А ночь придет, во мгле
Вниз головой горит.
Придет рассвет – она
Понурый примет вид.
Всю ночь она без сна,
А днем все спит да спит.
...А папа гонит сон –
Минутки лишней нет.
Он пишет, словно он
Сам излучает свет.

Сладкая вода

Гюльага пошел гулять,
На родник пошел опять.
Обошел родник соседний,
Чтобы дальний отыскать.

Ведь вода из родника
Только дальняя сладка.
Там, вдали, она прохладней,
Чем вблизи – наверняка!

Мацони

Мацони прокисло в кастрюле своей
И громко бурлит и кипит.
Афаг закричала:
– Смотрите скорей!
Мацони само говорит!